

АКАДЕМИЯ НАУК ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Д. Л. ПОХИЛЕВИЧ

КРЕСТЬЯНЕ
БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII ВЕКА

ВИЛЬНЮС — 1966

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Гл. I. Крестьяне королевских столовых экономий	13
§ 1. Реформа А. Тизенгауза	13
§ 2. Положение крестьян после реформы	25
§ 3. Экономии в 80-х гг. XVIII в.	52
Гл. II. Положение крестьян в старостах и державах	68
§ 1. Экономическое положение крестьян	68
§ 2. Крестьяне-слуги. Кутники	95
Гл. III. Крестьяне частновладельческих поместий. Попытки реформ	110
§ 1. Положение крестьян	110
§ 2. Характер крестьянских реформ	131
Гл. IV. Крестьянская община	143
Гл. V. Наемный труд	155
§ 1. Наемный труд в крестьянском хозяйстве	155
§ 2. Наемный труд в господском хозяйстве	163
Гл. VI. Борьба крестьян против нового усиления феодальной эксплуатации	177
Заключение	215

Редактор Р. Штуро
Техн. редактор Ст. Лукошьявичюс
Корректоры А. Микелевич и А. Златкувене

Издание № 8807.

Тираж 1000 экз.

Подписано к печати 30.V.1966 г. ЛВ 10715.
Бумага 60×90/16=6,75 бум. листа, 13,5 печ. листа, 13,63 уч.-изд. листа, Цена Р6. 0,97

Гос. типография «Пяргале», Вильнюс, ул. Латако 6. Заказ № 2.

ВВЕДЕНИЕ

Восемнадцатый век выступает в истории Речи Посполитой Польской, в состав которой тогда входили Белоруссия и Литва, как время далеко не однородное по внутреннему содержанию протекавших в нем социально-экономических и политических процессов. Этот век исторически распадается на две части. Первая — примерно до 60 гг., вторая — заканчивается разделами Речи Посполитой. Такая периодизация в основном приложима и к экономической истории страны. Первый период в хозяйственной жизни Белоруссии и Литвы характеризуется общим экономическим упадком, хозяйственным разорением, истреблением производительных сил общества во время Северной войны. Было заброшено 60—70% посевных площадей, погибло около 40% населения, уничтожено около половины рабочего скота, исчезли целые села. Удары, обрушившиеся на страну, были особенно болезненны еще и потому, что ее хозяйство не успело оправиться после упадка второй половины XVII в. Весь социально-экономический и политический строй Речи Посполитой тормозил быстрое восстановление экономики страны.

Как и в 50—60 гг. XVII столетия, особенно пострадали города, многие из них обезлюдели, ремесло и торговля в них еле теплились.

Последующее время этого периода — время самоотверженного труда белорусского и литовского народов над хозяйственным восстановлением страны. За 30—40 послевоенных лет население почти удвоилось. Запустевшие нивы в значительном размере были закультивированы, вдвое выросло поголовье скота. Господствующий класс, стремясь поскорее восстановить свое хозяйство, а с ним и доходы, вынужден был несколько ослабить эксплуатацию крестьян, а в ряде случаев предоставлять им льготы, освобождать на несколько лет от всех или некоторых повинностей и нередко даже оказывать помощь скотом, зерном, лесом, деньгами и т. д.

Изучение процесса восстановления поместного (вотчинного) хозяйства Белоруссии и Литвы в первой половине XVIII в.¹ дает основание сделать вывод, что оно происходило на феодальной основе и феодальными средствами и не связано, как это утверждают некоторые польские историки, с появлением в 20—40 гг. капиталистических элементов в экономике Речи Посполитой².

Иногда в литературе можно встретить полное отрицание восстановительного процесса в сельском хозяйстве в первой половине XVIII в. Этот процесс склонны видеть только во второй половине XVIII в., тесно связывая его с реформами этого времени³.

В действительности же, это было лишь продолжением процесса, начавшегося, как в этом нас убеждают источники, много раньше.

Второй период восемнадцатого века в истории Речи Посполитой характеризуется обычно как время экономического, политического и культурного оживления и подъема. Это относится, главным образом, к 70—80 годам.

Какова природа этого оживления? В ответах на этот вопрос историки далеко не единодушны. Некоторые из них объясняют это оживление лишь влиянием развивавшихся в стране капиталистических элементов⁴.

Не отрицая некоторой роли последних (как увидим далее, они сами были очень слабы), я все же склонен думать, особенно в отношении Белоруссии и Литвы, что без восстановления хозяйства (пусть даже не полного) в первый период XVIII в. на феодальной основе вряд ли имело бы место и экономическое оживление 70—80 гг.

Приведенная выше краткая характеристика отдельных периодов XVIII века говорит о том, что изучение поместного хозяйства и положения крестьян на протяжении всего XVIII в. как единого цельного периода (Я. Рутковский⁵ и др.) антиисторично. Экономические характеристики, полученные в результате статистического сведения данных (в т. ч. материалов

¹ Похилевич Д. Л., Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., т. 4, Львов, 1957.

² Historia Polski, t. 1, cz. 2, s. 46—7, W., 1957.

³ Воронков И. А., Состояние сельского хозяйства и положение крестьян Польши во второй половине XVIII в. (Тезисы докладов и сообщений на IV симпозиуме историков Восточной Европы, стр. 116—117, Рига, 1961.) Воронков И. А. Доклад и дискуссия по нему на I симпозиуме (Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, Таллин, 1959).

⁴ Воронков И. А., Указанные работы.

⁵ J. Rutkowski, Studia nad położeniem włościan w Polsce w XVIII w. (публиковалось в разных изданиях, последняя публикация в сборнике: J. Rutkowski, Studia z dziejów wsi polskiej w XVI—XVIII w., W., 1956.)

инвентарей), взятых для начала, середины и конца этого века, дают такие «средние», «общие» показатели, которые в действительности не имели места и, кроме искажения действительной картины, ничего не дают, как и не показывают развития одних или затухания других тенденций.

При изучении процесса разложения феодально-крепостнической системы и формирования капиталистического уклада обычно оперируют материалами второй половины XVIII и первой половины XIX вв. Причем аргументация основывается главным образом на материалах первой половины XIX в. Это и неудивительно. В это время зарождающиеся капиталистические элементы и даже уклад уже получают вполне осязаемое развитие, чего далеко нельзя сказать о второй половине XVIII в., когда они, особенно в области сельского хозяйства, бывают еле зримы, да к тому же нередко совсем исчезают. Некоторые из так называемых «признаков» зарождения капиталистических отношений (денежная рента, наемный труд, экономическая дифференциация крестьян, дворянские предприятия и т. п.) можно встретить в экономической жизни Речи Посполитой еще в XVI в. В последующее время они то исчезают, то вновь появляются, несколько не продвинув страну по капиталистическому пути развития. Наоборот, XVII в. и первая половина XVIII в. представляют собой время экономического упадка страны. Это заставляет историка быть осторожным в квалификации указанных выше «признаков» как капиталистических. Лишь со второй половины XVIII в. в социально-экономической и политической жизни общества появляются и приобретают устойчивый характер процессы, которые, то ослабевая, то усиливаясь, найдут себе поддержку в общем буржуазном развитии России в первой половине XIX в.

В силу конкретных исторических событий разложение феодально-крепостнической системы и формирование внутри нее капиталистического уклада для Белоруссии и Литвы нельзя рассматривать как единый непрерывный исторический процесс от середины XVIII до середины XIX в.

Как известно, начало его для обеих стран протекало внутри одной социально-экономической и политической системы (Речи Посполитой до ее разделов), а его развитие и окончание — в другой (Российской империи). С каждой из этих систем Белоруссия и Литва, как их звенья, были тесно связаны.

Автор не ставит своей задачей изучение процесса разложения феодальной формации в Белоруссии и Литве ни в целом, ни во второй половине XVIII в., в частности. Это невозможно без глубокого изучения всего комплекса социально-экономической и политической жизни страны. Это большая

самостоятельная проблема. Автор рассматривает ту часть хозяйственной жизни Речи Посполитой, где процесс разложения феодализма и формирования капитализма протекал во второй половине XVIII в., пожалуй, наименее заметно и где он наименее изучен — сельское хозяйство и крестьянство.

Главную свою цель автор видит в изучении положения крестьян и тех изменений, которые оно претерпевало в связи с развитием барского хозяйства и разложением феодального строя, в изучении борьбы крестьян за новые, более прогрессивные формы аграрных отношений. Это будет способствовать выяснению весьма важного сегодня в исторической науке вопроса — генезиса капитализма.

Экономическое и правовое положение крестьянства Белоруссии и Литвы во II половине XVIII века мало изменилось по сравнению, скажем, с концом XVII в.

Начавшееся по мере восстановления крестьянского хозяйства в 40—50 гг. XVIII в. новое наступление на крестьян в виде развития фольварочного хозяйства, а с ним и барщины, уменьшения удельного веса денежных платежей, перевода с чинша (денежной ренты) на отработочную ренту и т. п., продолжалось и во второй половине XVIII в. Больше того, во второй половине XVIII в. фольварочно-барщинная система достигла своего апогея.

Однако это вовсе не говорит о ее процветании. Наоборот, никогда в Речи Посполитой не раздавалось столько критических голосов в ее адрес и никогда не было столько частных и государственных попыток реформ, как во II половине XVIII века. В стране явно нарастала революционная ситуация, нашедшая свое выражение в народных движениях. Именно в это время господствующий класс и его государство вынуждены были официально признать наличие мучительного крестьянского вопроса, который Речь Посполитая так и не разрешила до конца своего существования.

Каков же был, хотя бы в общих чертах, тот социально-экономический и политический фон, на котором разворачивались конкретные события жизни белорусских и литовских крестьян?

Основа феодально-крепостнического строя — мобилизация (монополизация) земли в руках феодального господствующего класса — оставалась на всем протяжении второй половины XVIII в. без значительных изменений. Подобное положение сохранялось и в отношении крепостной зависимости крестьян. Однако нельзя забывать, что именно в сельском хозяйстве феодальная собственность и крепостничество получили наибольшее развитие и держались дольше всего, тормозя развитие производительных сил общества.

Поскольку лишь уничтожение феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве, в конечном счете, может в корне подорвать основы устаревшей системы и тем самым обеспечить окончательную победу новому капиталистическому строю в масштабе целого общества, приходится быть очень внимательным и к небольшим изменениям в указанной области.

В интересующее нас время здесь стали заметны некоторые сдвиги. Если до середины XVIII в. никакие гражданские права крестьян, в т. ч. по отношению к их наделу, законом не признавались, а мещанское землевладение, сведенное до минимума, было едва терпимо шляхтой, то во второй половине XVIII в. последняя была вынуждена немного поступиться своим монопольным правом на землю и крестьян.

Уже сейм 1773—1775 годов разрешил мещанам Белоруссии и Литвы приобретать землю. Еще дальше пошел руководимый шляхетско-буржуазным блоком четырехлетний сейм. Он улучшил гражданские и политические права мещанства и в частности разрешил им приобретать земельную собственность и даже «земские имения» вместе со шляхетской нобилизацией. В то же время шляхте разрешалось заниматься торговлей и промыслами без потери шляхетства. В случае приобретения городской недвижимости, она могла получить и городские права. Начинался процесс взаимопроникновения двух сословий.

Уступки шляхты в пользу крестьян были совсем незначительны. Сейм 1767—1768 годов установил смертную казнь для шляхтича за убийство крестьянина. Попытки государственной власти и передовой шляхты провести через сейм в 1780 г. «Кодекс Замойского» закончились полным провалом. Все же не лишено интереса то, на что соглашалась прогрессивная часть шляхты в отношении крестьян. Проект «Кодекса» предвидел выделение из общей бесправной массы сельского населения категории зажиточных крестьян, лично свободных и находящихся с землевладельцем в договорных отношениях, гарантируемых законом. В силу указанных договоров, в пределах, определяемых ими, такие крестьяне приобретали право наследственного владения и распоряжения своим наделом (в т. ч. отчуждения). Они могли приобретать землю на эффеитическом праве. Личную свободу получал второй и четвертый сын любого крестьянина, если он уходил учиться в город. «Кодекс» предвидел еще и другие небольшие улучшения.

Конституция 3 мая 1791 г. ограничилась лишь провозглашением над крестьянами опеки права и государства. Конкретных постановлений было два: а) закон гарантировал договоры, заключаемые между землевладельцами и крестьянами;

б) крестьяне, пришедшие из-за границы (то ли иностранцы, то ли возвратившиеся беглые), считались лично свободными.

Намного дальше ушел Поланецкий универсал, изданный Костюшко 7 мая 1794 г. в обстановке национально-освободительной борьбы. Он предоставлял всем крепостным крестьянам личную свободу, признавал за ними наследственное право пользования обрабатываемой землей и значительно облегчал повинности.

Весьма интересны в этом отношении реформы, проведенные некоторыми помещиками в своих владениях. В основном они сводились к улучшению прав крестьян в отношении их наделов и некоторому ослаблению личной зависимости, к развитию денежной ренты и наемного труда, к более свободной дифференциации крестьян.

Принимая во внимание большой удельный вес в Белоруссии и Литве государственных имений (столовых экономий и королевщин), необходимо отметить, что во второй половине XVIII в. в них было укреплено наследственное пользование крестьян своими наделами.

В порядке практики, оформляемой юридически, а чаще всего обходящейся без таковой, широкое развитие получили разные виды аренды земли.

Землевладельцы, а также королевский скарб часто, из-за отсутствия средств не имея возможности вести хозяйство, сдавали в аренду или заставу за долги шляхтичам, реже горожанам, целые имения или их части, а также отдельные угодья. Это было бичом для крестьян. Арендаторы поднимали доходность имений хищническими средствами, что вело к разрушению производительных сил.

Широкое развитие получила мелкая срочная и бессрочная аренда земли. В качестве арендаторов выступали как вольные люди, так и крепостные. Последние — индивидуально и общинами.

В Литве и Белоруссии в результате предшествующих опустошений и ликвидации фольварков было много пустых культурных и заросших земель. Шляхта широко сдавала их в аренду крестьянам в разных размерах и на разных условиях. Нередко крестьяне предпочитали сидеть на мелком наделе (загородники), а то и без него (халупники, кутники), а землю у помещиков арендовать за деньги. Весьма распространена была денежная аренда земли у помещиков крестьянскими общинами с общим пользованием ею или разделом между дворами согласно сумме внесенных денег.

Аренда земли, обычно краткосрочная, получила развитие и среди крестьян. Чаще всего обедневшие сдавали свои наделы зажиточным односельчанам.

Аренда земли становится заметным фактором экономического обогащения отдельных крестьянских семейств при равенстве надела.

Это было отклонением от типичных форм феодального землевладения и землепользования и стимулировало расслоение крестьян.

Изменения происходят и в области дальнейшего развития товарно-денежных отношений в стране и вовлечения в них сельского хозяйства в его обоих секторах — господском и крестьянском.

Землевладельцы прислушиваются к требованиям рынка, реагируют на них. Все большая доля фольварочного производства уходит на переработку и продажу. Стремясь повысить доходность своих имений, землевладельцы начинают вводить четырехполье, травосеяние, улучшают породу скота и т. д. Но в то же время увеличивают и барщину. Нередко шляхтич вкладывает средства в покупку живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота, в постройку предприятий и наем рабочей силы. К этому же стремятся и зажиточные крестьяне. В некоторых местах (Шяуляйская экономика) богатые крестьяне широко торгуют льном, коноплей, скотом и т. п. С торговой целью они ездят даже в порты. В то же время все возрастающая группа безземельного крестьянства продажу своей рабочей силы все больше и больше превращает в средство существования. В найме, как господском, так и крестьянском, сохранилось еще много феодальных черт, но неуклонно растут и буржуазные формы. Однако основным процессом в деревне была пауперизация крестьянства, что подрывало производственную базу шляхетского хозяйства, ускоряло его кризис.

Сравнительно быстро идет развитие и консолидация внутреннего рынка, освобождающегося понемногу от феодальных ограничений и использующего улучшение путей сообщения и условий кредита. Этому же способствует и намечающаяся специализация отдельных районов. На севере Литвы и Белоруссии все большее развитие получает лен, в западных районах (Гродненщина) — овцеводство, в частности тонкорунное, и т. д.

В это время строятся каналы (Днепровско-Неманский и Днепровско-Бугский), соединившие Балтийское и Черное моря, улучшаются для сплава русла рек, прокладываются хорошие дороги (например, через Пинские болота на Вольнь).

Во второй половине XVIII в. появляется ряд банков, в т. ч. два в Вильно, ведущих широкие кредитные операции. Законодательство улучшает условия кредита, защищая интересы кредиторов от феодального своеволия. Вводится новое, построенное на буржуазных принципах вексельное право. Все же

кредитование помещиков носит феодальный, потребительский характер, что, в конечном счете, привело к банкротству не одного польского банкира.

Правительство и сеймы 70—80 гг. XVIII столетия проявили значительную заботу о торговле и городах. Было установлено единство мер, веса и монеты. Была введена генеральная таможенная пошлина и уничтожены экспортно-импортные привилегии шляхты, ликвидированы внутренние пошлины, а также шляхетские «юридики» в городах и воеводские таксы на купеческие товары и ремесленные изделия. Это мешало шляхтичам использовать свои феодальные привилегии, а мелких — поставило в зависимость от скупщиков и купцов.

Приведенные выше мероприятия способствовали развитию национального рынка, формированию буржуазии и укреплению внутреннего единства государства.

Вторая половина XVIII в. отмечена массовым появлением различного рода предприятий, в том числе мануфактур, принадлежащих главным образом шляхте, эксплуатировавшей на них крепостной труд. По своей социально-экономической природе они были предприятиями феодального характера. Однако в них наряду с крепостным трудом применялся и труд вольнонаемных, как своих, так и иностранцев. Да и труд крепостных к этому времени приобретает все более регулярный, постоянный характер. Оплата их труда производится в зависимости от специальности и квалификации и нередко в порядке сдельщины. Наличие надела не отражалось на оплате. Возникают предприятия на паях со смешанным буржуазно-шляхетским капиталом (например, «Кампания шерстяных мануфактур»). Предприниматель-мануфактурист становится «модной» фигурой.

Подавляющее большинство шляхетских предприятий XVIII века закрылось (немногие продержались более 100 лет), но некоторые из них спаслись, перейдя целиком или частично в купеческие, реже крестьянские, руки, как это, в частности, можно видеть на Гродненщине. Неудачи такого рода не особенно обескуражили помещиков. Довольно крупные вотчинные предприятия (200—500 рабочих) в значительном количестве можно видеть в стране и в первой половине XIX в.

Развитию отечественной промышленности и торговли способствовали постановления сейма, запретившие ввозить из-за границы многие предметы роскоши и обязавшие экипировать армию и домашних слуг лишь за счет местных изделий и т. п. В то же время сырье и оборудование для гродненских мануфактур ввозились беспошлинно. Еще больше духом меркантилизма была проникнута деятельность скарбовых комиссий.

Со всеми этими новыми явлениями и процессами тесно связано начавшееся социальное разложение крестьянства, являющееся решающей социальной основой победы капитализма. Этот процесс сильно тормозят крепостничество и барщина.

Феодальному строю была известна имущественная дифференциация крестьянства, основанная почти исключительно на неравенстве крестьянского надела: крестьяне, загородники, халупники, коморники.

Хотя процесс социального разложения крестьянства в полную силу развернулся значительно позже, но и сейчас на экономическую дифференциацию крестьян начинают воздействовать зарождающиеся капиталистические элементы. Мы увидим, что землевладельцы нередко делят своих крестьян по-новому: на богатых, зажиточных, средних и бедных. Богатые и зажиточные — это не только многоземельные, но и торгующие (скупщики, арендаторы, корчмари и т. п.), а среди бедных встретим земельных крестьян, но с расстроеным хозяйством и т. д.

Заметны сдвиги и в области культуры и идеологии. Появляется светская школа с широким преподаванием естественных и физико-математических наук, с ботаническими садами и кабинетами.

Виленская академия реформируется в светский университет с кафедрой земледелия. Повышается интерес к агротехнике, Никогда в Речи Посполитой не выходило столько книг по разным отраслям сельского хозяйства, как во второй половине XVIII в. (с 1772 по 1800 гг. вышло 109 названий).

Нетрудно видеть, что большинство приведенных выше мероприятий и явлений почти не выходило за рамки феодального способа производства. Все же, принимая во внимание то, что на протяжении XVI — первой половины XVIII вв. все время шел процесс лишь усиления бесправия и феодальной эксплуатации мещан и крестьян, что кроме указанных реформ были проведены многие другие реформы в области общественно-политической и социально-экономической жизни, надо признать, что указанные изменения устраняли, смягчали наиболее одиозные черты феодального строя в Польше и создавали известные благоприятные условия для зарождения и развития в стране буржуазных отношений.

При этом, однако, нельзя забывать, что проявления нового были весьма пестры, неустойчивы и имели часто подчиненный и ограниченный характер. Все развитие носило противоречивый характер, ибо феодальные отношения оставались господствующими. Можно, например, напомнить, что Конституция 3 мая, а тем более Поланецкий универсал, фактически действовали не на всей территории Речи Посполитой, а глав-

ное, весьма короткое время и по существу не были проведены в жизнь. Что в основе ряда правительственных реформ и даже знаменательного самого по себе факта создания в последние годы Речи Посполитой шляхетско-буржуазного блока лежит не столько большой рост удельного веса буржуазии в экономической жизни страны, сколько страх шляхты перед все нарастающим движением крестьянских и городских масс, перед возможностью их объединенных усилий (об этом красноречиво свидетельствовала французская революция), лежит стремление патриотических сил опереться на более широкий социальный базис в борьбе за национальную независимость Польши. Таким образом, многие реформы в значительной степени были плодом не столько экономических, сколько политических факторов.

Новые производственные отношения зарождались в результате борьбы с основами феодального строя. Это находило свое выражение в наполнявшей всю вторую половину XVIII в. борьбе крестьян и горожан со шляхтой, борьбе, носившей упорный, часто острый вооруженный характер (Коливщина, Шяуляйское и Кричевское восстания и др.).

Глава I

КРЕСТЬЯНЕ КОРОЛЕВСКИХ СТОЛОВЫХ ЭКОНОМИИ

§ 1. РЕФОРМА А. ТИЗЕНГАУЗА

Как свидетельствуют публицистика, законодательство и попытки аграрных реформ, господствующий класс во второй половине XVIII в. был далеко не в восторге от фольварочно-барщинной системы, которая господствовала в поместном хозяйстве. Она давала невысокий экономический эффект и в то же время причиняла много хлопот и беспокойства. Крестьяне ненавидели ее и всячески стремились подорвать, а то и вовсе ликвидировать. Господствующий класс на путях реформ искал выход из создавшегося тупика.

Государство и землевладельцы стремились в какой-то степени устранить или хотя бы смягчить наиболее одиозные проявления фольварочно-барщинной системы, тормозившие развитие производительных сил и раздражавшие крестьянство, недовольство и волнения которого были крупным фактором политической и экономической жизни Речи Посполитой второй половины XVIII в. В то же время реформаторы старались сохранить в силе феодальные основы аграрных отношений.

Реформы аграрных отношений шли в двух направлениях. Одни, типа известных реформ Бжостовского, Хрептовича и среднепоместной поморской шляхты (см. главу III), шли по линии уменьшения фольварочного хозяйства, но зато более интенсивного его ведения, базируясь на наемном и, отчасти, крепостном труде. Крестьяне в таких случаях переводились преимущественно на денежную ренту, улучшалось их право в отношении наделов, они становились более свободными в своей хозяйственной деятельности, формировались две резко выраженные группы крестьян: 1 — хорошо обеспеченные землей, живым и мертвым инвентарем; 2 — заградники, сводившие концы с концами лишь благодаря подработкам. Это были, так сказать, исходные позиции для развития капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути.

Другое направление реформ, получившее свое развитие преимущественно в магнатских владениях Малой Польши, Белоруссии, Литвы и Украины, характеризуется усиленным

развитием фольварочного хозяйства, подсобных предприятий и мануфактур, которые владельцы стараются вести на западно-европейском агротехническом уровне, но, базирясь на барщинном труде. Естественно, что при таком направлении реформы рента работой сильно возрастает, а «средний» крестьянин остается основной фигурой, хотя дифференциация деревни продолжается.

В настоящей главе я и хочу остановиться на одной из таких реформ, проведенных в королевских экономиях Белоруссии и Литвы в 60 гг. XVIII в.

В упомянутых экономиях в 1783 г. было 118 тыс. населения, 1081 село и 206 фольварков (без Могилевской экономии, отошедшей в 1772 г. к России).

Королевские экономии, в которых во второй половине XVII и начале XVIII вв. были ликвидированы фольварки, а население переведено на смешанную, с превалированием денег, ренту¹, до реформы эксплуатировались скарбом почти исключительно путем сдачи их в аренду магнатам страны. Держатели в некоторых экономиях (Брестско-Кобринской) начали понемногу восстанавливать фольварки еще в 20—40 гг. XVIII в., но в большинстве случаев они ограничивались сбором с разоренных крестьян небольших чиншей и оброков. Естественно, что при такой системе львиная доля доходов от экономий попадала в карман держателя, а не короля.

К 1765 г. королевскому скарбу удалось сосредоточить экономии в своих руках и он решил хозяйничать в них иначе, самому развернуть фольварочное хозяйство. Этот новый курс очень четко и ясно сформулирован в докладной записке А. Ти-зенгауза, подскарбия надворного, королю. В ней говорится: «Посланные... ревизоры поля, ранее принадлежавшие двору (т. е. бывшие раньше под фольварками), от крестьян отняли и их самих как подданных к их барщинной повинности возвратили, высчитав, что от возрастающего урожая (на вновь организованных фольварках) можно ожидать увеличения доходов королевского скарба»². Произошел процесс диаметрально противоположный тому, который можно было наблюдать в королевских экономиях во второй половине XVII в. и в начале XVIII в., когда, наоборот, фольварочные земли раздавались крестьянам и их самих переводили с барщины на чинш.

¹ См. работы автора: «Перевод государственных крестьян Белоруссии и Литвы на денежную ренту» (Исторические записки АН СССР, т. 37. М., 1951 г.); «Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.». Львов, 1957.

² Цитирую по St. Kościalkowski, Ze studiów nad dziejami ekonomij królewskich na Litwie. (Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 137). Wilno, 1914.

Из резолюции администрации Брестско-Кобринской экономики на жалобу крестьян с. Пужичи в 1778 г. узнаем о технике проведения в жизнь этой экономической политики скарба: «Первоначальное устройство в экономиях началось перемериванием крестьянских земель и учинением устав с теми же крестьянами... Население имело быть двух категорий: одно — тяглым, другое — землянским, земля же была поделена на садибную (оседлую) и принятую... Садибной земли было назначено каждому хозяину (данного села) четверть волоки¹. И с этой четверти волоки тяглому, который не хотел быть землянином, а тяглым назначено два дня в неделю пригона (барщины), а кто не хотел выполнять барщину, того относили к землянству с уплатой чинша с оседлой четверти (волоки) пропорционально таксе поступлений с барщины в год. Остальную же землю, названную принятой, поделено согласно потребностям каждого крестьянина и установлена оплата этой земли согласно ее качеству. Через высланных ревизоров было выяснено качество почвы — хорошая ли, средняя, плохая или очень плохая. Путем измерения было определено, сколько и какого качества земли находится в каждом селе, и на основании этого была установлена такса земли и назначена оплата податей с принятых земель. Кто же сверх четверти садибной земли (оседлой) имел еще принятую, тот за нее только чинш платил, размер которого был установлен с учетом качества земли.

Согласно этому (устройству) сверх (указанного) никто от крестьян не требовал ни большей барщины сверх двух дней в неделю, ни большего чинша сверх таксы, установленной для принятой земли, исходя из ее качества»².

В действительности крестьяне далеко не всегда и не все в каждом селе получали именно $\frac{1}{4}$ волоки садибной земли. Очень часто встречаются хозяйства с $\frac{1}{8}$ и с $\frac{1}{2}$ волокой садибной земли. Как правило, все село получало равные наделы оседлой — садибной земли: $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ волоки, но нередко случаи, когда в одном и том же селе крестьяне сидели на наделах всех трех размеров. Можно допустить, что указанные отклонения, встречающиеся в инвентарях 70—80 гг., были уже продуктом позднейших изменений в положении отдельных дворов. Не исключена возможность, что $\frac{1}{8}$ волоки приняли маломощные крестьяне еще при раздаче наделов.

¹ Волока = 30 моргам = 21,36 ректара.

² Цитирую по „St. Kościalkowski, Ze studiów ekonomij królewskich na Litwie (Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 137, W., 1914“), стр. 137—138. В натуре, как это будет видно дальше, барщинные крестьяне выполняли еще ряд работ, вносили чинши и натуры.

Еще бо́льшая пестрота царила в области приемных — чиншевых волок. Крестьянские хозяйства принимали их в самых разнообразных размерах, от $\frac{1}{24}$ до 1,5 волоки. Изредка, правда, встречаются хозяйства совершенно без приемной земли. Такое положение вполне отвечало взглядам реформатора на приемные земли как на земли дополнительные, которые каждое крестьянское хозяйство берет по мере своих сил и возможностей.

Несколько иначе была построена устава Карвовского для Шяуляйской экономии от 31 июля 1765 г.¹ Она предвидела здесь только чиншевое население, которое сидело на оседлых волоках размером $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$, $\frac{1}{60}$. Всего здесь (в т. ч. и в городах) числилось по этой уставе 4025 хозяйств, 4787 оседлых волок, 3124 «в застенках», сданных, можно думать, крестьянам, и 608 волок пустых. Из той же уставки узнаем, что в экономике в это время жило 15,4 тыс. человек и имелось 6857 лошадей и 605 волов.

За все обычные повинности крестьяне платили (не считая торгового сбора и т. п.) «генеральный чинш» в размере 52 тынфов с оседлой волоки среднего качества². Сверх этого еще «малый оклад» в размере 2 тынфов на реставрацию построек двора и содержание наместников. «Стражу» выполняли в натуре. После создания в Шяуляйской экономике фольварков было введено новое положение.

Из приведенной выше справки администрации Брестской экономии по с. Пужичи можно подумать, что крестьяне были вполне вольны в выборе своего положения: идти ли им в тяглые или земяне, ходить ли им на барщину или платить денежную ренту.

В действительности же дело обстояло далеко не так. Стоит лишь просмотреть инвентари, чтобы убедиться в противном. Подавляющее число сел (90—95%), как и подавляющее большинство дворов в селах (75—100%) — тяглые. Освобождались от барщины лишь определенные группы сельского населения: войты, подвойские, лавники, крестьяне-слуги, новоселы в первые три года, «нехозяйственные» и очень редко еще кто-либо из крестьян.

Мероприятия скарба при Тизенгаузе в отношении крестьян столовых экономий не исчерпывались только переводом их с чинша на барщину. Для повышения интереса крестьян к хозяйству на своем наделе было декларировано их неотторжимое и наследственное пользование и распоряжение землей и постройками, но с ведома и согласия администрации двора.

¹ См. „Teki archiwalne“ Nr 5, W., 1957, ss. 236—248.

² Тынф принимался за 1 зл. 8 гр.

Чтобы избежать большого дробления крестьянского хозяйства, было запрещено делить наделы размером менее $\frac{1}{4}$ волоки. Насколько выполнялось это постановление сказать трудно, ибо хозяйства менее $\frac{1}{4}$ волоки встречаются нередко и позже. Возможно, они продукт более раннего времени, но скорее всего, что постановление выполнялось плохо.

Крестьянин, ушедший с надела и не вернувшийся в течение года, терял право на надел и постройки. Двор имел право передать их его ближайшему родственнику. Так же поступали, лишая крестьянина держания за его бесхозяйственность.

Реформу А. Тизенгауза по характеру и целям можно сравнить с реформой короля Сигизмунда-Августа (середина XVI в). Она представляла собой не локальные акты, подобно уставам очиншевания, а единое мероприятие, касающееся всех экономий и проводимое в них однообразно: везде устраивались фольварки, везде земля делилась на сацибную (осадную) и чиншевую, везде устанавливались одинаковые наделы и повинности, исходя из качества почвы. Однако реформой Тизенгауза было достигнуто меньшее единообразие, чем реформой Сигизмунда-Августа.

Реформа Сигизмунда-Августа носила сугубо феодальный характер и предполагала создание однотипного крестьянского хозяйства, способного выполнять все феодальные повинности (работы, дани, чинши). Она стремилась к устранению мало-земельных хозяйств как обузы и неисправных плательщиков. Эти же соображения лежали и в основе реформы Тизенгауза, желавшего путем уравнивания несколько приостановить дифференциацию государственных крестьян. Такое землеустройство носило феодальный характер, замедляло развитие товарно-денежных отношений в деревне. Этот момент в реформе Тизенгауза был значительно слабее, чем в реформе Сигизмунда-Августа, ибо крестьянин мог взять сверх минимума ($\frac{1}{4}$ вол.) еще приемную землю, а мог и не брать, если не было сил. Крестьяне же, имевшие такую возможность, брали, кроме своей $\frac{1}{4}$ волоки, еще и дополнительную землю.

Реформа Тизенгауза сближается с Сигизмундовской и по своим целям и средствам. В обоих случаях это было стремление к «примножению господарских (королевских) пожитков», в обоих случаях оно достигалось посредством «фольварки...», абы везде становлены, як наибольши быти могут... Гды заложен будет фольварк, тогды немалый пожиток скаргу нашему чинити может...» («Устава на волоки» 1557 г.).

О темпах и масштабах развития фольварочного хозяйства при Тизенгаузе говорят данные таблички, показывающей

высев в фольварках ржи, пшеницы, ячменя, овса в больших бочках (407 литров):

Экономи	1765 г.	1766 г.	1769 г.	1770 г.	1777 г.
Алитуская	294	—	623	702	1483
Шяуляйская	нет посе- вов	нет посе- вов	начались	—	2081
Могилевская	нет посе- вов	1034	—	1882	—
Брестско-Кобринская	434	—	927	—	2070

В Шяуляйской экономии осенью 1780 г. были установлены такие нормы посева: озимых — 2831 морг, яровых — 2570 моргов и под пар — 2847 моргов.

История относительно королевских экономий повторилась через 200 лет. Однако между фольварочно-барщинными реформами XVI и XVIII веков была разница. Если при Сигизмунде II двор-фольварк был один на волость, а многие волости его совсем не имели, то при Станиславе-Августе фольварк имелся в каждом войтовстве (4—5 сел.). В XVI в. работали 2 дня с 1 волоки, на которой сидела большая сложная семья, а в XVIII веке работали хотя и два дня, но с $\frac{1}{4}$ волоки, на которой сидела простая семья — тяжесть барщины ложилась далеко не одинаково. В обоих случаях барщина выполнялась независимо от качества почвы — с хорошей и с очень плохой — 2 дня, что было несправедливо. Но при Сигизмунде II эта несправедливость хоть немного смягчалась соответствующим соотношением остальных повинностей с качеством почвы, при Станиславе этого почти не было.

В XVI в. крепостной работал лишь в фольварке, в порядке повременной системы, причем количество труда (7 волок крестьянских на 1 фольварочную) исчислялось иногда даже с некоторым избытком. Теперь он работал не только на пашне, но и в многочисленных мастерских, на предприятиях, мануфактурах. Фольварк имел развитое животноводство, в т. ч. голландских коров, английских и прусских овец и свиней, украинских волов. Появилось много строений, жилых домов и служб: контора, амбары, гумна, конюшни, воловни, возовни, псарня, птичник, кухня, ледники, кладовые. Как правило, каждый двор имел свои предприятия по переработке сырья в товар: броварни, солодовни, винокурни, сыроварни, мельницы и крупорушки, шерстобитки, кирпичные заводы и т. п. Повсюду были рыбные пруды, плодовые сады и огороды. Все это поглощало сверх труда, затрачиваемого на основное земледелие, массу

дополнительного крепостного и частично наемного труда. На работах, как промышленных, так и сельскохозяйственных, широко применялась урочная система труда. Это было ответом феодалов на низкую продуктивность крепостного труда.

Правда, теперь крепостного в столовых имениях лечили доктор и фельдшера, а жена его принуждалась рожать в родильном пункте; его обязывали под угрозой штрафа ежегодно сажать в своем саду яблони и вишни; чтобы крепостной не умер в голодный год, был организован «коммунальный магазин», куда он обязан был ежегодно вносить определенную долю зерна (таким образом крестьянина в голодный год подерживал не господский двор, а община). Но все это «просвещенное» крепостничество ложилось на крестьян дополнительную тяжесть, за все это с них требовали высокопроизводительную работу, послушание и благодарность.

Более близкое знакомство с положением крестьян в связи с реформой Тизенгауза дает нам основание не согласиться с утверждением Рутковского, что Станислав-Август много способствовал улучшению положения крестьян «... не только в зависимых от него экономиях, но и в староствах»¹. Судить об этом лишь на основании писем короля нельзя, ибо факты в столовых экономиях говорят о противном, и в староствах мы увидим такое же ухудшение.

В это же время был реформирован и референдарский суд. Его защитная функция для государственных крестьян была увеличена, по крайней мере, на бумаге.

Сам суд превращается в орган, реформирующий аграрные отношения в староствах. В его состав были введены представители сената и посольской избы и «... таким образом, он превратился в суд Речи Посполитой»². При суде был учрежден «патрон убогих людей», обязанный бесплатно вести их дела.

В середине XVIII в. положение в староствах было весьма неоднородным, ибо референдарские суды при конфликтах крестьян со старостами в своих решениях руководствовались местными частновладельческими нормами, которые в разных местах были различными.

Теперь они начинают выносить однообразные постановления-уставы для всех староств, где возникали конфликты, независимо от местных традиций, руководствуясь общей аграрной политикой и практикой правительства.

Недельную барщину референдарский суд ограничивал обычно 4 днями конными с волоки. Как показывает приведен-

¹ J. Rutkowski, *Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku*, W. 1922, s. 22.

² Там же, стр. 23.

ная мной дальше практика в старостах, это положение в деятельности референдарских судов в жизни не осуществлялось или осуществлялось лишь частично.

Сеньором столовых экономий был сам король Станислав-Август, по мнению шляхетско-буржуазных историков, человек мягкого характера и гуманных взглядов, поклонник физиократов, выступавший за реформы, за улучшение положения крестьян.

Король в своих письмах к администраторам экономий неоднократно твердит о том, что жалобы крестьян ложатся на его совесть, а он хочет иметь ее чистой по отношению к ним. Он предостерегает администрацию от возможного преследования крестьян за их жалобы и просьбы королю. Однако дальше словесных деклараций и салонных разговоров о человеколюбивом отношении к крестьянам дело не шло. Подскарбий А. Тизенгауз прекрасно знал своего короля и на его предложения не отягощать крестьян повинностями скромно отвечал, что он готов выполнить распоряжение, но только в скарб короля будет поступать меньше доходов. После такого заявления Станислав-Август просил подскарбьего делать, как он находит нужным.

Таковы же были и его физиократические убеждения. Наличие их не помешало ему, как в России Екатерине II, усилить барщинно-крепостнический режим, перевести крестьян столовых экономий с денежной ренты на барщину, уменьшив при этом крестьянский надел и увеличив повинности.

В чем, можно думать, была причина изменения скарбом экономической политики в поместном хозяйстве, возвращения его к отработочной ренте как к основной форме эксплуатации крестьян?

Скарб искал средства к увеличению доходов короля. Скарбовое хозяйство носило феодальный характер, потому и возможности увеличения своих доходов скарб искал все на тех же феодальных путях. До 60 гг. XVIII в. хозяйство в ряде столовых экономий велось преимущественно или целиком путем очиншевания мелких крестьянских хозяйств. Крестьянство с огромным напряжением сил вело восстановление разоренного ранее хозяйства. При относительной слабости товарно-денежных отношений в разоренной стране, при низком уровне развития промышленности, крестьянское крепостное хозяйство велось примитивным отсталым способом, давало низкие урожаи и носило потребительский натуральный, сугубо зерновой характер. Технические культуры, как и подсобные отрасли сельского хозяйства или промыслы, получили некоторое развитие лишь в немногих местах. Таким образом, крестьянская семья ни в собственном хозяйстве, ни вне его не могла добыть

сколько-либо значительных средств сверх необходимых для покрытия собственных нужд, чтобы платить высокие чинши. Еще не вполне восстановившееся хозяйство могло выбрасывать на рынок на покрытие повинностей лишь небольшие количества хлеба, продаваемого на внутреннем рынке по низким ценам сравнительно с экспортом.

При таком положении значительно поднять чинш и таким образом увеличить доходы скарба было невозможно.

Причины, в свое время содействовавшие переводу экономических крестьян с барщины на чинш, — система аренды экономий, разруха и затруднения с экспортом, крестьянские движения, — к середине XVIII в. значительно смягчились или совсем исчезли. Речь Посполитая переживала период относительного спокойствия, восстановления хозяйства, усиления развития товарно-денежных отношений. Экономии были в руках короля, и он хотел вести хозяйство в них непосредственно через администрацию, стремясь увеличить свои доходы от экономий.

Экспорт, не прекращавшийся даже в тяжелые годы, с середины XVIII в. не просто увеличивается, а и меняет свой ассортимент. Если в годы разорения он состоял преимущественно из льна и пеньки, а также льняного и конопляного семени, аниса, постного масла, лоя, золы, древесины, воска и кож, то со второй половины XVIII в., при общем росте экспорта, вновь поднимается удельный вес хлеба.

С 40—50 тг. растет вывоз зерна из Гданьска, достигая 30—40 тысяч лаштов в год¹.

Из Крулевца отправлялось ежегодно около 17 тысяч лаштов хлеба. Этот порт имел особенно важное значение для Великого Княжества Литовского, ибо его экспорт был на $\frac{3}{4}$ литовским. Вырос экспорт хлеба из Либавы и Риги, откуда его вывозилось ежегодно вместе около 10—11 тысяч лаштов.

В отдельные периоды экспорт Великого Княжества Литовского рос весьма бурно. Так, семидесятые-девяностые годы он вырос (в польских злотых округленно) по зерну — с 3,79 млн. зл. до 10,8 млн. зл., по льну и пеньке — с 3,37 млн. зл. до 9,6 млн. зл., по крупному рогатому скоту — с 696 тыс. зл. до 1,04 млн. зл. и по молочным продуктам — с 45 тыс. зл. до 106 тыс. зл., т. е. примерно в 2—3 раза².

Одновременно с ростом экспорта росли и цены на зерно. После некоторой депрессии 30-х годов цены на европейском

¹ Лашт — мера объема. В зависимости от качества и вида зерна весил от 1800 до 2200 кг.

² Lietuvos valstiečių ir miestelėnų ginčai su dvarų valdytojais, II, p. 46, Vilnius, 1961.

рынке стали снова подниматься¹. Разрыв между ценами в портах и глубине страны стал увеличиваться, стимулируя вывоз.

Начал повышаться спрос на сельскохозяйственную продукцию и на внутреннем рынке. Во второй половине XVIII в. становится заметным оживление в мучительно медленно восстанавливавшихся городах, рост их населения, развитие ремесла. Это усиливало спрос на сельскохозяйственное сырье и продукты питания. В стране создается устойчивый и все расширяющийся рынок для сбыта сельскохозяйственного сырья, продуктов питания.

С середины XVIII в. в Литве и Белоруссии начинается рост мануфактур. Организовывали их главным образом магнаты с целью промышленной переработки сырья своих поместий трудом крепостных. Таким образом они стремились увеличить свои доходы.

Все эти сдвиги в экономике страны не могли не отразиться на положении крестьян, не могли не коснуться и королевских экономий.

Положение крестьян в королевских экономиях было несколько лучше, чем в соседних шляхетских деревнях. Десятки лет они выполняли неизменные, преимущественно денежные повинности, что в условиях восстановления хозяйства и систематического падения злотаго давало крестьянину возможность раньше землевладельца присваивать в свою пользу выгоды от роста производительных сил в его хозяйстве, а также выгоды от изменения рыночных конъюнктур. Тизенгауз считал, что разрыв в обложении королевских и шляхетских крестьян дает возможность немедленно и значительно увеличить обложение экономических крестьян, а неполная загрузка крестьянской семьи в ее хозяйстве предоставляет возможность использовать ее труд в фольварочном хозяйстве. В результате, доходы будут идти в карман короля, а не крестьянина. Как видим, секрет простой и не новый. Он был открыт за 200 лет до Тизенгауза таким же, как он, хозяйственным «гением» А. Гостомским и гласил: «Труд крестьянина — источник дохода шляхтича!». Антоний Тизенгауз, надворный подскарбий Великого Княжества Литовского, предложил Станиславу-Августу в корне перестроить скарбовое хозяйство на новых началах. Он считал, что нужно восстановить фольварки, улучшив обработку земли, ведя ее барщинным путем, но на уровне современной западноевропейской агротехники, знавшей уже четырехполье и травосеяние, и таким образом поднять урожайность полей. Закладка фольварков должна была в ряде

¹ T. Furlak, *Ceny w Gdańsku w latach 1701—1815*, tabl. Nr. 2, Lwów, 1935.

случаев закончить процесс освоения пустовавших еще земель, используемых нередко крестьянами лишь под пастбища¹.

Таким образом предполагалось увеличить доходность экономий и крестьянского хозяйства, сделав последнее способным выдерживать более высокие налоги и повинности. За счет доходов, полученных от расширения фольварочного хозяйства, Тизенгауз предлагал завести в экономиях мануфактуры на даровом крепостном труде, что должно было превратить их в крупный источник королевских доходов. И, наконец, он считал необходимым облегчить торговлю, улучшить дороги и сплав по рекам, развивать ремесло, что оживит города и увеличит доходы.

Как видим, это было стремление превратить экономии в хозяйства, создающие крепостным трудом большие рыночные ценности. Реализацию последних предполагалось производить наиболее выгодным путем — через мануфактуры и экспорт.

Такой план неизбежно повлек за собой не просто возврат к фольварочно-барщинной системе, а даже укрепление ее и развитие. Отсюда — уменьшение крестьянского надела, ибо фольварки были созданы в каждом войтовстве, и установление повинностей за него главным образом работой.

Базой деятельности Тизенгауза была Гродненская экономия. Используя развитое в этом районе овцеводство, он организовал здесь и в Бресте суконную мануфактуру и ряд других производств, а в Шяуляй, Ионишкее и Поставах — полотняные мануфактуры. Это были мелкие предприятия, но количество их росло со временем. В 1780 г. их было уже 23. Наиболее крупной была шелковая мануфактура, имевшая 62 станка.

В экономиях было создано много мелких производств по переработке леса, руд, кож, масличных семян и особенно зерна. Для организации пивоваренных заводов, как и школы пивоваров, были приглашены чехи. Широкий размах приобрела хищническая эксплуатация леса.

Тизенгауз был человек широкого размаха, большой энергии, стремившийся подвигать хозяйственное положение экономий, внедряя современные достижения по организации хозяйства, агротехнике и т. д. Деятельность его была весьма разнообразной. Он организовал две типографии, издавал газету, книги, выписывал иностранных мастеров, основал школы, ботанический сад, медицинские пункты, закупал за границей породистый скот, насаждал сады, развивал технические культуры. Однако все эти достижения, бывшие, в основном,

¹ См. Универсал короля к комиссарам в Шавлях (Шяуляй) („Teki Archiwalne“, Nr 5, s.s. 286, 290).

продуктом уже буржуазного развития Европы, он базировал на все той же фольварочно-барщинной системе. Это была попытка выжать из феодального поместного хозяйства максимум возможного, применив к нему достижения буржуазного общества, однако не меняя его феодальной природы. Естественно, что такие хозяйственные стремления А.Тизенгауза, как и ряда его современников, влекли за собой усиление противоречий между развитием производительных сил и производственными отношениями, усиление эксплуатации крестьян, обострение классовой борьбы.

В основе экономических мероприятий Тизенгауза лежали далеко идущие политические планы. Он принадлежал к кругу людей, видевших основную причину слабости Речи Посполитой в немощи ее центральной власти. Главным средством усиления власти короля, стремившегося опереться на среднюю шляхту и привязать к себе обедневшую, Тизенгауз считал финансовую независимость последнего от сейма. Он убедил Станислава-Августа, что его мероприятия сильно увеличат королевские доходы и дадут возможность вести самостоятельную политику. В счет будущих доходов двором был сделан заем в голландских банках на сумму 12 млн. талеров. Однако платежи по нему показали просчет. Доходность экономий, действительно, очень выросла, но сильно выросли и расходы на покрытие инвестиций в промышленности и сельском хозяйстве, расходов на строительство дорог и дефицитных предприятий, приглашение иностранцев, закупку породистого скота и т. п. Так, на строительство лишь гродненских мануфактур было израсходовано около 6 млн. рабочих дней. Это вызвало некоторое охлаждение короля к своему любимцу. Политические планы Тизенгауза стали ясны магнатам и некоторым кругам шляхты и вызвали резкую оппозицию к нему. Оппозиция стала обвинять короля в покушении на существующий государственный строй.

Неудачи Тизенгауза и желание короля отвести от себя подозрения заставили его отстранить последнего от дел. Позже мы снова видим Тизенгауза во главе экономий, но уже в роли державца. Однако оппозиция, опираясь на поддержку царского посла Штакельберга, добилась в 1780 г. его отставки. Возник громкий судебный процесс Тизенгауза со скандалом, вызвавший в стране большую политическую дискуссию и оставивший после себя некоторые интересные источники.

А. Тизенгауз и его деятельность в польской шляхетско-буржуазной историографии были идеализированы. Историки видели его мануфактуры и мелнирации, дороги и почту, балет и школы, но не замечали крестьянских плечей, на которые

была взвалена огромная тяжесть содержания «просвещенного абсолютизма».

Нельзя согласиться с тем объяснением аграрной реформы Тизенгауза, какое дает ей Станевич. Говоря о восстановлении барщины в королевщинах, он добавляет «... ибо этого требовал земледельческий прогресс и более интенсивное ведение хозяйства экономических фольварков»¹.

В это время земледельческий прогресс в Европе уже нашел новые пути организации крупного производства, но не на барщинном, крепостном труде, а на свободном, наемном — создание фермерских хозяйств с наемной рабочей силой и, наконец, развитие мелкособственнических хозяйств. Этот процесс шел по линии раскрепощения крестьян, по линии развития капиталистического производства и производственных отношений.

У читателя может возникнуть вопрос: как могло случиться, что крестьяне столовых экономий, староств и многих частных имений, прожив на феодальной денежной ренте (чинше) десятки, а то и сотни лет, были переведены снова на барщину? Дело в том, что денежная рента никогда в Белоруссии и Литве не была доминирующей в национальном масштабе. Разорение страны и обострение классовой борьбы создали для нее временно благоприятную обстановку.

Огромная сила феодального господствующего класса и его государства, забитость и неорганизованность крепостного населения, нерушимость феодально-барщинной системы, вовлеченной в мировой товарооборот, как основной формы эксплуатации крестьян Речи Посполитой даже во второй половине XVIII в., отсутствие широкого сопротивления со стороны крепостных крестьян при слабости буржуазного развития страны и поддержки со стороны городов были теми обстоятельствами, при которых скаруб и многие частные владельцы перевели крестьян с денежной ренты на барщину.

§ 2. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

В исторической литературе нет материалов, характеризующих экономическое положение крестьян в первые годы после реформы Тизенгауза. В архивах мне удалось обнаружить документы и описания экономий, относящиеся тоже к более позднему времени, к 80 гг. XVIII в. Все же и на их основании можно вполне правильно представить положение экономических крестьян в 70 гг. После того, как в 1780 г. скаруб разорвал контракт с Тизенгаузом и забрал у него экономии, в них было про-

¹ W. Staniewicz, *Rzut oka na rozwój dziejów na ziemiach litewskich* (Ateneum Wileńskie, t. II, 1924)

ведено некоторое улучшение положения крестьян путем ликвидации или уменьшения тех работ и даней, о которых они больше всего просили. Из инвентаря Брестско-Кобринской экономии за 1786 г.¹ видно, что в это время крестьянам в ней были сделаны следующие облегчения:

1. Упразднены 5 дней бесплатной работы за зерновую ссуду скарба.

2. Упразднены 10 дней шарварка — вместо 24 дней установлено 14 дней (в других экономиях были свои нормы).

3. Ликвидировано «полесное» за лыко и дрова из господского леса.

4. Ликвидирована дань грибами и орехами.

5. Ликвидирована дань «медовая» за содержание пчел.

6. Оставлена лишь однонедельная «стража» вместо двухнедельной в год.

7. Ликвидирована бесплатная работа на дворовых огородах: прополка, поливка и уборка. Всего было ликвидировано, примерно, 25 дней барщины в год.

8. Взносы (по крайней мере по Шяуляйской экономии) по коммунальным складам снижены с 30 гр. до 15 гр.

Инвентари других экономий этих годов также не содержат в себе перечисленных повинностей. Все остальное сохранилось по-старому.

Крестьяне экономий 70—80 гг. XVIII в. могут быть разделены на две группы: тяглых и «вольных». Обеспеченность земель тех и других была, примерно, одинакова: земли оседлой — обычно $\frac{1}{4}$ волоки, реже $\frac{1}{8}$ и еще реже $\frac{1}{2}$ волоки; земли принятой — обычно от $\frac{1}{8}$ до 1 волоки. «Вольные» обычно имели ее больше тяглых.

Повинности делились на общие для всех категорий крестьян и повинности, свойственные каждой группе в зависимости от ее положения в производстве.

Повинностное положение тяглых крестьян, к которым принадлежало огромное большинство их в 80 гг. XVIII в., было, примерно, следующим:

За оседлую землю тяглые крестьяне отрабатывали с $\frac{1}{4}$ волоки 2 дня барщины в неделю, а всего 104 дня в год. При наличии в крестьянском хозяйстве двух голов рабочего скота крестьянин отрабатывал конные дни, при отсутствии скота — пешие. Если у него была одна голова рабочего скота, то он отрабатывал в год 52 конных дня и 52 пеших. С $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{2}$ волоки оседлой земли крестьянин отрабатывал соответственно вдвое меньше или вдвое больше дней. Работу объявлял лавник,

¹ Вильнюсский Центральный Государственный Архив Древних Актов. (Далее — ВЦГАДА), кн. 11518.

он же, согласно инструкции, устанавливал ее размер. Работали от восхода до захода солнца с перерывом на обед и полдник. Выполнившие норму могли уйти раньше. Не вышедшие по уважительной причине на работу должны были отработать потом¹.

Сверх этого крестьяне с каждого хозяйства обязаны были участвовать в четырех однодневных толоках или гвалтах в год.

Этим не ограничивалось количество дней, которые должен был отработать крестьянин. С каждой четверти волоки полагались еще одна неделя в год стражи, а также ночные дежурства на фольварке. Дежурства выполнялись по очереди (но не более трех человек с войтовства за один раз) и сводились, главным образом, к охране скотного двора и гумна от воров и поджогов. Эта повинность была установлена вместо «уступленной крестьянам . . . второй недельной стражи»².

Определенное количество конных и пеших дней (20 дней в Гродненской экономии³, 14 дней в Брестско-Кобринской, 8 дней в Шяуляйской⁴) крестьяне должны были отработать на «крестьянские коммунальные нужды» (шарварки) и «ни на что другое». Шарварковые работы обычно представляли собой «восстановление по селам обветшавших домов, обработку полей убогих людей, раскорчевку заросших крестьянских полей, ремонт плотин и мостов как на трактах, так и в каждом селе»⁵. Нетрудно заметить, что среди шарварковых работ были такие, которые раньше выполнялись фольварком или за его счёт, а теперь были переложены на плечи крестьян. Так, например, раньше ремонт «незвыклых» мостов и дорог (обычно на трактах) крестьянам засчитывали в повинности, а теперь такой ремонт производился за счет шарварковых работ. Раньше помощь слабым хозяйствам осуществлялась двором, хотя бы в виде предоставления такому хозяйству льгот от повинностей, теперь же эта помощь осуществлялась крестьянами в порядке шарварковых работ. На расчистку поросших волок вновь принимавшим их крестьянам раньше давалась льгота за счет двора, теперь же помощь новоселу ложилась на общину. Шарварки были обязательной повинностью для крестьян всех категорий, ее обязаны были выпол-

¹ ВЦГАДА, кн. № 11518, лл. 25—26; кн. № 4058, л. 819.

² Там же, кн. № 11518, л. 43; кн. № 4058, л. 820.

³ Там же, кн. № 11307, л. 409.

⁴ Там же, кн. № 4058, л. 833 об.

⁵ Из резолюции администрации Брестско-Кобринской экономии сельской общине Половецкой волости. Цит. по указ. статье С. Косцялковского (Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 138) См. также ВЦГАДА, кн. № 4058, л. 833 об.

нять и чиншевые¹. Земляне и «контрактовые» крестьяне могли освободиться от нее, уплатив по 24 гроша за день².

Наконец, крестьяне должны были давать подводы для вывоза господского зерна в речные и морские порты по норме: 3 мили литовские (24 км) с грузом или 6 миль порожняком в день³. В Шяуляйской экономии расчет подвод со двора был такой: одна подвода в год до Либавы, или две подводы до Риги, или четыре подводы до Митавы⁴. Подводы засчитывались в недельную барщину, однако для крестьян они были тяжелее последней. В Шяуляйской экономии (возможно и в других) практиковались еще так называемые «покурки» — дополнительная работа по два дня в неделю в сентябре-ноябре для мотыльбы господского зерна⁵.

К натуральным взносам относились: изготовление двух саженой невода и пяти саженой льняных веревок в год (за право ловли рыбы в реках и озерах); «даремщина» — прядение ниток (от $\frac{3}{4}$ до 2 фунтов) на веревки из своего льна или конопли — взимались в Брестско-Кобринской и Гродненской экономиях; 1 курица и 6 яиц с каждого крестьянского двора в год и 1 гусь с каждых 10 дворов⁶. Наконец, крестьяне давали в «коммунальные магазины» взносы по несколько гарнцев зерна в зависимости от имущественного положения. При погашении ссуды, взятой из «коммунального магазина», за каждую ссуженную пур (24 гарнца) взималось по 3 гарнца⁷.

Из денежных взносов на первом месте стояла «подворовщина», взимавшаяся за оседлую землю в зависимости от ее качества, местоположения и удобств согласно таксе от 6 до 15 злотых с надела⁸. Так, в Яновской губ. платили подворовщину в среднем по 46 зл. с оседлой волюки. На втором месте стояло «подымное», которое выплачивалось в зависимости от имущественного положения крестьянского двора: богатые платили 12 злотых, зажиточные — 9, средние — 6, бедные —

¹ ВЦГАДА, кн. № 4058, л. 35.

² Там же, л. 823 об.

³ Там же, кн. 11518, л. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же, кн. № 4058, л. 820. Такое название эта работа получила потому, что на нее отправлялись очень рано, когда поднимаются куры.

⁶ Там же, л. 56. Этот натуральный оброк взимался только в Шяуляйской и Гродненской экономиях, в Брестско-Кобринской его не было.

⁷ Там же, л. 823 об. Погорельцы и обнищавшие крестьяне получали безвозвратные ссуды (ВЦГАДА, кн. № 11518, лл. 13, 14, 16 и др.). В Брестско-Кобринской экономии взносы в «коммунальные магазины» не производились.

⁸ Там же, кн. № 11518, лл. 13, 233 и др. Этот оброк носит ярко выраженный поземельный характер и напоминает собой чинш XVI в.

3 злотых (Гродненская экономия¹); в Брестско-Кобринской экономии платили в среднем по 4 злотых с дыма², а в Шяуляйской — по 8 злотых с волоки³. Это была государственная подать.

Кроме того, крестьяне вносили гиберну — старую государственную подать на содержание войска. В описываемое время гиберна вносилась в кассу скарба регулярно, независимо от состояния войны или мира и наличия войск. Взималась гиберна в экономиях огулом с общин, а последние распределяли ее уже между крестьянами по их имущественному положению. Инвентари не содержат норм гиберны для отдельных категорий крестьян, но по приводимым в инвентарях суммам гиберны, падающим на отдельные села, видно, что на каждое хозяйство приходилось от 1 до 2,5 злотых⁴.

Всем селом платились также «пивная аренда» (Брестско-Кобринская и Гродненская экономии) и «свобода торговли» (Шяуляйская экономия). Пивная аренда, как раньше корчемная аренда, платилась крестьянами за право свободного изготовления спиртных напитков на собственные нужды. Вносимая всем селом, она разверстывалась среди крестьян по их имущественному положению. В более богатых селах на хозяйство приходилось в среднем до 25 злотых «пивной аренды» в год, в более бедных — до 10 злотых⁵. По такому же принципу разверстывался в Шяуляйской экономии и взнос за «свободу торговли». Богатые платили 32 злотых с хозяйства, зажиточные — 24, средние — 16, бедные («подлые») — 8 злотых⁶.

«Свобода торговли» давала крестьянам значительно больше свободы, чем пивная аренда, ибо она распространялась не только на изготовление спиртных напитков, но и на все виды торговой деятельности. Таким порядком они выкупили чоповое, ярмарочное, торговое, купеческую коробку (сбор), мостовое⁷. Нетрудно видеть, что в данном случае, как и в случае с «пивной» арендой, крестьяне выкупали у феодала его сословную привилегию.

Наконец, взносы в «кассы коммунальные» делались либо по 6 зл. 15 гр. с каждой закультивированной крестьянской волоки (Шяуляйская экономия), либо, в зависимости от имущественного положения крестьянина, от 1 зл. 15 гр. до 11,5 гр. (Гродненская экономия). От этих взносов не освобождались

¹ ВЦГАДА, кн. № 4058, лл. 18, 42, 163 и др.

² Там же, кн. № 11518, лл. 13, 16, 17, 21 и др.

³ Там же, кн. № 4058, лл. 45, 46, 48 и др.

⁴ Там же, кн. № 11518, лл. 13, 16 и др.

⁵ Там же, кн. № 4058, л. 822 об.

⁶ Там же, лл. 822—823.

⁷ Там же, кн. № 4058, лл. 822—823.

даже шляхта и еврейское население. Эти деньги шли на благоустройство поселка, содержание доктора, фельдшера, родильного дома и т. п.¹

В коммунальный магазин взносы делались всеми видами зерна и служили для ссуд пострадавшим от стихийных бедствий или просто бедным. Коммунальные магазины Яновской губ.² в 1780 г. имели в своих закромах 2055 бочек ржи, 187 — овса, 228 — ячменя, 35 — гречихи, 17 — конопляного семени, 8 бочек льняного и 5 осьмин гороха.

О размере и характере ссудных операций коммунальных магазинов можно судить по их операциям в 17 селах Яновского ключа³.

В 1780 г. за крестьянами числилось ссуды: 58 бочек ржи, 108 — ячменя, 47 — овса, 6 — гречихи, 3 — конопляного семени, 5 осьмин гороху и 6 — льняного семени.

За приемную землю крестьянин отбывал шарварки и платил чинш в размере от 8 до 88 зл. с волоки в зависимости от количества земли⁴, ее качества, местоположения и удобств (в Яновской губ. платили в среднем 42 зл. с волоки). За принятые волоки «под зарослями» платили меньше — от 5 до 8 зл. с волоки⁵.

Точно подсчитать в деньгах все повинности тяглого крестьянина невозможно, ибо неизвестна стоимость рабочего дня для пешего и конного, стоимость подвод, количество дней покурок, ночных дежурств и некоторых данин в натуре и деньгах. В общем со среднего по имущественному положению крестьянина, державшего $\frac{1}{4}$ волоки «оседлой» и $\frac{1}{4}$ волоки «принятой» земли, причиталось около 175 дней работы на дворе и «коммунальном» хозяйстве и около 30—40 зл. в деньгах и данинах. Эта сумма составила, примерно, так: 104 дня недельной барщины, 8 дней за толоки (4 дня по 2 рабочих), 7 дней годовой стражи, 7 ночных дежурств, как минимум, и 20 — максимум, 14 дней — шарварки за тяглую и 14 — за чиншевую землю⁶, даремщина — 4 дня, реставрация зданий — 2 плюс 10 дней покурки. Исчисления эти являются приближительными и сделаны мной на основании материалов ряда конкретных сел и ключей. Все же они довольно близки к действительности. При некоторых селах Брестской экономии находим указания, что дополнительные (сверх 104 дней) работы

¹ ВЦГАДА, кн. № 4058, 823 об.

² ЛОЦИА, ф. 181, оп. 2, д. 1035, св. 101, л. 68—69.

³ там же, л. 50.

⁴ ВЦГАДА, кн. № 11518, лл. 39, 50, 91, 761.

⁵ Там же, лл. 16, 17, 19.

⁶ Там же, кн. 11518, л. 35.

конно (т. е. без даремщины и покурок) составляли 52 дня с тяглой $\frac{1}{4}$ волоки. Косцалковский их исчисляет в 46 дней¹.

Все это составит значительную сумму. Скарб расценивал стоимость конного дня шарварков в 24 гр.², а пешего — 10 гр. Обычное отношение количества конных дней к пешим, судя по суммарным данным инвентарей, равнялось, примерно, 2 : 1, т. е. 116 конных дней и 59 — пеших. Так рассчитывали дни пешие и конные в добрах Пулавских (И. Барановский, *Dobra puławskie Ekonomista* 1907, № 2, st. 232.). Таким образом получим сумму в 142—150 зл. с полуволочного хозяйства (112 зл. за работы + 30—40 зл. за платежи)³. Сумма очень большая. Правда, богатые и имущие должны были платить больше, а бедные несколько меньше, но, с другой стороны, и хозяйство их было слабее.

Важно отметить, что из этой суммы в пользу государства (подымное и гиберна) причиталась ничтожная доля — 8—10 зл., или около 7%. В чиншевых хозяйствах этот процент был несколько выше — он равен 8. Почти такой же процент составляли эти платежи и в государственных поместьях в Короне. В тяглом хозяйстве они равны 6,1%, а в чиншевом — 7,2%⁴.

Знакомство с конкретными повинностями в столовых добрах, мне кажется, не дает основания для оптимистических утверждений Корзона, что они были «милостиво умеренные», а на притеснение крестьяне могли жаловаться королевской администрации⁵. Жаловаться они имели право, но это почти не давало результатов, т. к. сам скарб стремился к увеличению эксплуатации крестьян. Свидетельством этого является реформа Тизенгауза.

Небольшую категорию крестьян составляли «вольные» (вольные от барщины). Они делились на «земян» или бояр, «официантов» и др. «Земяне» — это не шляхта XVI—XVII вв. и даже не слуги-бояре, хотя они и носили это имя, а просто очиншованные крестьяне. Характерной чертой их повинностей, как и повинностей других групп чиншевых крестьян, является их преимущественно денежный характер и полное освобождение от всех видов работ: недельной барщины, гвалтов, стражи, ночных дежурств, даремщины, покурок, даже от шарвар-

¹ Указанная ранее работа, стр. 149.

² ВЦГАДА, кн. 4058, л. 823 об.

³ В том числе 10 зл. чинша за 0,25 приемной волоки.

⁴ M. Kniat, *Gospodarcze znaczenie ciężarów ludności włościańskiej w Polsce w XVIII w.*, Poznań, 1929, s. 165.

⁵ T. Korzon, *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, t. I, s. 350, W. 1897.

ков они могли откупиться, внося в кассу общины за каждый день работы по 24 гр.¹

«Земяне» не платили «подворовщины», они платили с оседлой земли за все ординарные повинности работой «земянщины», которая была очень велика. Так, в Шяуляйской экономии с четверти волоки платили до 80 зл. в год, в других экономиях — меньше. За это шяуляйские «земяне» освобождались от торгового, ярмарочного и дорожного сборов. Они свободно могли изготавливать пиво для своих нужд «без уплаты чопового»², как и другие крестьяне. В других экономиях «земяне», как и остальные крестьяне, в обязательном порядке выплачивали соответственные сборы.

Остальные платежи и повинности: чинш с приемных земель и шарварков за них, государственные подати, взносы в коммунальные кассы и магазины были те же, что и у тяглых крестьян. Кроме того, «вольные» (за исключением «земян»), как и остальные крестьяне, платили (по крайней мере в Шяуляйской экономии) еще «за свободу всякой торговли». В Гродненской экономии они, видимо, платили «пивную аренду». Этот платеж, как и с тяглых, взимался в зависимости от их экономического положения.

Косцялковский считает размер «земянщины» очень высоким и предполагает, что это сделано, чтобы затруднить крестьянам доступ в эту категорию³. Вряд ли с этим можно согласиться. Администрация могла просто отказать крестьянину или вывести из земянства в тяглые. Ведь они не были вольными людьми в смысле юридическом, а вольными лишь от барщины. Сюда входили, как будет дальше выяснено, многие группы крестьян, в т. ч. слуги, сюда же, наверняка, попали и бывшие бояре-слуги. Отсюда и само название: бояре, земляне, а повинности — «земянщина». К выводу о высоком размере им «земянщины» Косцялковского привело неверное понимание им «земянщины» как подати, равной подворовщине тяглых⁴. Это не соответствует ни идее, заложенной в основу реформы Тизенгауза, ни позднейшим инвентарям. В приведенной выше резолюции администрации Брестско-Кобринской экономии на жалобу крестьян с. Пужичи в 1778 г. сказано ясно: «...а кто не хотел служить пригона, того отнесено к земянству с оплатой чинша с оседлой четверти (волоки) пропорционально таксе поступлений с барщины в год». В инвентаре 1789 г. Шяуляйской экономии также говорится о том, что

¹ ВЦГАДА, кн. № 11518, л. 35; кн. № 4058, лл. 819—823.

² Там же, кн. № 4058, лл. 47, 56, 819—822.

³ Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 150.

⁴ Там же.

«земянщина» «вносится за уступленные повинности»¹. В «Уставе повинностей... Шяуляйской экономии»² за тот же год повинности крестьян-земян изложены вполне ясно и полно, как они и приведены мной выше. Из этой Уставы неясно одно: земяне обязаны давать подводу до Либавы под зерно, но подвода засчитывалась тяглым в барщину, а засчитывалась ли она «вольным» в земянщину — не сказано.

Если рассматривать «земянщину» как компенсацию за тяглые повинности, то она окажется вовсе не такой большой. Для этого стоит лишь сравнить ее с приведенными выше расчетами за барщину тяглых крестьян. Примерные подсчеты отягощения бояр (земян), произведенные по тому же принципу, что и тяглых, дадут цифру в 120—130 зл. с 0,25 волоки (оседлой).

Земяне, преимущественно перед другими, хотя и на равных условиях, в большом количестве держат чиншевую приемную землю (до 3 волок³), чего с тяглыми не бывает. Земяне, бесспорно, самая зажиточная часть крестьян. Как правило, они в инвентарях всегда числятся богатыми и имущими и лишь в отдельных случаях — убогими.

Эта категория населения была очень небольшая, в 80 гг. XVIII в. она составляла: в Алитусской экономии — 264 двора, в Шяуляйской — 130, в Брестско-Кобринской — 37 «бояр».

Были «земяне» и в Гродненской экономии, но установить их количество трудно потому, что хотя цифра «земянщины» за 1783 г. и известна — 10 221 зл., но такса ее здесь была ниже, чем в Шяуляй и составляла в среднем 56 зл. с четверти волоки, но главное затруднение заключается в ее очень большой пестроте, иногда, например, она снижается до 20 зл. с четверти⁴.

Ничтожное количество «земян» в столовых добрах является не столько продуктом высокой «земянщины» или недоброжелательного отношения администрации к этой категории населения, как предполагает Косцялковский, а результатом того, что в эту категорию были зачислены не все крестьяне, желающие сидеть на чинше, как писала администрация Брестской экономии на жалобу с. Пужичи, а преимущественно бывшие слуги-бояре, оказавшиеся ненужными. В ряде случаев они так и называются: «бояре», «боярские хозяйства»⁵. Изредка встречаем бояр и не на «земянщине», а на повинности боярской⁶.

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, л. 56.

² Там же, л. 819.

³ Там же, кн. 4058, л. 47, 56 и др.

⁴ Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, V, s. 150.

⁵ ВЦГАДА, кн. 11518; лл. 18, 759.

⁶ Там же, кн. 11518, л. 233. Об этом подробнее см. в нашей статье в сб. «Средние века», М., 1962.

Второй группой «вольных» крестьян были «официанты» или «официалисты». Они, подобно земянам, не несли повинностей работой, за исключением «шарварков»¹. Они сидели на «вольных землях», т. е. не давали с них никаких ординарных оплат.

В состав этой категории входили: а) ключевые войты, занимавшие обычно 1 волоку, но иногда и $\frac{1}{2}$ вол.²; б) подвойты (подвойские), занимавшие обычно $\frac{3}{4}$ вол., но и $\frac{1}{2}$ вол.³; в) лавники, занимавшие $\frac{1}{4}$ вол., но и $\frac{1}{2}$ вол.⁴; г) босняки.

Эти наделы были их вознаграждением за службу. Раньше надел за службу имел только войт, а теперь и остальная крестьянская администрация. Это, можно думать, связано с возвращением экономий от чиншевой системы к фольварочной, которая и усложняла и увеличивала работу сельской администрации. Повинность босняков заключалась в том, что они несли курьерскую службу, т. е. доставляли письма и административные распоряжения из ключа в ключ и 6 раз в год дежурили при вице-экономе⁵. Босняков встречаем лишь при дворах, в селах бывших огородников, из которых они и комплектовались. Использование огородников на посылках не ново. В инвентаре экономии за 1742 г. упоминается, что огородников «раньше держали на посылках»⁶.

«Официанты», за исключением босняков, принадлежали к зажиточным слоям крестьян.

«Контрактные» люди тоже «вольные». Их правовое и повинностное положение было весьма пестро и определялось заключенными с ними контрактами. В эту группу, судя по Шавельской «Уставе повинностей», входили «шляхта, иностранцы и другие вольные люди»⁷. От всех тяглых повинностей они были свободны и платили по контракту деньгами условленную сумму.

Однако независимо от условий все они обязаны были выполнять общественные повинности — шарварки или вносить деньги за них, участвовать в общинных складах, ссыпать зерно в общественные магазины, платить «за вольность всякой торговли».

¹ ВЦГАДА, лл. 364—366.

² Там же, кн. 11518, лл. 364, 764.

³ Там же, лл. 19, 148, 364, 764; кн. 4058, л. 46.

⁴ Там же, кн. 11518, лл. 177, 282, 364, 384, 576, 584; кн. 4058, лл. 14, 17, 19.

⁵ Там же, лл. 245, 759; кн. 4058, л. 54. Ими пользовались также для всяких репрессий и террора.

⁶ Там же, кн. 11499, л. 216.

⁷ Там же, кн. 4058, лл. 820. В данном случае «вольные» — не крепостные.

К категории «вольных» крестьян относились весьма малочисленные «новые», т. е. новопоселившиеся крестьяне¹. Чаще других это были «пруссаки», «рудники», «москали», сведения о повинностях которых очень скудны (видимо их повинности определялись индивидуальными соглашениями). Для иллюстрации положения этой группы можно остановиться на 12 селах Гродненской экономии 1789 г.² Новопоселенцы были освобождены от повинностей на 3 года, а «москали», образовавшие здесь 8 сел в период с 1782 по 1788 гг., получили освобождение от повинностей даже на 6 лет. Судя по фамилиям, это настоящие русские (Федоров, Евфимов, Туманов и т. п.), а не просто из России. Все они — беглые, то ли старообрядцы, получившие здесь свободу вероисповедания, то ли преследуемые бывшие пугачевцы. Здесь они получали надел от $\frac{1}{2}$ до 1,5 волоки, кроме того, общиной брали в аренду морги свободной земли. Как пример можно привести с. Водники размером в 10 волок среднего качества. В нем 7 хозяйств, имеющих 18 лошадей и 28 коров³.

Другие поселенцы — «рудники». Их село так и называется — «Рудка». В нем 16 волок среднего качества и 4 волоки болота (возможно с болотной рудой). В селе 22 хозяйства, которые держат от $\frac{1}{2}$ до 1 волоки. Льготный срок освобождения от повинностей у них окончился, и в 1789 г. они платили от своих волок голый чинш в размере 62 зл. с волоки в год за все повинности⁴.

В категорию «вольных» входили крестьяне-слуги, стрельцы и осочники, которые за свою службу получали обычно небольшие участки оседлой земли — $\frac{1}{4}$ волоки, вольные от работ и платежей⁵. К оседлой земле они брали иногда довольно много приемной на чинше — полволоки и больше. В эту же категорию были зачислены и кутники (коморники), т. е. лица, снимавшие угол для жилья у основных держателей⁶. Они обязаны были, кроме 3-х дней работы летом в дворовом огороде или на уборке хлеба, 1 день работать «наравне с другими тяглыми крестьянами на ремонте скарбовых построек, а сверх этих повинностей ни до каких иных работ привлекаемы не могут быть»⁷.

В инвентарях 80 гг. XVIII в. кутники-коморники в селах встречаются уже значительно чаще, чем в XVI—XVII вв.

¹ ВЦГАДА, кн. 11518, лл. 364—366; кн. 11307, лл. 383—389.

² Там же, кн. 11307, лл. 383—389.

³ Там же, кн. 11307, л. 386.

⁴ Там же, кн. 11307, 384.

⁵ Там же, кн. 11518, 148, 167, 371; кн. 4058, 46.

⁶ Там же, кн. 4058, л. 387.

⁷ Там же, л. 820.

В некоторых селах их по 3—4 человека, но в очень многих — ни одного. Несмотря на замечавшееся обеднение и обезземеливание государственных крестьян столовых экономий Великого Княжества Литовского кутник (коморник) остался здесь до самых разделов Речи Посполитой преимущественно городской, а не сельской фигурой, не в пример его собрату в Польше или Червоной Руси. В Шяуляйской волости их было больше всего¹: 160 семейств (420 человек). Из них 90 — в городе Шяуляй и 70 — в 13 селах. У них — 16 коней, 7 коров, 3 вола и много мелкого скота. Некоторые из них временно держат землю, даже целые оседлые наделы в $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ волоки. В таких случаях они несут все тяглые повинности наравне с остальными крестьянами деревни². Наличие в Шяуляйской экономии большого числа кутников объясняется довольно высоким здесь процентом богатых крестьян, которые нуждались в рабочей силе.

К категории «вольных» можно было бы отнести еще крестьянские хозяйства, именуемые в инвентарях «неспособными», а также «бесхозяйственными»³. Инвентари прямо не определяют состава этих хозяйств, не дают им экономической характеристики, но это, в известной степени, можно представить по описанию тех хозяйств, возле которых эти названия стоят. Эпитет «*niedotężni*» (*niedotężny*) — неспособные, негодные, немощные обычно встречаем возле хозяйств, где глава семьи, двора еще несовершеннолетний⁴, или же преклонный старик, или же «убогая» вдова. Они освобождаются от работ натурой даже если имеют рабочий скот. Изредка их лишь привлекают к гвалтам⁵. Эта группа хозяйств имеется почти в каждой деревне. Их количество колеблется от 1,5% до 12%.

Значительно реже встречается близкая к ним группа хозяйств с эпитетом «бесхозяйственные». Это вовсе не значит, что в них нет хозяев. Там жили семьи, как правило, «убогие», не могущие вести хозяйство своими собственными средствами⁶.

Наконец, к «вольным» относились крестьяне, освобожденные от барщины по распоряжению комиссаров или короля⁷.

Население немагдебургских городов делилось на две группы: а) мещане-землевладельцы, платившие подати со своих усадеб и земель и обязанные до 8 гвалтов в год и посылки;

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, лл. 65—67.

² Там же, кн. 11518, л. 387.

³ Там же, лл. 364, 366, 369, 427, 443 и др.

⁴ Там же, кн. 11518, л. 584.

⁵ Там же, л. 364.

⁶ Там же, лл. 366, 440.

⁷ Там же, л. 494, с. Дубины.

б) ремесленники, которые никаких работ не несли. Еврейское население было обложено иначе, чем христианское. Знакомство с повинностями населения дает возможность сделать и некоторые общие выводы. Во-первых, при всем стремлении скарба к унификации, в действительности обложение даже барщинного населения было неравномерным.

При установлении размеров обложения, кроме нескольких уже забытых принципов Устава 1557 г. (зависимость от качества земли, выполнения некоторых повинностей в очередь или общиной) появились и новые. Так, при исчислении чинша или подворовщины принималось во внимание не только качество земли, но и местоположение участка. Это особенно ярко видно в Гродненской экономии. Вот с. Служки, грунт у него «улучшенный подлый, присады хорошие, положение среднее»¹. В других случаях положение определяется как «доброе» или «подлое»². Что ложилось в основу этих категорий, нигде в инвентарях не сказано. Другим новым принципом обложения, применявшимся во всех экономиях, было исчисление ряда повинностей, в особенности «коммунальных» и государственных, а также всяких раскладок по имущественному положению. Для этого все население экономий было разбито на 4 категории: богатые, имущие (зажиточные), средние, убогие или «подлые». В Шяуляйской экономии по инвентарю 1789 г. население выглядело так: богатых хозяйств — 75, имущих — 333, средних — 834, убогих — 1753³. Ключ Брестский: богатых — 21, имущих — 34, средних — 94, убогих — 96⁴. В других ключах Брестско-Кобринской экономии картина подобная. Как видим, больше всего убогих хозяйств. В Шяуляйской экономии они составляли даже 58,5%.

На каком основании производилось такое деление — неизвестно. Изучение многочисленных конкретных примеров привело меня к выводу, что эти градации теснее всего связаны с количеством рабочего и продуктивного скота, но, видимо, влияли и другие факторы — количество и качество земли, работоспособность членов семьи, промыслы, в частности, пчеловодство, занятие торговлей. Можно даже усомниться в единстве принципов, положенных в основу деления для всех экономий. Скорее всего администрация это делала по совокупности показателей. Чтобы проиллюстрировать, насколько не совпадают имущественные градации с количеством скота, можно привести с. Скоки (Брестская экономия)⁵. Здесь «богатый» имеет 1 коня и 2 волов, «средний» — 1 коня, 2 волов

¹ ВЦГАДА, кн. 11307, л. 18.

² Там же, лл. 21, 42 и др.

³ Там же, кн. 4058, л. «Итоги».

⁴ Там же, кн. 11518, л. 23.

⁵ Там же, кн. 11518, л. 21.

и 1 корову, но другой «средний» — 2 волов и 1 корову, а «убогий» — тоже 2 волов и 1 корову.

В с. Речице той же экономии¹ «богатый» имел 6 голов рабочего скота и 13 — продуктивного, а «средний» — 2 головы рабочего скота и 4 — продуктивного скота. Правда, в Гродненской экономии «убогие», как правило, не имели скота или имели 1 голову рабочего скота².

В Шяуляйской экономии в с. Суткунай «убогие» имеют от $\frac{3}{4}$ до 1 вола земли и от 0 до 5 голов рабочего скота³. Пожалуй, такой «убогий» Шяуляйской экономии в другом месте мог сойти и за «среднего», а то и «имущего». Возможно потому «убогих» так много в этой экономии?!

Совершенно новыми явились коммунальные повинности. Правда, некоторые из них были и раньше — починка дорог, мостов, плотин, шлюзов и т. п., но взносы в кассу и магазин были новшеством, как и работы по реставрации корчем, дворов и т. п.

Как уже указывалось выше, эти «коммунальные» работы и сборы представляли собой не что иное, как скрытую форму дополнительных работ и платежей двору, ибо раньше все функции «коммунальных учреждений» выполнял двор за счет обычных ординарных поступлений от крестьян.

Все повинности и платежи исполнялись через войта и лавников, или в их присутствии. Порядок выполнения был таков: каждый год сельская администрация согласно существующим положениям и нормам исчисляла причитающиеся с общины платежи и повинности и проект подавала на утверждение администрации двора, после чего он поступал к войту для выполнения⁴. В случае стихийных бедствий (пожар, град) или других несчастий, не дающих возможности селу или отдельному хозяйству выполнить целиком свои повинности, составляется реестр убытков и подается администрации на утверждение. После утверждения реестр служит основанием для недобора⁵.

Совершенно по-новому выглядело положение о неплательщиках по неуважительным причинам и о роли общин в этом случае. «Устава повинностей... Шяуляйской экономии» от 1789 г. для того, чтобы не обременять село неплательщиками по неуважительным причинам (бесхозяйственные, «гультаи» и т. п.), за которых оно должно было платить в порядке круговой поруки, разрешает просить у администрации санкции на выселение таких неплательщиков и продажу их имущества на покрытие долгов, но при условии, что их наделы будут при-

¹ ВЦГАДА, кн. 11518, л. 13.

² Там же, кн. 11307, лл. 21, 102.

³ Там же, кн. 4058, л. 45.

⁴ Там же, кн. 4058, л. 821.

⁵ Там же, л. 822.

няты их ближайшими родственниками или другими лицами вместе с их повинностями¹.

Нетрудно видеть, что реформа Тизенгауза, хотя и затормозила экономическую дифференциацию крестьян, но не остановила ее: установление единого надела (оседлой земли), усиленное обложение имущих дворов при льготах убогим, шарварковые повинности, коммунальные и торговые сборы носили такой же характер. Было выгодно не бросаться в глаза двору, быть средней фигурой.

Чтобы дать всестороннее представление о состоянии крестьян конкретных сел и тех изменениях, какие принесла с собой реформа Тизенгауза, остановлюсь на ряде уже приводившихся в моей книге «Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.» ключей. Вот Брестский ключ (см. таблицу 1). В этом ключе существует фольварк на тех же землях, что и в 1742 г. На его полях высевается 61 бочка разных культур. Двор имеет много разнообразного продуктивного, в т. ч. заграничного скота. Ключ (хозяйственный комплекс сел) в 1786 г. уменьшился против 1742 г. втрое. В нем лишь 5 сел. Надельный земельный фонд остался в селах без изменения против 1742 г. и даже 1566 г. В состав ключа вернулось маленькое село Скоки, бывшее много десятков лет в частном держании.

Какие сдвиги произошли в земельном держании? В четырех первых селах было в 1742 г. тяглой земли — 49 волок, а в 1786 году их уже стало 58, соответственно чиншевых (приемных) было — 50 волок, а стало 48 и пустых в 1742 г. — 6 волок, а в 1786 г. — их совсем нет.

Хозяйственное восстановление и одновременное усиление фольварочно-барщинной системы отразилось здесь как в зеркале. 6 пустых волок и 2 чиншевых 1742 г. стали к 1786 году тяглыми. В 1742 г. в указанных четырех селах было — 169 хозяйств, теперь же — 245. Отсюда — дробление крестьянского надела, даже при учете использования крестьянами 6 пустых волок. Совершенно исчезли шляхтичи — «доживотники» и всякие посторонние временные держатели, которых было много в первой половине XVIII в., когда скарб не мог своими силами освоить разоренные экономии. Скарб в них уже не нуждался и освободился, эксплуатируя столовые добра только в пользу короля.

Недельная барщина с волоки не увеличилась, остались те же 4 дня в неделю, что и в 1742 г.², но зато выросли дополнительные повинности работой (покурки, реставрация зданий,

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, л. 822.

² Считая 0,5 волоки оседлой и 0,5 волоки чиншевой.

Ключ Брестский в 1786 г.
ВЦГАДА, кн. 11518, лл. 13—24.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

№№ п.п.	Названия сел	Количество земли (в волоках)					Колич. хоз-в		Скот			
		всего	В том числе				всего	обяз. барщ.	конн	волы	коро- вы	прочн
			воль- ных	церков- ных	садиб- ных	чише- ных						
1	Речница	9	0,5	—	8,5	—	36	34	4	72	36	166
2	Сычи	48	0,5	2	19,5	26	83	82	26	108	9	205
3	Нехолсты	28	0,5	—	16,5	11	65	64	100		17	261
4	Яцковичи	22	1,25	—	12,75	8	57	54	100		277	
5	Скоки	4	—	—	0,75	3,25	4		10		26	

Примечания: 1. «Коммунальные» повинности не показаны, как не показаны и те тяглые повинности, которые здесь не применялись.
2. Крестиком отмечается наличие данной повинности, размера которой инвентарь не дает.

шарварки и т. п.). Барщина была увеличена за счет дополнительных мелких работ, а главным образом за счет привлечения к ней тех крестьян, которые до этого времени платили ренту деньгами. В этом отношении примечательна судьба жителей с. Яцковичи. Это бывшие в XVI в. конюхи. На протяжении 200 лет, до реформы Тизенгауза, они сохраняли право платить за все повинности деньгами, а теперь они — тяглые¹. Подобная история произошла и с другими селами (Кринки, Новоселки и т. п.).

Совершенно исчезли натуральные дякла, «лесовой» овес, «лесовые» куры, прокураторщина, но зато выросла подворовщина, заменившая старый чинш и компенсировавшая ликвидацию вышеуказанных даней и платежей.

Итоги ключа были следующие²: волок садибных — 58, приемных — 48,25, вольных — 2,75. Хозяйств тяглых давних конных — 191, хозяйств тяглых давних пеших — 29, хозяйств, прибывших после 1783 г. — 11, хозяйств вольных — 14. Населения обоего пола — 1208 человек. Скот: коней — 69, волов — 351, коров — 72, ялового скота — 195, овец — 344, свиней — 432, семей пчел — 35.

¹ ВЦГАДА, кн. 11518, л. 19.

² Там же, л. 22—23.

Таблица 1

Хоз-ва без рабо- чего скота	Имущественное положение				Повинности в год деньгами (в злотых)						
	бога- тые	иму- щие	сред- ние	убогие	подво- рошни- ня	гибер- на	гроше- ное	подым- ное	аренды пивной	чинш	всего
1	1	6	19	10	340	40	12	175	933	—	1500
7	4	9	35	35	468	244	20	336	704	130	1902
10	7	13	19	26	396	138	21	280	927	104	1866
11	8	6	19	24	+	+	+	+	+	+	
—	1	—	2	1	+	+	+	+	+	+	

3. Все села несли барщину с четверти волоки садбного надела в год: а) имевшие 1 голову рабочего скота — 52 дня конных и 52 дня пеших +4 гвалта +4 стражи; б) имевшие 2 головы рабочего скота — 104 дня конных +4 гвалта +4 стражи; в) не имевшие рабочего скота — 104 дня пеших +4 гвалта +4 стражи.

Имущественное положение дворов по официальной классификации: богатых — 21, имущих — 34, средних — 94, убогих — 96.

Барщина:

Рабочих дней на год конных — 16848
 " " " пеших с гвалтами — 7732
 " " " сторожевых — 908.

В виде податей с крестьян поступало: за подворовщину, чинш, грошовое (старое вписное), гиберну и подымщину — 3647 зл. и за пивную аренду 3225, а всего — 6872 зл.

Доход с фольварка при урожае «сам 3» (такой урожай считался средним) должен был равняться 3385 зл. Доход со всего ключа составлял 10267 зл.¹ Если из него исключить 1527 зл. государственных податей (гиберна и подымщина), то поступления ключа выразятся в сумме 8740 зл., из них от фольварка 3385 зл., от пивной аренды — 3225 зл. и от крестьянских платежей — 2120 зл.

Достоинны внимания здесь два источника поступлений: фольварк и пивная аренда. Их суммы почти одинаковы, но если фольварку, чтобы дать 3385 зл. дохода, необходимо использовать более 25,5 тыс. конных и пеших дней, не считая

¹ ВЦГАДА, кн. 11518, л. 24.

чинша, который можно было бы получить за его волокни, то поступление от пивной аренды не требовало от двора никакой деятельности и никаких затрат.

Огромная сумма в 3225 зл. поступила даже не в результате продажи населению спиртных напитков или как процент от стоимости выпитого, а просто как плата за право сварить дома хмельное. Это был чистый доход от феодальной сословной привилегии — права пропинации, представлявшего собой разновидность средневекового баналитета. Это яркая иллюстрация решения экономического вопроса чисто феодальными политическими средствами. Плату вносило все село, независимо от того, кто варил и кто не варил. Такая политика ущемляла равно пьющих и непьющих и способствовала развитию пьянства. Коль платить, так уж и пить!

Бюджет двора вполне может быть назван «пьяным», ибо 36,5% его поступлений — за право крестьян пить.

Доход от фольварка дает некоторую возможность уяснить продуктивность крепостного труда на барщине. Даже если весь доход от фольварка — 3385 зл. пустить на оплату лишь барщинного труда (25,5 тыс. рабочих дней), не считая наемного, то получим ничтожную цифру — 4 гр. Расценка же конного рабочего дня дворов составляла 24 гр., а пешего — 10 гр. (в частных имениях она была в полтора раза ниже). Разрыв огромный между тем, что мог, даже по мнению двора, произвести труд человека и что он производил на барщине. Правда, расчет носит приближенный характер и такой вывод прямо нельзя сделать из этого материала, ибо могли иметь место привходящие факторы, обесценивавшие труд человека (природные и социальные бедствия, бесхозяйственность администрации и т. п.). Но, с другой стороны, здесь совершенно не учтены и другие расходы (земля, постройки, персонал и др.). Таким образом, мысль эта вполне правомерна.

Инвентарь 1786 г. по Брестскому ключу содержит данные о чистом приросте в ключе за 3 года (с 1783 г.) в секторе крестьянского хозяйства. Данные эти следующие¹:

Хозяйств	+ 11	Ялового скота	+ 60
Населения	+ 145	Овец	+ 11
Коней	+ 18	Свиней	+ 20
Волов	+ 177	Пчел (семейств)	+ 33
Коров	— 1	Рабочих дней	+ 2968

Денежные поступления остались те же.

Прирост хозяйств за 3 года равен 4,7%, прирост рабочего скота — 46,6%, продуктивного скота — 8,6%, пчел — 95%.

¹ ВЦГАДА, кн. 11518, л. 24.

Прирост скота, в особенности рабочего, и пчел приводит к мысли, что увеличение произошло не только за счет прибавления новых хозяйств (4,7%). Даже допуская мысль, что все вновь возникшие хозяйства созданы пришлыми людьми, что мало вероятно, все же ясно видно, что основной прирост шел в коренном крестьянском хозяйстве. Обращает внимание далеко не равномерный прирост рабочего (46,6%) и продуктивного (8,6%) скота. Если прирост последнего может быть назван почти нормальным, то этого далеко нельзя сказать о приросте рабочего скота, он был довольно бурным. Это может быть объяснено стремлением (но в то же время и возможностями) крестьян улучшить ведение своего хозяйства, которому, в первую очередь, не хватало рабочего скота. Ведь в 1783 г. на 234 крестьянских хозяйства, пользовавшихся 109 волоками земли, приходилось лишь 225 голов рабочего скота, что составляло, примерно, 1 голову на хозяйство или 2 — на волоку, не считая того, что этим же скотом крестьяне обслуживали еще и фольварк. Рабочего скота было явно недостаточно, и это лимитировало развитие как крестьянского, так и фольварочного хозяйства. Перед нами картина все еще не закончившегося процесса восстановления помещного хозяйства.

Невысокий процент прироста продуктивного скота по сравнению с рабочим объясняется не только тем, что он шел на убой или переходил в рабочий скот (бычки), но и тем, что его продавали на покрытие всяких хозяйственных нужд в т. ч., возможно, даже на покупку рабочего скота.

Прирост рабочих дней в основном произошел за счет молодежи, которая стала выходить на толоки или гвалты. Роста денежных поступлений нет, ибо новоселы первые три года пользовались свободой от повинностей и платежей.

Подобная картина прироста наблюдается и в других ключах Брестской экономии. В Кобринском ключе этой же экономии картина в основном подобна Брестскому ключу¹. Все пустые земли, а их здесь еще в 1742 г. было 53%, уже заселены крестьянами. Все посторонние держатели вытеснены. Надельный фонд сел абсолютно тот же. Бросается в глаза по сравнению с Брестским ключом очень большое количество хозяйств без рабочего скота. Эти хозяйства по отдельным ключам составляют от 25 до 80%. Никаких объяснений инвентарь не дает. С одной стороны, можно предположить, что это продукт еще давнего разорения. Ведь и по инвентарю 1724 г. 38% хозяйств не имело рабочего скота. С другой стороны, эту мысль приходится отбросить по тем соображениям, что в ряде сел процент безлошадных хозяйств по инвентарям 1724 и

¹ ВЦГАДА, кн. 11518, л. 760—766.

1742 гг. был меньше, чем сейчас; за это время другие экономии восстановили свое животноводство, а Кобринская — даже снизила. Видимо, были факторы, разрушительно подействовавшие на нее уже во второй половине XVIII в. Вполне возможно, что таким фактором были военные действия на ее территории. Действительно, они здесь происходили дважды. В период барской конференции (1768—1772 гг.) сначала между войсками конфедератов и короля, а потом между русскими и польскими войсками. Постой и контрибуции, не говоря уже о простых грабежах, в первую очередь, ложились на королевщины, а страдало от них больше всего животноводство.

Инвентарь Гродненской экономии своими данными за 1789 г. иллюстрирует наличие здесь тех же явлений и процессов, которые наблюдались и в приведенных выше других экономиях. Отсутствие инвентарей за 30—50 гг. XVIII ст. не дает возможности путем сравнения установить местные своеобразия.

Остановлюсь лишь на обеспечении крестьян рабочим скотом. Так, в Яновском ключе¹ (включая сюда и местечко Янов) было 594 хозяйства, из них 445 имели 343 коня и 410 волов, а 149, т. е. 25%, были без рабочего скота. В разных селах этот процент сильно колебался. Например, в с. Теолин из 52 хозяйств половина не имела рабочего скота, в с. Прибудок этот процент был еще выше — 60, но в с. Трохимовка — 30%. Однако в этом ключе были целые села, где вовсе не было хозяйств без рабочего скота (Острина, Кизеляны, Щуки). Но села эти все небольшие, от 7 до 18 дворов.

То же приходится сказать и о Шяуляйской экономии в 1789 г. В Шяуляйском ключе ее (см. таблицу 2) обращает на себя внимание распределение земельного фонда. Здесь чиншевые волоки в три раза превышают садибные, что для крестьян было выгодно. Такого соотношения не встречаем в других экономиях. Второй особенностью является сравнительно высокий средний размер крестьянского держания. Он равен $\frac{3}{4}$ волоки. Третья особенность, объясняющая первые две — это все еще большое количество пустых волок. Оно составляет 25%. Это приводило к тому, что фактически на крестьянское хозяйство в среднем приходилось более 1 волоки земли.

Обращает на себя внимание высокое развитие животноводства. На двор в среднем приходится 4 головы рабочего скота и 2 коровы. Из инвентаря же видно, что у крестьян было много рабочего молодняка. Это говорит о том, что процесс воспроизводства рабочего скота в крестьянском хозяйстве шел вполне успешно.

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 1035, св. 101, лл. 72, 73, 78, 79.

ПОЛОЖЕНИЕ
КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ключ Шяуляйский в 1789 г.
ВЦГАДА, кн. 4058, л. 45—67.

№№ п.п.	Названия сел	Количество земли (в волоках)						Колич. хоз-в			Скот	
		всего	сади- ной	чине- вой	держ. пашута	пуст.	поля	всего	барщ.	без рабо- чего скота	рабо- чий	коро- вы
1	Суткунай	15	3,75	7,25	1	3	—	16	16	2	59	36
2	Винкшяны	30	4,75	17,5	—	6	1,5	25	17	2	129	59
3	Смильге	5	1,25	2,75	—	1	—	5	5	1	13	3
4	Довмонты	25	3,75	11,75	—	9	0,75	22	15	4	68	41
5	Звиче	16	2,5	8,75	—	4	0,75	13	10	2	45	22
		91	16	48	1	23	3	81	63	11	314	161

Я не располагаю инвентарями этой экономии первой половины XVIII в., а потому привести конкретные данные о ее разорении в начале XVIII в. не имею возможности. Судя по тому, что Шяуляйская экономия во время Северной войны была местом длительной и ожесточенной борьбы как внешних врагов, так и внутренних группировок, то можно предположить, что разорение здесь было весьма велико. Кроме того, имеются упоминания о бегстве крестьян отсюда в Пруссию и Курляндию.

Инвентарь Шяуляйской экономии за 1789 г. содержит в себе: «Разные положения, касающиеся внутренних порядков»¹.

Можно думать, что такие же или подобные им порядки были и в других экономиах, а потому на них стоит остановиться.

- § 1. Крестьяне в свои дома не должны принимать: бродяг, гультяев, заразных больных, людей, подозреваемых в преступлениях.
- § 2. Зараженный скот они обязаны изолировать и не имеют права продавать.
- § 3. На торги и базары местные крестьяне должны ездить только в королевские экономические местечки. Все покупки и продажи производить только там.

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, л. 824.

- § 4. Войты, подвойские, лавники и десятники должны следить, чтобы очаги были в порядке, чтобы огороды и усадьбы были огорожены под шнур и обсажены деревьями.
- § 5. Каждый хозяин в своем саду должен ежегодно высаживать по 2 яблони и 2 вишни. Невыполнившие платят за каждое дерево по 10 гр. в коммунальную кассу.
- § 6. Войты, подвойские и десятники ежегодно составляют списки на необходимый селу лес как для строительства, так и отопления.
- § 7. В засушливое время запрещается разводить огонь в пущах. За пастухов отвечают их родители. В случае лесного пожара гасить его обязано все село.
- § 8. Все без исключения поселенцы экономии не имеют права сдавать в аренду сенокосы или пахотные земли иностранцам или «инопанским» крестьянам, как не могут продавать им же корма: сено, солому, полову и т. п.

Нетрудно убедиться, что «Положения» в основном носят полицейский характер. Бросается в глаза опекание крестьян даже в мелких вопросах их жизни, что имело место не только в экономиях, но и в частных владениях и, как ни странно, с каждым столетием увеличивалось. Началось с ограничения крестьянина в распоряжении им земель, бортым деревом, постройками, позже — скотом, кредитом, домоладцами и т. д. Теперь крестьянин должен был подчинять свою религиозную жизнь установленной регламентации, одеваться по воскресным и будним дням согласно установленному господами регламенту, соответствующим образом оформлять свой дом и усадьбу. Всякий прогресс внедрялся приказным порядком. Обсаживать деревьями дорогу, садить фруктовые деревья, разводить картофель, учить детей в школе, обучать девушек прядению и вязанию, пользоваться косами широкого захвата или тяжелыми бородами, — все это предписывалось, за невыполнение налагался штраф.

Привлекают внимание положения, рисующие своеобразный замкнутый характер помещного хозяйства: не ездить на торги в чужие местечки, ибо это будет снижать доходы своих арендаторов корчем и торговцев, а косвенно и поступления от них в казну, не сдавать земель и не продавать кормов крестьянам других экономий. Последнее положение нуждается в объяснении. Дело в том, что такая аренда часто влекла за собой длительную тяжбу с господами таких арендаторов. Основываясь на положении, что земля моего крестьянина — моя земля, соседние помещики захватывали такие арендованные земли.

Кормом для скота дорожили и потому стремились не выпускать его за пределы экономии.

Запрещали крестьянам ездить на торги в «чужие» местечки и города и в частновладельческих поместьях. В тех случаях, когда шляхтич не имел своего местечка, он брал со своих крестьян за разрешение ездить на любые торги специальный торговый сбор.

Подобный абсурд, с точки зрения нарождающегося буржуа, имел место и тогда, когда шляхтич не имел в своем владении корчмы (случай редкий) или мельницы (последняя стояла без воды или на ремонте). Крестьянин должен был платить специальный сбор, чтобы выпить в «чужой» корчме или смолоть на «чужой» мельнице. Подобный характер носили и дворовые торговые монополии. Крестьяне обязаны были покупать соль, сельди, гвозди, косы и табак¹ только в дворовых магазинах и им же продавать мед, воск, хлеб, скот, меха. Цены в том и другом случае устанавливал двор с большой выгодой для себя. Лишь в том случае, когда двор не интересовался названными товарами, крестьянин мог продавать их на торгах. Часто помещики обязывали каждый крестьянский двор ежегодно покупать установленное количество соли и водки, переплачивая иногда вдвое против рыночных цен.

Нужно сказать, что таких крайностей (а это еще не все!) не знал, или почти не знал, здесь феодальный строй в период своего расцвета. Многие из них (сгоны крестьян с земли, распродажа крестьян в розницу и без земли, отдача сыновей и дочерей в дворовую прислугу и др.) появились и получили распространение лишь на закате феодального строя, тормозя развитие производительных сил и вступая в явное противоречие с тенденциями общественного развития.

Что, спрашивается, оставалось на долю торговцев, скупщиков? Нетрудно видеть, что такая экономическая политика тормозила развитие торгового земледелия у крестьян, уменьшала их покупательную способность, консервировала натуральный характер крестьянского хозяйства. Торговля превратилась в дополнительное средство эксплуатации крепостных крестьян. Больше всего она задевала богатых торгующих крестьян. Она задерживала развитие имущественного неравенства, классовое расслоение.

Такая политика препятствовала созданию национального рынка, развитию личной инициативы и предпринимательства, тормозила развитие торговли и промышленности.

¹ В Шауляйской экономии в 1780—81 хоз. году было продано населению 1304 бочки соли с прибылью на каждой в 4 зл. и 330 бочек сельди с прибылью на каждой в 6 зл. Чтобы крестьяне не отказывались от дворовых товаров, их часто давали им в кредит с последующим принудительным взысканием.

Пожалуй, никогда раньше так неприкрыто не выступал здесь паразитический характер доходов уходящего феодального класса.

В том же инвентаре приложены нормы выработки крепостных крестьян на барском хозяйстве¹.

Как уже указывалось, Тизенгауз, с целью стимулирования производительности труда крепостных, ввел урочную систему. Вот наиболее интересные и распространенные нормы:

1. Первая пахота морга — 2 человека на день с упряжкой.
2. Боронование морга — 1 человек на день с 1 лошастью.
3. Уборка 1-го морга озимого хлеба (скосить, связать, поставить в копы) — 4 человека, а при хорошем урожае — 6 человек.
4. Уборка 1-го морга ярового хлеба — 4 человека.
5. Косьба сена на 2 моргах — 3 косца.
6. При поездке за границу в порт брать на телегу: конопляного семени или гороха по 7 пуров, ржи — 8 пуров, ячменя — 10 пуров, овса — 12 пуров².

Эти нормы при тогдашней технике были, безусловно, тяжелыми.

Введение урочной системы в феодальном обществе было признанием крепостниками низкой производительности крестьянского подневольного труда, их стремлением заставить крестьянина повысить ее. Эта система ухудшала и без того тяжелое положение крепостного крестьянства.

Изучение жизни крестьян столовых поместий было бы неполным, если бы мы не остановились на одной старинной специфической их категории — слугах.

О многочисленных некогда военных, ремесленных и сельскохозяйственных слугах инвентари второй половины XVIII в. упоминают весьма редко. Они лишь единицами встречаются в экономах. С одной стороны, распространение ремесла и ремесленных изделий, а с другой — иссякание ряда отраслей сельского хозяйства (охота, пчеловодство, коневодство и т. п.) при росте интереса господ к тяглым крестьянским повинностям привели в экономах к тому, что эта, так типичная для феодального общества с его натуральным хозяйством группа крестьянского населения, сократилась до минимума.

Единственным местом, где еще сохранилось значительное количество слуг, были лесничества. К сожалению, исследователями не обнаружено описаний лесничеств 70—90 гг. XVIII в.

Наиболее поздним из имеющихся документов является «Описание литовских экономических лесничеств», составлен-

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, л. 826.

² Пур = 0,16 большой бочки = 24 литовским гарницам.

ное Гарнаком в 1764 г.¹, но, к сожалению, без конца. Оно содержит описание пяти комплексов пуш: Сокольско-Новодворской, Перстунско-Переломской, Стрыйковско-Берштанской, Алитусско-Жувинтской.

Во главе каждой пуши стоит оберстражник, которому подчинены стражники, а последним — осочники и стрельцы. Все эти слуги присяжные. Оберстражник и стражники по своим кварталам оберегают пушу, отпускают лес населению, наблюдают за правильным пользованием лесом со стороны населения. Наблюдают за зверем, охраняют его и ловят для королевской кухни, в случаях приезда короля или знатных гостей — организуют для них охоту.

За свою работу оберстражники получали по 4—5 волок земли, вольных от всяких повинностей, а наиболее «заслуженные и деятельные» получали еще жалование от 60 до 170 талеров в год.

Стражники имели от 1 до 5 волок вольных. Размер земли колебался в зависимости от возможностей (доходности) кварталов. Жалования они получали от 20 до 84 талеров в год².

Это была привилегированная и хорошо оплачиваемая категория слуг. Их всего было 38 человек и держали они 94 волюки. По своему происхождению многие из них — шляхтичи.

Стрельцы получали «на службу» по 1 волоке вольной, в некоторых случаях имели 1,5—2 волюки, «но служба всех одинаковая и согласно ей они все свободны от всяких других повинностей, податей и чиншей»³.

Стрельцов в пяти пушках было значительно больше, чем стражников, по 2—3 человека в распоряжении стражника. Жили они в 6 селах на 118 волюках, 251 хозяйством⁴.

«Согласно комиссарской уставе они должны ставить на ловы со своей стрельбой, подвозить плахты (полотна) и сети для ловов, давать подводы под убитого зверя, следить за токованием зверей...»⁵.

В те годы, когда стрельцы в королевской охоте не участвовали, они платили со своих волок чинш. В натуре стрелецкие хозяйства преимущественно полуволочные, реже — на $\frac{1}{3}$ волюки, но служба считалась с целой волюки.

¹ ВЦГАДА, кн. 11293. Во II т. «Писцовой книги Гродненской экономии» на стр. 203—231 опубликована докладная записка того же Гарнака, «секретаря кабинета е.к.м.» об улучшении эксплуатации пуш, помеченная ошибочно 1748 г. вместо 1764 г., но в ней не содержится данных о населении.

² Там же, кн. 11293, л. 4, 5.

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же, кн. 11293, лл. 6—7.

⁵ Там же, л. 8.

Основная масса лесных слуг — осочники. Жили они в 79 селах указанных 5 лесничеств и держали 521 волоку земли, на которых располагалось 1387 хозяйств осочников¹. «Они служат с полволоки. Повинность их... заключается в досмотре пущ и вступов, становясь на лесных дорогах, выходят на ловы, в засады, чинят дороги, мосты, носят письма, следят за токованием и течкой у зверей»².

«Когда устраивались осоки и ловецкие села — сказано в записке — то согласно комиссарской уставе давалось по $\frac{1}{2}$ вол. на осочника, но с тех пор люди размножились, хозяйства передилились и многие стоят на $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ вол. и, если могут, то покупают или нанимают частицы земли, а то и у соседей живут»³.

«Как с осочников, так и стрельцов до скарбу идут подати годовичные (в те годы, когда нет королевской охоты) на сети, плахты и иные потребности...»⁴.

Общая сумма поступлений в скарб от стрельцов и осочников пущ (Сокольско-Новодворской, Перстунско-Переломской, Стрыйковско-Берштанской, Алитусско-Жувинтской и Беловежской) сравнительно невелика — 2785 злотых с 639 волок, т. е. примерно по 4 зл. с волоки. Но это лишь за неучастие в королевской охоте, ибо остальные повинности службой выполнялись нормально.

Население служебных сел, особенно осочничьих, было весьма дифференцированное и в то же время малоземельное. Если одни кое-как выходили из положения путем аренды моргов, то уделом других стали лесные промыслы и разного рода ремесла. Но и после этого оставалось много свободных рук. Пользуясь тем, что за ними непосредственно служба не числилась, они, с согласия старшего ответственного за службу родственника, уходили на сезонные, а то и годовые заработки.

Наряду с чиншевыми хозяйствами, в хозяйствах слуг процессы дифференциации проходили свободнее, чем в тяглых. Отход на заработки тоже был легче.

Заканчивая рассмотрение обременения населения экономий повинностями, остановлюсь еще на одном вопросе: в какой мере действительные повинности крестьян соответствовали их повинностям по инвентарю?

Ответ на этот вопрос дают крестьянские жалобы — просьбы (суплики) к королю. Общее впечатление от них создает убеждение, что повинностное обременение в действительности было тяжелее, чем можно представить себе по инвентарю. Происходило это отчасти в результате злоупотреблений админист-

¹ ВЦГАДА, кн. II293, лл. 6—7.

² Там же.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же.

рации, но, главным образом, это было связано со стремлением скарба (камеры) увеличить доходы короля. Приведу несколько примеров. На общину перекладывали отработку шарварков и гвалтов за всех, ушедших из села на заработки, работающих на мануфактурах или взятых в школьное обучение¹. За подводу администрация засчитывала в барщину 2 дня, в то время как в плохую погоду (грязь, гололедица и т. п.) поездка затягивалась до 5 дней, да еще приводила к травмированию, а то и гибели скота². Такая же картина была при собирании и вывозке камней с полей. Двор платил 2 злотых за бочку камня, независимо от того как густо он лежит на полях³. Однако наибольшая обида подобного характера чинилась крестьянам, когда они работали в очередь на мануфактурах. Система была следующая. Очередная группа из села шла на работу в мануфактуру на 6 дней, а после этого была свободна от барщины 2 недели. Казалось бы, все как по инвентарю положено: 2 дня в неделю, а за 3 недели 6 дней. Но крестьяне иногда тратили на дорогу до мануфактур и назад по 5 дней, что им администрация не засчитывала.

Таким образом, барщина в 6 дней вырастала до 11 дней⁴, не говоря уже о других расходах и неудобствах для крестьян.

Реализация дворовых монополий часто производилась в очень невыгодном для крестьян порядке. Так, соль и сельди раздавались им принудительно, а чтобы подсластить эту пилюлю их давали в кредит. То же делали с железными сошниками и длинными (штаермарковскими) косами. Они, безусловно, повышали производительность крепостного труда, но цена и форма их внедрения вызывали протесты крестьян⁵.

Ссуда крестьян рабочим скотом производилась по завышенным ценам⁶, а закупка продуктивного скота у них — по заниженным⁷.

Детей для обучения ремеслу и работе на мануфактурах забирали у крестьян насильно. Зарабатывали они там немного («на соль») и родителям приходилось их содержать, а в деревне ходить за них на работы⁸.

Администрация обмевала и обвешивала крестьян. Когда они вносили хлебные дани или возвращали ссуды зерном, то меряли меркой «с насыпом», а когда ссуживали им, то —

¹ W. Kuła, *Supliki chłopów z ekonomii litewskich*, глава в работе „Szkice o manufakturach w Polsce w XVIII w.”, s. 354, 55, W. 1956.

² Там же, стр. 355.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 357—358.

⁵ Там же, стр. 356—364.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 360.

⁸ Там же, стр. 359, 363.

вровень с краями¹. Случалось, что с крестьян собирали подати в большей сумме, чем вносили в кассу².

При проведении землеустройства у крестьян забрали лучшие и близлежащие к селу земли³.

Мещан местечек и городов принуждали к барщине⁴. Еврейское население заставляли работать на строительстве (каменщиками, столярами) или сдельно. Еврейки пряли шерсть или вязали чулки для мануфактур. Расценки на работы были низкие⁵.

Шарварковые работы, взносы в магазины и кассы нередко использовались дворянством не по назначению⁶.

В ряде случаев села осочников и стрельцов были переведены на положение тяглых⁷.

§ 3. ЭКОНОМИИ В 80-х гг. XVIII в.

Прежде чем перейти к рассмотрению положения крестьян в старостах, будет полезно для полноты представления о столовых добрах остановиться на их общей характеристике. Сделать это до изучения реформы Тизенгауза было невозможно.

Лишь со времени Тизенгауза все экономии сосредоточились в руках надворного скарба, их инвентари получили единообразие, прекратились территориальные колебания, а потому и их основные данные можно систематизировать и получить картину (правда не вполне точную) всех экономий в одно время.

К сожалению, даже теперь такую возможность представляют лишь инвентари 1783 г., ибо лишь за этот год они вполне сохранились для всех экономий.

Помещаемые ниже данные не являются абсолютно полными и точными, но даже и в таком виде они дают в основном верную картину и иллюстрируют ряд частных утверждений и выводов.

Земельный фонд экономий в это время выглядел следующим образом⁸:

На 1783 г. в 4 экономиях было 1081 село и 206 господских дворов и фольварков.

Данные о территории и населении дают возможность иметь представление о плотности населения на 1 волоку и о количестве земли на одно хозяйство.

¹ W. Kuła, Указ. раб., стр. 359, 363.

² Там же, стр. 360.

³ Там же, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 360, 361, 362.

⁵ Там же, стр. 364.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 368, 396.

⁸ Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 103—110. В земельный фонд вошли города, не вошли лесничества.

Названия экономий	Общее количество волокон	Платных волокон	Из них				Вольных	Из них				Огороды на улицах, в парках, в морях	
			оседлых	привив.	контракт.	домов.		служ. администр.	фольварочн.	пустых	лесостранных		прививных к аренде
Гродненская	7294	5857	1810	3818	44	185	—	175	241	605	?	?	20933
Алитуская	2696	2119	706	1303	110	—	—	53	100 ³	590	6	77	3961
Шяуляйская	5536	3313	773 ²	2453	87	—	—	87	680 ⁴	1299 ⁵	126	26	13005
Брестско-Кобринская	5744	5173	1901	2757	—	515	—	301	?	205	?	63	12820
Итого ¹	21261	16462	5190	10171	241	700 ⁶	—	—	—	2699	132	1667	

Примечания:

1. В ряде случаев общие показатели не совпадают с их суммой по рубрикам. Это не ошибки в подсчетах, а разноречивость в данных инвентарей.
2. Из них под «землянами» 40 волок и под стрельцами — 15 волок.
3. Из них под «ловцеством» 41 волока. Дворы оберстражников и стражников.
4. Из них под «ловцеством» 121 волока.
5. Из них используемых 1039 волок. То же и в других экономиях.
6. Временные держания шляхтичей. Раньше их было больше.
7. Земля при кормах и мельницах.

Население экономий¹

Названия экономий	Всего чело- век	Из них		Всего хозяй- ств	кре- стьян	евре- ев	ме- щан	Из них				
		муж- чин	жен- щин					кре- стьян	евре- ев	ме- щан	Из них	
											тавл.	воляг. от барщ.
Гродненская	42380	22538	19842	10580	8946	578	1036	7226	655	455	200	
Алитуская	11438	6201	5237	2513	2316	17	180	1721	537 ¹	?	58	
Шауляйская	17952	9489	8463	3581	3039	109	433	2669	370	?	?	
Брестско-Кобринская	46942	24016	22016	9854	8377	298	1179	7283	1094	?	36	
Итого	118712	63154	55558	26511	22680	1003	2828	19299	3381			

Примечание: 1. Из них: войтов и подвойских — 26, лавников — 39, босняков — 28, земан — 264, новоселов — 116, пруссаков — 54.

¹ Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 110—119.

Так, в Гродненской экономии на 1 волоку приходится 5,8 человека, а на одно хозяйство — 0,69 волоки; в Алитусской соответственно — 4,24 и 1,07; в Шяуляйской соответственно — 3,24 и 1,55; в Брестско-Кобринской соответственно — 8,1 и 0,58.

Крестьянские хозяйства составляли 89,2% всех хозяйств, из них 83,6% тяглых и 16,4% вольных от недельной барщины¹.

Данные трех экономий из четырех дают возможность выяснить, как администрация делила население на имущественные группы².

Названия экономий	Об- щее кол. хоз-в	Бога- тые		Зажиточные		Средние		Убогие	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Алитусская	2498 ¹	101	4	349	14	1342	53,7	706	28,3
Шяуляйская	3039 ²	99	3,3	394	13	894	29,4	1652	54,3
Брестско-Кобринская	9854	598	6	1672	17	3726	37,8	3858	39,2

Примечание: 1. Без евреев.

2. Только сельские.

Данные эти весьма интересны, но сводить их нет смысла за отсутствием единообразия в принципе их конструирования, ибо в основе имущественной квалификации почти в каждой экономии лежали свои отправные нормы. Это официальные данные экономической администрации. Они интересны и тем, что дают оценку положения крестьян двором, а не ими самими. Обращает внимание огромный процент убогих в Шяуляйской экономии. К нему нужно отнестись осторожно. Как было показано выше, население здесь жило зажиточнее, чем в других экономиях, и шяуляйские «убогие» в ряде случаев не уступали «средним» других экономий.

Ни в литературе, ни в инвентарях мне не пришлось встретить мотивов, по которым администрация экономий отказалась от традиционной разбивки населения на крестьян, загородников, халупников, кутников и приняла вышеприведенную. Несомненно одно — старая классификация населения, в основе которой лежал размер надела, не отвечала уже потребностям обложения повинностями.

При развитых товарно-денежных отношениях старый феодальный принцип лишал администрацию возможности в полной мере эксплуатировать крестьян. Погоня за доходами

¹ Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 110—119.

² Там же, стр. 160.

заставила шляхту пересмотреть устаревшие феодальные принципы обложения крестьянского населения.

Совершенно понятно, что такая политика, чем дальше, тем все в большей степени, вступала в противоречия с развитием производительных сил общества.

Даже при беглом знакомстве с приведенными выше таблицами бросается в глаза своеобразие в положении литовского и белорусского крестьянина — относительно высокое обеспечение земель, и, что особенно важно, — приемной. Важным резервом были пустые волоки, широко арендуемые крестьянами. Если мы исключим городские хозяйства, обычно малоземельные, то действительное обеспечение крестьянских хозяйств окажется еще выше. Это результат огромного экономического разорения Литвы и Белоруссии, пережитого ими в середине XVII и начале XVIII вв., когда было истреблено 30—40 процентов их населения¹.

Тогда больше всего пострадали именно королевские экономии.

В мелкошляхетских имениях, где к тому же удельный вес фольварка был больше, чем в экономиях, положение с крестьянской землей было хуже.

На относительно благополучии королевских крестьян сказывалось и то, что они долгие годы были на денежной ренте и принадлежали скарбу, который был более консервативен и менее жесток в эксплуатации крестьян, чем частные владельцы.

Каковы же были результаты хозяйственной деятельности Тизенгауза за 15 лет?

Ограбление крестьян, организация за счет их земли и труда фольварков и предприятий и усиление налогового нажима на них дали свои результаты. Доходность экономий сильно поднялась.

К середине XVII столетия, в 1651 г. доход от экономий выглядел следующим образом²:

1. Гродненской	— 65,5 тыс. зл.
2. Брестской и Кобринской	— 86 тыс. зл.
3. Шауляйской	— 56 тыс. зл.
4. Алитусской	— 20 тыс. зл.
5. Могилевской	— 150 тыс. зл.

Всего 377,5 тыс. злот.

Почти через сто лет, в 1757 г. Флеминг, заключая контракты на королевские экономии, обязался выплачивать скарбу в

¹ Д. Похилевич, «Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII (перв. пол.) вв.»

² Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 145.

год с Могилевской экономии — 138,5 тыс. тынфов, а с Брестской — 80 тыс.¹, что, безусловно, представляет собой уменьшенную сумму их действительной доходности, ибо известная доля ее, и к тому же значительная, должна была отложиться в кармане держателя. В последний год аренды Флеминг получил со всех пяти названных экономий вместе с частью литовских торговых пошлин 900 тыс. зл.² Косцялковский³, на основании сравнений с пошлинами других годов, допускает даже с известным избытком, что доход Флеминга от торговых пошлин не мог быть выше 250 тыс. зл. Таким образом, на долю пяти экономий остается 650 тыс. зл. Это, видимо, самая высокая сумма доходов от литовских экономий, полученная арендатором. В эти годы в экономиях все еще превалировала денежная рента, а не отработочная.

А. Тизенгауз за время управления экономиками перевел их на фольварочную систему и организовал ряд крепостных мануфактур, в результате чего доход с экономий чрезвычайно вырос.

Общий приход⁴ (в тыс. зл.)

Годы	Гродненская экон.	Алитусская экон.	Шяуляйская экон.	Могилевская экон.	Брестская экон.	Лесничество		Всего за год	Пославо королю	Осталось на месте
						Гродненское	Брестское			
1766	532	143	472	448	395	64	26	2083	1816	267
1767	625	170	461	482	406	64	22	2232	1850	382
1768	642	177	493	567	410	64	22	2377	2000	376
1769	647	192	628	483	412	64	25	2454	2007	447
1770	644	202	489	483	455	64	69	2410	2011	399
1771	668	198	560	470	505	64	71	2535	2015	519
1772	664	206	674	954	528	64	63	3155	1022	2133
1773	678	220	735	—	548	78	68	2327	1163	1163
1774	674	235	1130	—	570	87	73	2771	1164	1606
1775	758	218	1146	—	582	78	81	2866	1165	1700
1776	748	217	1125	—	569	81	69	2809	1082	1727
1777	793	231	1161	—	589	86	69	2932	1100	1831
Итого	8072	2414	9077	3891	5974	863	664	30958	18401	12556

¹ Тыиф в это время часто почти совпадал с злотым, котируясь чуть выше — 1 зл. 8 гр. См. Н. Горбачевский, Словарь древнего актового языка, Вильно, 1874.

² Rocznik, Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 145.

³ Там же.

⁴ ЛОГИА, фонд 181, оп. 2, дело 713, связка 69, л. 95.

Материалы таблицы свидетельствуют о том, что доходы с экономий росли с каждым годом. Правда, рост реального дохода, принимая во внимание систематическое падение злото́го, был несколько слабее. Это немного облегчало крестьянам их денежные платежи. Перебой в доходах Шяуляйской экономии за 1769—71 гг. произошел в результате восстания крестьян этой экономии в 1769 г., в связи с этим скарб не добрал около 200 тыс. зл.

Обращает на себя внимание последняя колонка таблицы. Она красноречиво говорит о том, что с каждым годом все больше вырастали суммы денег, оседавшие на местах или в кассе общего управления экономиями (в Гродно). С 1774 г. эта сумма стала быстро обгонять сумму, отсылаемую Тизенгаузом королю. Последний интересовался именно этой суммой и залегание денег на местах вызывало у него все растущее разочарование Тизенгаузом.

В 1777—78 гг., когда скарбовые экономии держал Тизенгауз, он по контракту выплачивал скарбу 1566 тыс. зл. ежегодно¹.

В удобном для сравнения со временами Флеминга виде выступают литовские экономии в 1783 г. после изъятия их из рук Тизенгауза и ликвидации в них подавляющего большинства убыточных мануфактур и «культурных» мероприятий, на которые уходила значительная часть валовых доходов экономий.

1. Гродненская экономия	— 870 тыс. зл. (в т. ч. от фольварочных посевов — 240 тыс. зл.).
2. Алитусская „	— 310 тыс. зл. (в т. ч. от фольв. пос. 130 тыс. зл.).
3. Шяуляйская „	— 535 тыс. зл. (в т. ч. от фольв. пос. 175 тыс. зл.).
4. Брестско-Кобринская „	— 675 тыс. зл. (в т. ч. от фольв. пос. 205 тыс. зл.).
5. Могилевская „	отошла к России.
<hr/>	
Всего 2390 тыс. зл. валового дохода (в т. ч. от фольв. пос. 750 тыс. зл.)	

Сеймовая делегация в 1793 г. высчитала доходы четырех экономий в сумме «около 3 млн. зл.»²

Таков был результат улучшенного ведения весьма расширенной барской запашки, хищнической эксплуатации леса, а, главным образом, усилившейся эксплуатации крестьян путем барщины или замены ее деньгами. Обращает на себя внимание довольно высокий удельный вес доходов от фольварочных посевов — 30—35%.

¹ Rocznik Tow. Przyjac. Nauk w Wilnie, t. V, s. 146.

² T. Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. III, ss. 56—57.

Большой интерес представляет знакомство с приходными и расходными статьями отдельных экономий. Остановимся на Шяуляйской экономии за 1776—77 гг.¹ Приходные статьи собраны в две группы: инвентарные и побочные доходы. В инвентарных приходах основная статья — поземельные подати, в том числе и государственные. Их в этом году поступило 358,3 тыс. зл. Доходы по ней за период 1765—77 гг. колебались в пределах 10—15 процентов.

Корчемная аренда дала 102,8 тыс. зл., но в предшествующие годы она приносила немногим более 50 тыс. зл. Значительный доход имела экономия от убоя скота и торговли им, но главным образом от продажи населением своего скота — 125,8 тыс. зл. Видимо, неплохо использовались хорошие луга и масса пустующих земель. Об этом говорит и общая оценка скота в четырех экономиях за этот год — 291,3 тыс. зл.² Как выглядело животноводство, можно судить по Станиславскому фольварку: 6 волов, 5 коров, 5 лошадей, 79 свиней, 36 индеек, 44 гуся, 52 утки и 60 кур³.

Из побочных доходов этого года нужно отметить следующие: за продажу дров, лесных материалов и кирпича — 186,6 тыс. зл.; «коммерческие барыши» — 130 тыс. зл. (за что они были получены, сказать трудно, скорее всего, по аналогии с другими экономиями, за реализацию изделий промышленности и от продажи монопольных товаров — соли, сельди, спиртных напитков, табака, кос и т. п.); за проданный годовой урожай хлебов и сена — 209,5 тыс. зл.⁴ Среди мелких доходных статей следует назвать: за волов, проданных крестьянам, за аренду земли, в т. ч. паробками и кутниками⁵, за проданное имущество убежавших крестьян. «Доход» от крестьянского бегства (конфискации их имущества) был систематический и колебался в пределах 1—2 тыс. зл. в год.

Расходные статьи довольно разнообразны: возврат государству взысканных с крестьян государственных податей — 30,6 тыс. зл., наем подвод для вывозки урожая в порты — 17 тыс. зл. в год, заработная плата фабричным работникам

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 713, св. 69, л. 50. Сумма приходов и расходов по этой ведомости несколько, а в последние годы даже значительно выше, чем в сводной. Согласно этой ведомости по Шяуляйской экономии за период с 1765 по 1777 гг. поступило 10279,5 тыс. зл., а по сводной — 9077 тыс. зл. Причину расхождения установить не удалось.

² ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 713, св. 69, лл. 27—33.

³ Там же, д. 1034, св. 101, л. 8.

⁴ Урожай во всех экономиях средний для всех годов — «сам-3». Из них $\frac{1}{3}$ отчислялась на посев, а $\frac{2}{3}$ на реализацию и внутренние нужды.

⁵ Это говорит о том, что кутники и даже паробки (фольварочные батраки) нередко жили не только за счет продажи своей рабочей силы, но и вели небольшое хозяйство.

(лишь денежное содержание колебалось от 33,5 тыс. зл. до 86,4 тыс. зл. в год), за оборудование и материалы для фабрик было уплачено в 1776—77 гг. 90 тыс. зл. (в 1775 г. — 206 тыс. зл., а в 1774 г. — 291 тыс. зл.), из них большая часть пошла на уплату за иностранные поставки; на содержание экономической администрации в этом году было израсходовано 108 тыс. зл. (очень много!); на мелиорации — 10—15 тыс. зл. в год.

Когда в экономии организовывалось фольварочное хозяйство (1768—70 гг.), то значительные суммы расходовались на приобретение продуктивного скота — 53 тыс. зл. и зерна — 19,6 тыс. зл.

Привлекают внимание высокие расходы на предприятия и содержание администрации, а также довольно зловещая, растущая из года в год статья — недоимки. В 1776—77 гг. она составила 95,3 тыс. зл., а за 12 лет — 952,7 тыс. зл. Один миллион убытка. С одной стороны, это говорит о том, что платежи часто были непосильные, а с другой, что даже крепостник считал невозможным выколотить их с плательщика и вынужден был списывать в убыток. В этой статье за 1768—69 г. имеется весьма примечательная запись. В этом году касса экономии недополучила от восставших крестьян 193,3 тыс. зл., да еще к тому же «бунтовщики взяли наличными» деньгами 2986 зл.

Приходо-расходные статьи Шяуляйской экономии, а такими они были и в других, говорят о том, что перед нами развитое товарное хозяйство. Его владелец не просто проживает собранные с крестьян оброки, как его предки в XV—XVI веках. Его господское хозяйство, покоившееся хотя и на барщине, работает не только и даже не столько на прямое покрытие потребностей своего господина, сколько на рынок.

Рядом с такими традиционными феодальными доходами, как натуральные оброки, чинши, экономическая эксплуатация сословных привилегий (право пропинации и мельничного баналитета и т. п.), видим систематическую и широкую продажу продукции сельского хозяйства и промышленного производства. Весь урожай, за вычетом зерна, необходимого для посева, содержания скота и людей (ординария), продается или перерабатывается на муку, крупу, солод, пиво, водку и т. п., чтобы в таком виде быть снова проданным. Фольварочный скот в массе продается живьем и на убой. Экономии торгуют дровами, лесом, смолой, дегтем, кирпичом, кожами и т. п. Из леса они на своих же верфях строят речные суда для сплава своей продукции в морские порты. В собственных магазинах в городах и через корчмы в селах экономии широко торгуют солью, сельдями, косами, табаком и изделиями своих мануфактур. Экономии имели свой банк, через который вели

торговые и кредитные операции не только внутри страны, но и за границей.

Скарб в своих экономиях вкладывает большие средства в сельскохозяйственное производство и еще больше в мануфактуры. Он закупает зерно для посева и скот, в т. ч. породистый, для собственных стад. Он широко ведет мелиоративные и дорожные работы и т. п. Экономия это уже не типичное феодальное поместье XV—XVII вв. Кроме широко поставленной переработки сельскохозяйственного сырья, в экономиях появились мануфактуры, которые работали как на покрытие поместных нужд, так и на рынок. Для них покупается оборудование и сырье, нанимается рабочая сила. Ее комплектуют не только из крепостных (своих и чужих), но и свободных, в т. ч. иностранцев. На заработную плату (натурой и деньгами) фабричным работникам и администрации ежегодно расходуется около 200 тыс. зл. Процесс воспроизводства в таком хозяйстве значительно отличается от такового же в типичном феодальном поместье, в нем есть уже элементы будущего капиталистического производства. Все ведение такого хозяйства направлено на увеличение доходов. В своем стремлении добиться этого в наибольшей мере владелец применяет все средства, свойственные как торговому, капиталистическому хозяйству (наемная рабочая сила, обзаведение собственным живым и мертвым инвентарем, улучшенная агротехника, породистый скот, промышленные предприятия и т. д.), так и феодальному (увеличение барщины, натуральных и денежных повинностей, торговые монополии и баналитеты и т. п.), подрывавшие базу помещичьего хозяйства — крестьянское хозяйство. Развитие шло явно противоречиво. Товарная эволюция поместья усилила чисто феодальные способы эксплуатации, сопровождавшейся часто прямым уничтожением производительных сил. В феодальной экономике начинался период разложения и кризиса.

В. И. Ленин, характеризуя типичное крепостное поместье и процессы, происходившие в его глубинах на последнем этапе его истории, писал: «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹.

Но это было еще делом будущего. Хозяйства типа, созданного Тизенгаузом, можно еще встретить у магнатов и, значительно реже, у средней шляхты. Большинство шляхетских

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 158.

хозяйств носило натуральный потребительский характер. Нужно сказать, что импозантность и внешний блеск «просвещенного крепостничества» в магнатских и королевских имениях довольно быстро потускнели, не дожив во многих случаях даже до гибели Речи Посполитой.

Во второй половине XVIII в. можно наблюдать лишь подготовку возможностей к развитию в последующее время в такого типа поместьях капитализма по прусскому типу.

По Шяуляйской экономии я располагаю данными за 1789 г.¹, т. е. за то время, когда экономическое хозяйство было упрощено. Эти данные лучше всего сравнить с показателями за 1783 г., полученными при аналогичных условиях (показатели даны в тыс. злотых).

Год	За урожай и сено	Подорожничина	Чины с приеми, волост	Землянина	Подымное	За свободу торговли	За аренда	За крестьянские дачины	Всего
1783	175,0	37,7	157,6	13,0	30,7	40,9	78,9	1,4	535,0
1789	195,6	37,0	157,8	13,4	30,8	37,7	74,1	1,4	548,0

Примечание: Экономия в 1789 г. получила еще от своего лесничества 26,8 тыс. зл. и от сдачи домов в аренду в городах — 2,9 тыс. зл., а всего 577,9 тыс. зл.

Как видим, доходы экономии сократились по сравнению с тизенгаузовскими временами, но еще больше сократились и расходы. Доход от зернового хозяйства, учитывая колебания урожая и падения злотого, сохранился примерно на уровне 70 гг. Заметно уменьшились доходы от крестьянских податей и повинностей. В 1789 г. они вместе с подымным (оно не изменилось) составили 278 тыс. зл. против 358 тыс. зл. в 1776—77 гг. Возможно, это просто годичное колебание, какие случались и раньше, хотя столь больших отклонений не было заметно. Можно думать, что здесь, скорее всего, сказалось упоминавшееся выше некоторое ослабление в повинностях, а возможно и общее обеднение крестьян. Однако доходы это была лишь одна сторона медали. Была еще и другая. Как сообщалось выше, в 1780 г. экономии были изъяты из держания Тизенгауза. Между ним и скарбом возник судебный процесс. Тизенгаузу было предъявлено обвинение в плохом, убыточном для скарба, ведении хозяйства в экономиях. В обвинительном материале была опубликована таблица², весьма красноречиво

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, лл. 870 и 870 об.

² Uwiadomienie sprawy, Приложение первое. „Stan ekonomów“.

Экономия	Села		Население					Скот							
			эконо-мич.	под-рен-ные	хозяй-ева	муж.	жен.	всего	тяглый			не тяглый			
	лош.	вол.							всего	рога-тый	овцы	всего			
В 1765 г. было:															
Гродненская	—	—	11251	24406	22374	58031	9379	9260	18639	7820	34432	60891			
Шауляйская	361	7	4025	—	—	4025	6868	605	7473	—	—	7473			
Брестская	—	—	9733	—	—	9733	—	—	—	—	—	—			
Итого	361	7	25009	24406	22374	71789	1624	9865	26112	7820	34432	68364			
В 1780 г. было:															
Гродненская	—	—	1018	2294	20442	53570	3568	9011	12695	7820	20412	40927			
Шауляйская	321	7	3544	—	—	3544	5269	1542	6811	—	—	6811			
Брестская	—	—	9403	—	—	9403	—	—	—	—	—	—			
Итого	321	7	23134	22941	20442	66517	8953	10553	19506	7820	20412	47738			
Убыло	40	—	1875	1465	1932	5272	7294	—	6606	—	14020	20626			
Прибыло	—	—	—	—	—	—	—	688	—	—	—	—			

говорящая, какой ценой были добыты приведенные выше волшебные доходы. Таблица может вызвать улыбку некоторым несовершенством своей статистической техники, мы можем отнестись с осторожностью к ее данным, ибо они вышли из-под пера, недружелюбного Тизенгаузу, и все же они заставляют задуматься.

Эти итоги говорят сами за себя. Высокие доходы были получены в результате жестокой эксплуатации населения. Резко бросается в глаза уменьшение количества дворов, рабочего, а также продуктивного скота. Сигналы крестьян о разорении экономий, которые находим в их жалобах, были реальны и обоснованы. О том, какие сдвиги в жизни экономий произошли в последующие годы, когда скарб отказался сам вести в них хозяйство и их по-старому держали люди (Жевусский) из лагеря, обвинявшего Тизенгауза в жестоком обращении с крестьянами, я затрудняюсь сказать с такой же полнотой, как в вышеприведенной таблице, но все же некоторые данные можно сообщить. Возьмем для сравнения данные, приведенные ранее по инвентарю 1783 г.

Оказывается, что население Гродненской экономии за три года уменьшилось на 11 190 человек, хотя за это же время прибавилось 393 хозяйства. Здесь где-то явно подгуляла статистика. Скорее всего за 1780, а возможно и за 1765 год, ибо данные за эти годы получены из разрозненных материалов, обработка которых еще не закончена, в то время как данные за 1783 г. взяты из нормального годового отчета экономий. Известно, что Тизенгауз, особенно в последние годы, не подавал королевскому скарбу законченных и выверенных годовых отчетов. Сводные показатели приходов и расходов, приведенные выше, были составлены из первичных бухгалтерских документов уже после изъятия экономий из ведения Тизенгауза. Отсюда возможность и отдельных неувязок. Так, по Шяуляйской экономии за 15 лет убыло 40 деревень. Ясно, что Тизенгауз не мог стереть их с лица земли. Видимо, они были кому-то переданы. Естественно, что уменьшилось и количество хозяйств и лошадей, но волов, оказывается, стало даже на 937 голов больше.

В Шяуляйской экономии с 1783 по 1789 гг. количество дворов уменьшилось на 43 и составило 3538 хозяйств, а в то же время количество кутников выросло с 595 до 1151 человека. Сомнительно быстро за такое короткое время выросло население: с 17 952 до 27 008 человек. Какие сдвиги произошли с 1783 по 1789 г. со скотом? Коней прибыло на 381 голову, волов — на 343, коров — на 760, овец — на 1706. В то же время убыло 5988 шт. яловника и 224 свиньи¹.

¹ ВЦГАДА, кн. 4058, л. 869 об.

Увеличение количества скота у крестьян можно наблюдать и в Гродненской экономии. Вот данные за первые три года после Тизенгауза (1780—1783)¹.

	Было в 1780 г.	Стало в 1783 г.
коней	— 3700	5252
волон	— 9065	12874
коров	— 4299	6334
овец	— 20301	40012
свиней	— 7593	8773
телят	— 3998	7277

Количество хозяйств выросло с 10 187 до 10 560². Из этого следует, что прирост скота произошел в экономии не столько за счет прибавления новых хозяйств, сколько в старых хозяйствах. Видимо, некоторое ослабление эксплуатации населения благотворно повлияло на крестьянское хозяйство. Должен сказать, что «успехи» за 1783 г. вызывают весьма большое сомнение. Уж очень велик прирост за три года! Совершенно не исключена возможность, что Жевусский хотел блеснуть своим разумным и «гуманным» управлением экономией и где-то приврал, то ли в 1780, то ли в 1783 г., а возможно и в том, и в другом. Как видим, развитие шло пестро, но все же как по приросту населения и увеличению количества скота, так и по освоению пустующих земель и росту урожайности видно, что производственные отношения, хотя и задерживали развитие производительных сил, но не обрекли их на застой. Приход новых хозяев, по существу, немного изменил в положении крестьян, как и в общем направлении сельскохозяйственного развития экономий. Отказались только от явно убыточных и непосильных мануфактур да дорогих барских затей — газет, школ, балета, оркестра, учителей и т. п. Жалобы крестьян королю свидетельствуют, что ряд отягощений, свойственных системе Тизенгауза, имел место и после него. Естественно, что исчезли всякого рода жалобы, связанные с наличием мануфактур, но сохранились связанные с фольварком и злоупотреблениями державцев: тяжелые работы, высокие чинши, обременительные подводы, жестокое обращение (травля собаками, военные экзекуции и т. п.), использование державцами экономических крестьян для работы в собственных имениях³. Во время работы четырехлетнего сейма и в особенности после конституции 3 мая крестьяне добились передачи ряда ключей

¹ ЛЮГИА, ф. 181, оп. 2, д. 1084, св. 106, лл. 1—4, 9—11.

² В 1790 г. в Гродненской экономии числилось 470 сел с 11 559 дымами, в т. ч. чиншевых дымов 1653, халупных — 521, огородных — 214 (Белорусия в эпоху феодализма, т. II, стр. 261, М., 1960).

³ W. Kuła, Указанная работа, стр. 367.

(Долгопольского, Островецкого, Гродненского, Черлаевского) им в держание за те же суммы, которые за них платил генеральный державца Ст. Понятовский¹.

Получив ключ в держание, крестьяне ликвидировали фольварки, а их землю разделили. Барщина заменялась чиншем. Всеми делами ведали крестьянские общины. Судя по просьбам деревень других экономий, подобное явление имело место и там².

Новый держатель экономий Ф. Жевуский, вступив во владение экономиями, устроил в августе 1780 г. анкетный опрос губернаторов о состоянии их губерний. Жевуский просил их дать свои соображения, направленные на улучшение дел и, в частности, положения крестьян.

Большой интерес представляют ответы 17 губернаторов на 10-й пункт анкеты, т. е. на вопрос о возможных путях улучшения положения крестьян. Как пример приведу ответ Пружанского губернатора, старого экономического служака (3 года он был экономом ключа и 8 лет губернатором). Ответы других губернаторов в основном сходны с приведенными ниже. «Положение крестьян в данной губернии остается средним, но среди них больше убогих, чем зажиточных, а потому, если высшая администрация путем ликвидации недоимок в повинностях, помощи рабочим скотом, уменьшением некоторых платежей и установлением льгот не окажет помощи, то в скором времени они окажутся не только не способными содержать свое хозяйство в порядке, платить разные подати и отбывать повинности, но даже содержать самих себя. Это потому, что они к ремеслам, торгам и всяким промыслам кроме земледелия не имеют интереса, да и в силу нашей местности не могут быть к ним годными. Так, в ряде сел крестьяне вынуждены были отработать ловлей (на охоте) помощь, оказанную им на пропитание (других источников на покрытие помощи не оказалось). Никаких мануфактур, фабрик и торгов здесь нет и не предвидится. Увеличение доходов возможно лишь на путях земледелия и разработки сенокосов как дворовых, так и личных крестьянских. Если крестьяне будут освобождены от многочисленных поездок, особенно с грузом, которые так изнашивают упряжку и подрывают их хозяйство, ибо в семье нет годных к работам людей, — тогда доходы значительно могут увеличиться и крестьяне будут способны выполнять исправно работы и повинности и будут более зажиточными («заможнейшими»). Улучшению условий жизни будет способствовать устройство мельниц и аренда их населением, а также

¹ W. Kula, Указанная работа, стр. 370.

² Там же, стр. 371.

постройка нескольких заезжих дворов в Пружанах, где таковых не хватает. Способствовала бы поднятию доходов постройка порта и проведение канала, по которому многие села могли бы сплавлять лес в город на продажу»¹.

Другие губернаторы настойчиво рекомендовали добиваться увеличения рабочего и продуктивного скота как у крестьян, так и в фольварках. Иные настаивали на снижении крестьянских платежей, ибо население, не имея побочных заработков, вынуждено продавать по дешевке местным скупщикам нужный ему самому хлеб. Многие губернаторы рекомендовали закрыть фабрики, ибо крестьяне отвлекаются на них работами и потому плохо досматривают за своим хозяйством.

То, что рекомендовали губернаторы, было лишь паллиативом. Для действительного улучшения положения крестьян и земледелия необходимо было освободить производителя и землю от феодальных пут.

Система ведения хозяйства в экономиях, созданная Тизенгаузом, была тому свидетельством.

Все его мероприятия были подчинены одной цели — повышению доходности экономий.

Все, что по тому времени могло быть продано или изготовлено на продажу, — изготовлялось и продавалось для получения денег.

Достигалось же все это методами усиленной феодальной эксплуатации, что неизбежно влекло за собой углубление внутренних противоречий феодально-крепостнической системы хозяйства.

Что касается основной причины упадка мануфактур Тизенгауза, то на этот счет не заблуждались даже современные буржуа.

Посетивший гродненские мануфактуры англичанин Кокс по поводу жалоб их директоров на то, что рабочие трудятся неохотно, малопродуктивно, высказал мысль, что это в порядке вещей, ибо они находятся в состоянии рабства и работают на мануфактурах в порядке принуждения.

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 1062, св. 104, лл. 205—207.

Глава II

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В СТАРОСТВАХ И ДЕРЖАВАХ

§ 1 ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Староства, как и экономии, представляли собой государственные владения — поместья, но назначение их было разное. В то время как экономии находились в эксплуатации самого королевского скарба и доходы с них шли в его распоряжение, староства отдавались в держание за заслуги шляхтичам «до живота» или же на срок, реже сдавались в посессию на определенных условиях.

Во второй половине XVIII в. староства отдавались чаще всего с половины доходов¹: половина — держателю, половина — в государственный (но не королевский) скарб. Однако можно встретить держания и по старине, за четверть дохода государству. Держатель староства получал административные и судебные права и мог, в свою очередь, отдать его в аренду.

Государство, заинтересованное в сохранении своего имения и доходов с него, обычно при передаче староства держателю составляло инвентарь и оговаривало, что держатель не вправе сам вводить новые налоги и повинности или повышать старые². Он не мог изменять границ староства, изгонять или вводить крестьян, забирать у них инвентарь. Однако большинство этих ограничений оставалось на бумаге. Каждый новый держатель стремился в короткое время выжать из крестьян максимум возможного. Тогда на пути держателя становилось сопротивление крестьян (жалобы королю, бегства, неповиновение и т. п.), которые, защищая себя, косвенно защищали интересы государственного скарба.

Система ведения хозяйства, эксплуатации крестьян, их положение в староствах были близки к положению крестьян в частных имениях, а иногда даже хуже и все же немало отличались от них, занимая своеобразное промежуточное положение между частновладельческими и экономическими.

¹ Акты, изданные Виленской Комиссией для разбора древних актов (далее — АВК), т. XXXV, стр. 115, 418, 543, 562, 563; т. XXXVIII, стр. 370, 391, Вильно, 1865—1915 гг.

² АВК, т. XXXV, стр. 129.

Почти в каждом старостве был фольварк, за исключением владений, имеющих незначительную территорию. При каждом фольварке имелся двор с жилыми и хозяйственными постройками. Количество хозяйственных построек зависело от размера хозяйства. Например, в Дудском старостве Виленского воеводства жилой дом построен из дерева и крыт тесом. В нем 15 комнат разного назначения. Тут же кухонный флигель с шестью комнатами для жилья. Возле жилого дома разместились хозяйственные постройки. Под одной крышей конюшня на 20 лошадей и шорная мастерская. Возле них пивная с погребом. Рядом с домом — часовня. Фольварк имеет пекарню, прачечную, сыроварню, амбар, 3 хлева. Есть коровник с 8 отделениями, старый хлев для птиц, ток на 12 «торп», зернохранилище и конная мельница¹.

В основе дворового хозяйства лежит земледелие. Точно определить количество земли в фольварке трудно, т. к. в большинстве случаев ее размеры не упоминаются в документах. Приходится определять по размерам посева или сбора хлебов. Так, инвентарь Рындинского староства в Витебском воеводстве свидетельствует, что собственная запашка двора была очень небольшой — полторы волоки². Незначительными были запашки и в Балиновицком, и в Целосском староствах того же воеводства. Причиной этого были природные условия, препятствовавшие развитию дворовой запашки. Балиновицкий фольварк был расположен «на пустых, песчаных или тяжелых боровых землях»³.

В Высокодворском ключе дворовая запашка значительная, хотя точно не определена, лишь сказано, что ржи высевалось 17,25 бочки⁴. Староство Ракантишкское имело, видимо, еще более значительную запашку, ибо здесь высевалось 30 бочек ржи. Примерно такие же запашки были в Дудском и Якунском староствах, в Заснудском войтовстве Виленского воеводства. В Брестском воеводстве находились преимущественно небольшие скарбовые имения, но запашки везде значительные. Сильно сказывалось влияние рынка сбыта. Из сказанного можно сделать вывод, что в разных имениях была разная запашка, а наличие пустующих участков объясняется тем, что земля была малопригодной к земледелию или же не хватало рабочих рук. Вернуть земле утраченное плодородие могли удобрения, но их было явно недостаточно. При старом Брожацком фольварке из 12 волок удобрялись только 4. Поэтому инвентарь рекомендует, как средство повышения

¹ АВК, т. XXXV, № 91 за 1789 г.

² Там же, № 1 за 1751 г.

³ Там же, № 31 за 1769 г.

⁴ Там же, № 22 за 1763 г.

урожайности, забрасывание (перелог) земельных участков на 7—8 лет¹. Дворовое поле везде делилось на три участка, а в самых передовых хозяйствах изредка встречается четырехполье. Наиболее распространенной культурой на территории Белоруссии и Литвы является озимая рожь. За ней идут овес, ячмень, гречиха и, наконец, пшеница озимая или яровая².

Соотношение зерновых культур обычно колеблется в зависимости от климата и качества почвы. Так, в Брестской волости господствует ячмень, а в Мозырской более распространен овес. В Брожацком ключе (1797 г.) озимая рожь составляла 46,2% всего посева, овес — 30,9%, гречиха — 10,4%³. Сеяли также стручковые растения — горох, бобы, но в незначительном количестве, для личного потребления и улучшения почвы. За небольшим исключением мало высевали и технических культур — льна, конопли. В Брожацком ключе посев конопли колебался от 0,4% до 0,6%, а льна — от 0,5% до 0,3%⁴ всего посева. В Ревятичах посевная площадь с 1791 по 1797 г. выросла с 55 до 74 четвериков. В озимом клину сеяли 31 четверик ржи и 7 — пшеницы, в яровом — 15 четвериков овса, 10 — ячменя, 7 — гороха, 2,5 — гречихи, 1 — льна, 0,5 — конопли. Урожай всех культур в среднем был «сам 3—3,5»⁵.

Главная причина такого незначительного посева этих культур заключается в том, что они истощают почву и требуют большого количества удобрений. В связи с этим при заключении контрактов с арендаторами, обычно устанавливалась определенная норма посева этих культур. Так, в контракте на аренду Заснудского фольварка высев льна ограничен 4 пудами. Мотивировано это тем, что лен истощает почву⁶.

При дворах были небольшие огороды и сады для господской кухни. Везде были сенокосы, размеры их самые разнообразные. Обычно на 100—200 возов сена. В каждом старостве был лес, но экспортного дерева уже почти не осталось. Рыбу в староствах ловили главным образом для собственных нужд. Скотоводство представлено в каждом старостве. В ряде случаев оно носило товарный характер. Так, в Брожацком

¹ К. Кернажишкі, «Брожацкі ключ 1639—1810 гг.» Запіскі аддзялу гуманітарных навук. Кн. 8, працы класы гісторыі, т. III, изд. БАН, 1929 г., стр. 150.

² Т. Забела, «Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданого сялянства у другой пал. XVIII ст.» Запіскі аддзялу гуманітарных навук, кн. 3, працы класы гісторыі, т. II, 1929 г., стр. 104.

³ К. Кернажишкі, «Брожацкі ключ 1639—1810 гг.», стр. 157.

⁴ Там же, стр. 160.

⁵ К. Кернажишкі, «Гаспадарка старостаў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII ст.» Запіскі аддзялу гуманітарных навук, кн. 3, клас гісторыі, том II, стр. 91—94, Мінск, 1929 г.

⁶ Там же, стр. 31.

фольварке в 1797 г. было коров 23, быков — 8, молодняка — 34, мелкого скота — 107, и птицы — 34 штуки. В Заснудском войтовстве волов — 4, коров — 26. Молочный скот и его продукция, а также свиньи часто сбывались на рынке. Волон держали больше всего для ссуд крестьянам.

Как правило, в староствах были промышленные и торговые заведения: солодовни, броварни, гуральни, тартаки, буды, рудни, мельницы, разные мастерские, редко — мануфактуры. Например, в Брожацком ключе был железоделательный завод. В каждом старостве, а нередко в каждом селе была корчма. В зависимости от доходности корчмы сдавались в аренду за 100—200—500 зл. в год. Винокурни (гуральни) работали в год 4—6 месяцев и за это время, как например в Брожах, выкуривали 400—500 ведер водки. Крестьяне обязаны были пить только в «своей» корчме, как и молотить лишь на мельнице своего господина. Мельницы тоже сдавались в аренду. Высота последней зависела от доходности предприятия.

Во второй половине XVII и первой половине XVIII вв. процесс очинивания крестьян в староствах был слабее и короче, чем в столовых экономах. Во многих из них фольварочно-барщинная система, хотя и в смягченном виде, осталась и дальше основной формой ведения поместного хозяйства и эксплуатации крестьян. При таком положении вещей естественно, что такой ломки отношений, какая была в столовых добрах в 60 гг. XVIII в., здесь не происходило. Все же изменения чувствуются и в староствах. Они идут в том же направлении, что и в столовых экономах, т. е. по линии развития фольварочно-барщинной системы. Именно во второй половине XVIII в., на закате феодального строя барщина и крепостничество достигают в Литве и Белоруссии своего апогея. Вот Ратенское староство. Еще в 1747 г. в здешних селах работали по 2 дня в неделю, а в 1782 г. — 8 дней в неделю с волоки + 13 шарварков со двора + 4 толоки¹. Если по постановлению референдарского суда 1594 г. местные села были обязаны работать 2 дня с волоки, то по люстрации 1765 г. они уже работают 2 дня с $\frac{1}{4}$ волоки.

Даровой крепостной труд широко применялся для осушительных работ, расширения фольварков.

В конце XVI в. здесь было 350 крестьянских хозяйств, владевших 300 волоками земли, а в конце XVIII в. их было уже 1400, но они имели лишь 217 волок². Любомирский правильно подмечает, что процесс дробления крестьянского надела — результат не только обычая, но и сознательного

¹ T. Lubomirski, Starostwo Rateńskie („Biblioteka Warszawska“, г. 1855, maj).

² Там же, стр. 227.

стремления самого феодала. Действительно, дробление крестьянского двора было тесно связано с развитием фольварка и ростом работ в нем. Уменьшение крестьянского надела давало возможность феодалу одновременно увеличить свой фольварк и получить необходимую дополнительную рабочую силу. Этот процесс часто сопровождался заменой денежно-натуральных повинностей работами, ибо мелкое хозяйство их уже не могло давать.

Без развития фольварков и барщины дробление крестьянского двора было невыгодно землевладельцу, ибо это приводило к уменьшению количества продуктов в пользу господина. Подтверждением сказанному в известной степени может служить семейный состав тяглых и чиншевых сел Ратенского староства: в первом случае в 3 селах на 201 хозяйстве жил со своим отцом лишь 131 взрослый сын; во втором случае на 93 хозяйствах двух сел жили с отцами 104 сына¹.

Характеризуя в целом изменения, происшедшие в старостве во второй половине XVIII в. Любомирский правильно подмечает, что фольварочно-барщинная система здесь достигла такого развития, о котором в XVI в. и не мечтали². Без сомнения, фольварк с момента своего возникновения и до ликвидации в XIX в. был для крестьян фактором их обезземеливания и отягощения.

Инвентарь другого, Слонимского староства за 1789 г.³ свидетельствует о том, что в это время здесь было 4 фольварка, на которых работало постоянно 22 человека челяди, да в Слониме, в резиденции старосты — 324 человека — это почти исключительно крепостные, но уже безземельные.

В селах экономии было 903 дыма с полевым наделом, 7 огородников и 25 халупников. В числе 903 дымов было 106 боярских (с. Переволоки), в то время как в 1765 г. их было 247.

Большое количество челяди и халупников, которые совершенно отсутствуют здесь по инвентарю 1587 г.⁴, говорит о том, что экономическая дифференциация, а, главным образом, обнищание крестьян, при правово-повинностной унификации, сделали немалые успехи.

Всего сельских волок в старостве было 1040 на 903 двора, но сюда вошли, кроме пахотных наделов, дополнительные морги, луга, леса, выпасы, болота и др. неудобья, находящиеся в границах сел. Пахотный надел по сравнению с 1587 г. уменьшился почти вдвое, составляя в среднем половину воло-

¹ T. Lubomirski, Starostwo Rateńskie („Biblioteka Warszawska“), s. 230—231.

² Там же, 227. Это утверждение автор распространяет на всю Польшу, с чем соглашается и Мякотин (Крестьянский вопрос).

³ ВЦГАДА, № 11619.

⁴ Архив Сапег № 880, стр. 7—14. Рукописный отдел библиотеки АН УССР, Львов.

ки, колеблясь в натуре от $\frac{1}{4}$ до целой волоки. Нам известно, что во второй половине XVII и начале XVIII вв. надел был больше, а теперь вновь достиг уровня 1648 г. Общее количество пахотных волок-наделов за 20 лет почти не увеличилось, а в то же время агротехника крестьянского хозяйства улучшилась мало, она как бы застыла на уровне конца XVI века. Несомненно сказались разорения.

Для иллюстрации возьмем боярское село Переволоки, имевшее значительно большие возможности для обработки новых земель, чем тяглые села. По инвентарю 1587 г. в нем значится 60 волок-наделов, из них 2 волоки на войта и 2 на церковь. Тогда волока была равна дыму. По инвентарю 1768 г. село имеет те же 60 волок, но на них уже 106 дымов, т. е. почти 0,5 волоки на дым. Эта статичность крестьянского наделного фонда за 200 лет поражает при знакомстве с сотнями сел Гродненской, Кобринской, Брестской и др. королевских и частных экономий в период XVI—XVIII вв. Пахотный фонд почти не расширился. Надо добавить к этому, что и урожаи за 200 лет увеличились мало, составляя «сам 3», «сам 4». И все же это была только видимость застоя! В этом повинно и жестокое двукратное разорение страны, дважды отбрасывавшее ее хозяйство назад, но повинна и фольварочно-барщинная система, тормозившая развитие производительных сил страны и затруднявшая восстановление разоренного хозяйства.

На одно крестьянское хозяйство в Слонимском старостве приходилось в 1789 г. по 1,1 вола, 0,34 коня, 1 корове, 1,75 овец и 0,75 свиней. Но это средние цифры, за которыми в действительности было от 12 до 20% хозяйств без рабочего скота. Такое же положение было и с продуктивным скотом.

Повинности крестьян по инвентарю 1789 г. были не совсем одинаковы, но в большинстве случаев с тяглой волоки сводились к следующим: чинш — 23 зл. 16 гр., натуры — 1 бочка жита, 1 воз сена, 1 гусь, 2 курицы, 20 яиц. Дополнительно к этому с дыма: 2 дня барщины в неделю, 12 гвалтов в год, недельная сторожа в очередь, 3 подводы за 20—30 миль, шарварки — 4 дня в год. От улья пчел — 1 зл. Соль крестьяне должны покупать только во дворе, зерно молоть лишь на старостинских мельницах. Фольварочное хозяйство, а с ним и барщина развивались здесь медленнее, чем в Ратенском старостве. Наступление на крестьян пошло по линии резкого ухудшения положения многочисленных здесь крестьян-слуг, перевода их в тяглые. Лишь упорное сопротивление избавило их от барщины. Они получили право откупаться от нее высоким чиншем. В Брожацком ключе количество тяглых хозяйств

с 1765 г. по 1797 г. увеличилось с 163 до 182, а в процентном выражении с 83,2% до 87,5%.

В других старостах Белоруссии и Литвы процесс развития фольварков со всеми вытекающими из этого последствиями был примерно тот же, что и в двух вышеприведенных. По подсчетам А. Жабко-Потоповича¹ в 109 старостах и державах Белоруссии и Литвы за время с 1738 года по 60—70 гг. XVIII ст. посевные площади фольварков выросли в 2,6 раза, в то время как население увеличилось лишь в 1,6 раза. В последующие десятилетия этот процесс шел дальше в том же направлении. Так, в Брожацком имении в 1797 г. было два фольварка с 28 волоками земли, а в 1837 г. — 4 фольварка с 50 волоками.

Параллельно с этим шел процесс замены чинша барщиной, а где она уже была введена — увеличение ее с 1—2 дней в неделю с волоки до 3—4 дней с полуволоки. Дополнительные виды повинностей работой (гвалты, толоки, подводы, стражи и т. п.) росли необыкновенно быстро.

Если в 1738 г. из 360 государственных имений Белоруссии и Литвы чиншевыми были 157, т. е. они составляли 43,7%, то в 70 гг. XVIII в. удельный вес таких имений снизился до 33%², а к концу столетия еще значительно уменьшился³.

Росту фольварочного хозяйства, без сомнения, способствовала все улучшавшаяся рыночная конъюнктура. Если в Гданьске в 30 гг. XVIII ст. за лашт ржи платили 70—100 зл., то в 70 гг. — 250—300 зл.⁴, хотя металлическая стоимость злого-то за это время снизилась лишь на 65%.

В последующие десятилетия цены выросли еще вдвое. Это явление имело место не только в портах, но и в глубинных пунктах. Так, в Минской губернии в 1797 г. за четверть ржи платили 1 р. 20 коп., а в 1808 г. — 5 рублей. За овес соответственно — 60 коп. и 4 руб. за пшеницу — 2 руб. 40 коп. и 9 руб.⁵ Лишь в годы континентальной блокады цены упали.

Состав населения в старостах был довольно пестрый. Его можно представить себе на основании следующей таблицы⁶ (даны дымы-семейства):

¹ A. Zabko-Potopowicz, Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Ks. Litewskim w XVIII w. W. 1928, s. 118.

² Там же, стр. 85—96, 113—119.

³ Д. Похилевич, Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII (перв. полов.) вв., гл. IV, § 3.

⁴ T. Furtak, Ceny w Gdańsku w latach 1701—1815, tabl. Nr. 2.

⁵ К. Кернажыцкі, Гаспадарка староства на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтвау у другой паловіне XVIII ст., стр. 62.

⁶ Материал взят из XXXV и XXXVIII гг. — Акты Виленской Археологической Комиссии (АВК) и статьи К. Кернажыцкого «Гаспадарка староства на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтвау у другой паловіне XVIII ст.»

Староства	Шляхта	Земляне	Бояре	Чиншевые	Тяглые	Корморники (кутники)	Бобыли халупники	Всего дымов семейств
Высокий двор		6	79		122			207
Ракантишки	10		46	8	29	25		118
Заснудское войтовство	10			28	60		19	117
Дудское		21	62		95		1	179
Куцьки				14				
				Староста мог использовать и так и этак				
Радость (держ.)			1	9				10
				все дымные тяглые				
Рагадоское ст.								
Целосское "								
Ревятичи "								
Рындинское "				3	106			109
Балиновицкое "				49	56			105

В староствах Виленского воеводства (первые четыре) обращает на себя внимание большое количество землян и бояр.

По подсчетам Кернажицкого¹ в староствах 1195 дымов, население в них выглядело в процентах следующим образом: крестьян — 97,3%, из них тяглых — 62,1%, чиншевых — 9,1%, землян и бояр — 22,3%, кутников и халупников (бобылей) — 3,8%, шляхты и мещан — 2,7%.

Кутники и халупники составляли в указанных староствах небольшой процент — немного больше шляхты и горожан, но если их взять в отношении собственно крестьян, то они уже составят 4%. В. Вечорек считает, что одни кутники в Великом Княжестве Литовском составляли 2% от крестьянских дворов². В Бобруйском старостве в 1765 г. тяглые крестьяне составляли 79%, а свободные от барщины — 21%³.

Положение в староствах Короны (преимущественно Малой Польши) было значительно хуже и в 60 гг. XVIII в. выглядело таким образом: кметы — 53,1%, загородники — 28,9%, халупники — 9,6%, коморники — 6,4%, прочие — 2%⁴. К загородникам здесь отнесены крестьяне, имеющие не только огород, но и небольшие полевые участки (3—5 моргов).

¹ К. Кернажицкий, «Гаспадарка старостау на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтвау у другой паловіне XVIII ст.», стр. 39.

² W. Wiczorek, Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w., Poznań, 1930, s. 50.

³ К. Кернажицкий, Аграрная реформа у Бабруйскім старостве і эканомічнае становішча яго насельніцтва 3 XVII да пал. XIX ст., Мінск, 1931, стр. 143.

⁴ J. Rutkowski, Studia nad położ. włościan..., s. 97.

Экономическое положение крестьян в староствах

	Рабочий скот (в шт.)	Д у м ы		С е м ь я		И з м е н и к и		З е м л я		
								о с а д н а я		
		колич- ество	% ко всем дан. гр.	колич- ество душ	% ко всем дан. гр.	колич- ество	%	полос	%	% в стар.
Куцьки (чиншев.)	1—2	8		49				3,75		
	3—4	6		46				3		
Чатырки (чиншев.)	1—2	3		15				1,5		
	3—4	3		18				1,5		
Заснудск. войт. (чинш. часть).	1—2	15	53,6					3,5	38,4	
	3—4	11	39,3					3,75	41,1	
	5 и более	2	7,1					1,87	20,5	
Всего:		28	100					9,12	—	24,7
мужч. всех возр.										
Высокодвор- ский ключ (барщ.)	Без скота	2	1,6	3	0,9			0,5	1	—
	1—2	66	54,1	151	49,1			26,2	50,3	
	3—4	52	42,6	153	48,2			24,74	47,5	
	5 и более	2	1,7	6	1,8			0,62	1,2	
		122	100	313				52,05		62,7
Ракантишкск. (барщ.)	комор- ники	25				ничего нет				
	без скота	2		11	5,1	2	10,6			
	1—2	11		81	37,7					
	3—4	14		102	47,5	15	78,8			
	5 и более	2		21	9,7	2	10,6			
Дудское (барщ.)	без скота	29	100	215	100	19				
	1—2	3	3,2	15	2,3			1	2,2	
	3—4	72	75,8	480	72,5			35,4	76,2	
		20	21	167	25,2			10	21,6	
Заснудское войт. (барщ.) часть)	халуп- ники	95	100	662				46,4		55,8
	сем.	19								
	без скота	5	8,4					1,5	6,8	
	1—2	37	61,6					12,4	56	
	3—4	15	25					7	31,5	
	5	3	5					1,2	5,7	
		60	100					22,1		59,8

Таблица 3

приемная			Скот							Пчелы		
колич- ество	%	% в стар.	рабочий			коровы			прочий и молод. (колич- ество)	колич- ество семейств	%	% в стар.
			колич- ество	%	% в стар.	колич- ество	%	% в стар.				
4 3			14 19 5 9							33 19		
			24	31,6		67	42,4		3			
			37 15	48,7 19,7		70 21	44,3 13,3		16 6			
			76		34,6	158		38,3				
0,9 4,6 0,5	14,5 77,2 8,3	—	110 164 10	38,8 57,6 3,6	—	—	—	—	—	14 11 8	42,4 33,4 24,2	—
6		82,2	284		61,2					33		9
			19 47 10	25 62 13		1 14 19 5	2,5 35,9 48,7 12,9		4 42 112 40			
0,5 20,2 10,4	1,6 65 33,4		76 111 65		20,3 63,4 36,6	39		32,5	198			
										53 86	38,2 61,8	
31,1		58,1	176		52,2					139		48,9
			49 50 17	42,2 43,1 14,7		4 110 76 15	2 54 37 7					
			116		52,7	205						

Положение в шляхетских и духовных добрах Польши было несколько лучше. Здесь кметы составляли 69,1%, заградники — 14,3%, халупники — 4,6%, коморники — 9,9%¹.

Правда, к этим выводам Рутковского нужно отнестись как здесь, так и в дальнейшем довольно осторожно. Материал, которым он располагал, был довольно значительный — примерно 750 сел, но из них к духовным и шляхетским относится лишь 200 сел, взятых далеко не равномерно и не всегда типично, тогда как староства представлены 550 селами. Приведенные выше данные получены в результате учета положения населения не только во второй половине XVIII в., но и в первой, когда хозяйство было сильно разорено. Общее представление об экономическом положении крестьян в старостах и отдельных их категорий и групп может дать прилагаемая таблица².

При всей пестроте, наблюдавшейся в старостах в отношении основных показателей, все же можно сделать некоторые весьма общие выводы:

1. Соотношение между хозяйствами различных групп в старостах с оговорками представляется в следующем виде³:

1)	Хозяйства заградников, халупников и коморников составляли	8,3%
2)	" без рабочего скота	3,8%
3)	" с 1—2 шт. рабочего скота	63,6%
4)	" с 3—4 шт. " "	23,1%
5)	" с 5 и более шт. " "	1,2%

Следует оговориться, что у коморников (кутников) чаще всего никакого хозяйства не было и даже не было избы, двора, семьи. За таковые считался сам кутник, что значительно повлияло и на увеличение процента совершенно разоренных хозяйств — 8,3%.

Кутник — фигура неустойчивая. Это чаще всего сезонный наемный работник. Завтра он может быть челядником во дворе или у богатого крестьянина, может завести семью или пристать в приемы и, наконец, может в некоторых случаях вернуться в свою семью и таким образом выпасть из учета. Кутники чаще всего продукт уже погибшего, исчезнувшего или разорившегося хозяйства (дети халупников и заградников). По-настоящему их в учет хозяйств, а тем более дворов, вводить нельзя, как не учитываются сябровые элементы в сложной семье или наймиты в крестьянской семье, ибо они искажают действительную картину.

¹ J. Rutkowski, *Studia nad położ. włościan...*, s. 97.

² Материал для таблицы и ее схема позаимствованы из указанной выше работы К. Кернажыцкого. Гаспадарка староства на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтва у другой паловіне XVIII ст., стр. 39.

³ Там же, стр. 86.

Инвентари обычно не учитывают кутников (коморников) в числе хозяйств или дворов за исключением тех случаев, когда они действительно держат (временно или постоянно) землю и скот, но тогда они и облагаются по общему со всеми крестьянами принципу. Если же они являются подданными местного двора и с них причитается какая-либо повинность, они учитываются как население, в противном же случае инвентари их или вовсе не учитывают или просто сообщают, что они бывают в селе в таком-то количестве.

Категория кутников и халупников интересна и важна с точки зрения разорения крестьянства, формирования в деревне элементов, лишенных средств производства. Правда, от этого они не становились юридически лично свободными, но фактически превращались в таковых.

Нужно признать, что удельный вес безземельного крестьянства в староствах Великого Княжества Литовского был значительно ниже, чем в самой Польше¹.

2. Количество душ в крестьянских семьях (не считая кутников и халупников) колеблется от 5 до 8 человек, в большинстве случаев составляя 6—7 душ. Семьи, не имеющие скота, по количеству душ часто бывают меньше семей, имеющих большое количество скота.

3. Наемная рабочая сила используется крестьянами, имеющими много рабочего скота, но изредка и в хозяйствах без скота, видимо, там, где нет взрослой рабочей силы.

4. Типичное крестьянское хозяйство имеет 1—2 головы рабочего скота (лошадей или волов), около 0,5 волоки земли (не считая сенокосов). Меньшая часть имеет 0,25 или целую волоку. Таким образом, типичное хозяйство в экономах и староствах было больше такового в общепольском масштабе, где оно имело 0,25 волоки и меньше².

5. Хозяйства, имеющие на двор 3—4 головы рабочего скота, хотя и составляют меньшинство, но по количеству рабочего скота и коров занимают первое место.

6. Чем крепче крестьянское хозяйство, тем больше берет оно приемной земли, тем больше имеет скота и пчел.

7. Данные указывают как на значительную пауперизацию, так и дифференциацию крестьян как по земле, так и по скоту.

Знакомство с земельным держанием крестьян в государственных добрах обоих видов дает возможность сделать некоторые общие выводы. После реформы Тизенгауза крестьянский надел в подавляющем большинстве столовых экономий составлял 0,5 волоки, отклоняясь изредка до четверти и целой

¹ См. W. Grabski, *Historia wsi w Polsce*, W., 1929, s. 163.

² W. Grabski, *Historia wsi w Polsce*, s. 169.

волоки. В староствах картина была более пестрой. Если в Ратенском нормой была $\frac{1}{4}$ волоки, то в Ретавском — 1 волока. М. В. Довнар-Запольский, изучавший это явление для второй половины XVIII в., пришел, в основном, к подобным выводам. Он считает, что крестьянский двор в Белоруссии, в т. ч. и в частных поместьях, имел в среднем 8,3 морга оседлой земли и 10,2 морга приемной¹. Некоторое увеличение среднего держания по сравнению с западными воеводствами идет за счет Восточной Белоруссии, где оно было выше. Это только пахотные земли. Нельзя согласиться с Довнар-Запольским, что крестьяне могли пользоваться сенокосами, лугами, болотами и лесом «сколько хотели или сколько могли, ибо сенокосы не подлежали обложению²». Такое положение встречается изредка. Уже Устава 1557 г. приказывает, чтобы за землю, имеющуюся сверх надела, крестьяне платили, в т. ч. нередко даже за общинные выпасы, как позже стали платить и за пользование лесом. Сенокосами двор очень дорожил для себя, но и крестьянам они были необходимы. В Ретавском старостве пашня была роздана крестьянам, а сенокосы оставлены за двором. В Шяуляйской экономии лишь 8% сенокосного фонда крестьяне пользовались бесплатно, а 92% за плату³.

Довнар-Запольский, на основании инвентарей 80—90 гг. XVIII в. частных и государственных поместий, пришел к следующим данным по вопросу о размерах крестьянского держания, сгруппированных им по районам⁴.

На каждые 100 дымов приходилось:

Районы	менее 1/4 волоки	1/4 вол.	1/3	1/2	2/3	3/4	1 вол.	бол. 1 в.
Виленский	5,9	29,6	6,8	36,7	4,9	10,0	3,6	2,5
Витебский	2,3	20,0	2,5	43,1	0,3	9,0	20,3	2,5
Минский	5,0	50,0	—	30,0	—	5,0	7,5	2,5
Брестско-Гродненский	9,9	32,5	32,5	20,0	0,7	1,5	0,7	2,3

Примечание: в состав Виленского района вошли Виленский, Ошмянский и Лидский поветы; Витебского — все По-

¹ М. В. Довнар-Запольский, Социально-экономическая структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст. Гісторычна-Археалагічны зборнік № 1, Мінск, 1927, стр. 24.

² Там же.

³ См. вышеприведенные итоги Шяуляйской экономии.

⁴ Социально-экономическая структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст. Гісторычна-Археалагічны зборнік № 1, стр. 25. Автор не указывает, какие конкретно поместья были объектом его изучения, сколько государственных, сколько частновладельческих.

двинье и северные части Поднепровья; Минского — Новогрудский, Пинский и Речицкий поветы.

Из таблицы видно, что наиболее высокий процент землеобеспечения в 0,5 волок и более падает на Восточную Белоруссию и на Виленский район.

М. В. Довнар-Запольский указывает, что в Витебском районе почти отсутствуют приемные «куничные» земли, их здесь около 10%. Больше всего приемных земель в Виленском районе и еще больше, добавлю я от себя, их было в Жемайтии. В Брестско-Гродненском районе также немного приемных земель — около 30% от общего количества.

Приемные земли, как это можно видеть и по Жемайтии, не находятся в каком-либо прямом соотношении с оседлыми. В поместье Светляны их совсем нет, хотя $\frac{2}{3}$ крестьян сидит на $\frac{1}{4}$ волоки¹, а в Дубах все малоземельные дворы имеют «куничную» землю². К «куничным» землям, т. е. землям на денежной ренте, Довнар-Запольский относит боярское, земянское, вообще чиншевое держание³. Причину неравного, случайного распределения «куничных» земель Довнар-Запольский ставит в прямую зависимость лишь от «размера необработанных дворовых земельных пространств»⁴, т. е. от наличия пустошей. Это верно, но лишь отчасти. Во-первых, чиншевые «куничные» приемные волоки — это в большинстве случаев не пустоши, а закультивированные земли. Появилась эта категория крестьянских земель прежде всего в результате ликвидации фольварков и перевода населения на денежную ренту и лишь позже — опустошений.

Во-вторых, приемные земли, в прямом смысле этого слова, как лишь добавки к оседлым наделам, имели место в тех поместьях, где развитие барского хозяйства упиралось в недостаток рабочей силы или в невыгодность ее использования в виде барщины или, наконец, в отсутствие новых поселенцев.

Эта категория земель особенно увеличилась в период жестоких классовых битв, экономических потрясений и после них, являясь, безусловно, уступкой крестьянам с целью скорейшего восстановления поместного хозяйства. Впоследствии же эти земли остались у крестьян и отнимать их было нецелесообразно или рискованно.

Наконец, необходимость в приемной дополнительной земле в Витебском районе была значительно слабее, чем в остальных. Здесь и без нее 32% крестьянских дворов имело около 1 волоки на двор.

¹ АВК, XXXV, № 77.

² Там же, № 46.

³ М. В. Довнар-Запольский, Социально-экономическая структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст., стр. 25.

⁴ Там же.

Недостатком вышеприведенной таблицы Довнар-Запольского является отсутствие указаний, вошли ли в состав «надельных» земель, которые он разработал, лишь «соседные» или и «приемные». Если последние не вошли, то это в значительной степени меняет картину.

Приведенная выше таблица дает возможность установить и земельную дифференциацию крестьян.

Если принять крестьян (без Витебского района), имеющих от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ волоки на хозяйство за основную массу, за середняков (они составляют 72—85% всех), то имевшие меньшее количество земли будут составлять от 5 до 10%, а имевшие больше — от 5 до 20%. В Витебском районе крайние категории составляют 2,3% и 32%. Это еще раз говорит о том, что восточные волости имели свою специфику.

Эти же данные еще раз подтверждают, что не в пример поместьям собственной Польши количество малоземельных крестьян Литвы и Белоруссии было невелико. Дифференциация вверх была значительно большей.

Правда, средняя группа сама по себе довольно неоднородная. Ее крайние показатели: $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ волоки говорят о наличии значительной дифференциации внутри ее.

Несколько иначе разработан материал о размере крестьянского надела в Литве и Белоруссии Вечорек¹ на основании XXV, XXXV, XXXVIII томов АВК. Материал сведен по воеводствам, а не по условным районам, что дает возможность яснее представить картину и сравнивать его данные с другим материалом. Данные взяты Вечорек для поместий всех видов: частновладельческих, духовных и староств. Земля только пахотная.

Название воеводства	Менее $\frac{1}{4}$ вол. %	$\frac{1}{4}$ — $\frac{2}{4}$ %	$\frac{2}{4}$ — $\frac{3}{4}$ %	$\frac{3}{4}$ —1 вол. %	1 вол. и более	Количество волок		Количество разработанных сел
						члн-шев. %	бар-шин. %	
Жемайтня	2	40	20	2	36	62	38	44
Тракайское	4	74	12	1	9	11	89	35
Виленское	2	44	14	4	36	51	49	167
Новогрудское	7	68	17	3	5	17	83	26
Брестское	2	66	26	3	3	—	100	11

¹ W. Wiczorek, Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w., s.s. 38—42. Данные по Минскому, Витебскому, Полоцкому и Мстиславскому воеводствам носят случайный характер, а потому мной не приведены в таблице.

Приведенные данные подтверждают, что типичный крестьянский надел колебался около $\frac{1}{2}$ вол. осадной и приемной земель вместе взятых, что крестьяне, имеющие менее 0,25 волоки, составляли небольшой процент, большое количество одноволочных хозяйств в Жемайтии и Виленском воеводстве обуславливали высокий процент чиншевых хозяйств здесь, что в Брестском воеводстве было сильно развито фольварочное хозяйство.

Необходимо заметить, что показатели по Троцкому, Новогрудскому и Брестскому воеводствам выведены Вечорекон на основании небольшого материала.

В заключение необходимо отметить одну заметную тенденцию — зависимость величины крестьянского надела от величины господского поместья. У магнатов крестьянские наделы больше, чем у шляхты. Та же тенденция заметна и в чиншевых хозяйствах.

Другим показателем имущественного положения крестьян и их дифференциации является рабочий скот: волы и кони. В приводимой таблице Довнар-Запольского имеются данные по этому вопросу, составленные тоже по районам:

Районы	Кол. % дворов, имеющих лошадей					Кол. % дворов, имеющих волон				
	1 конь	по 2-3 к.	по 4-6	по 7-9	без лош.	по 1 вол.	по 2-3	по 4	по 5-6	без вол.
Виленский	47,2	30,0	2,8	—	20,0	16,0	67,8	3,9	0,6	11,7
Витебский	20,2	50,4	23,6	2,0	3,8	—	—	—	—	—
Мянский	35,0	21,9	6,0	—	37,1	13,0	13,0	54,4	13,0	6,0
Брестско-Гродненский	42,0	7,4	0,4	—	50,2	24,5	58,0	7,9	0,4	9,2

Недостатком этой таблицы является то, что она составлена не по количеству рабочего скота вообще, а по количеству волон и лошадей в отдельности. Если для восточных волостей это имело смысл, ибо в Витебском районе крестьяне почти совсем не пользовались волами, то в западных они пользовались и ими, и другим скотом, хотя и преимущественно волами.

Таблица не отвечает на вопрос, каково было обеспечение рабочим скотом среднего хозяйства, ибо некоторые хозяйства имели и волон, и коней, а другие лишь один вид скота. Это не дает также возможности установить процент хозяйств без рабочего скота. Не имевшие лошадей могли иметь волон и наоборот.

На основании этих данных можно с полной уверенностью сказать лишь одно, что в среднем крестьянских хозяйствах, не имевших совершенно рабочего скота, было не более 6—12%, и что среднее хозяйство имело минимум одну упряжку.

В некоторых поместьях и даже районах колебания были значительно большими.

В огромном Бобруйском старостве в 1765 г. было 925 дымов. Из них без рабочего скота — 128, с 1 волом — 42, с 1 конем или 2 волами — 274, с 2 лошадьми или 4 волами — 223, с 3—4 лошадьми или 6—8 волами — 230, с 5 и более лошадьми — 70. Общее количество лошадей — 790 и волов — 2155¹.

Это явление не было лишь результатом процессов, происходивших в предыдущее время. А что они происходили, об этом может свидетельствовать хотя бы положение в приведенном выше Бобруйском старостве, где первая и вторая группы населения в XVII ст. составляли вместе 10,3%, а в 1765 г. — 18,3%, шестая группа составляла тогда 12,1%, а теперь — 7,6%². Нет, оно развивалось в том же направлении. Это подтверждают конкретные данные по поместьям. Приведу еще один пример, свидетельствующий об обеспечении крестьянского хозяйства рабочим скотом.

Брожацкий ключ (Вост. Белоруссия) имеет инвентари за 1765 и 1797 гг.³ Села остались те же.

Группа	1765 г. % %	1797 г. % %
Без раб. скота или с 1 волом	23,5	22,6
С 1 конем или 2 волами	27,0	30,8
С 2 конями „ 4 „	31,6	19,2
С 3—4 конями или 6—8 волами	15,3	25,0
С 5 конями	2,6	1,4

Здесь вполне очевиден процесс дифференциации. Крестьянство делится на две группы: первая — имеющая одну упряжку, и вторая — три—четыре упряжки. Обе они увеличиваются за счет промежуточных групп.

Данные Довнар-Запольского о молочном скоте значительно скуднее, ибо они скуднее и в документах⁴. По его мнению,

¹ К. Кернажыцкі, Аграрная рэформа у Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да пал. XIX ст., стр. 144.

² К. Кернажыцкі, там же.

³ К. Кернажыцкі, Гаспадарка прыгоннікова на Беларусі ў канцы XVIII і перш. пал. XIX ст., Мінск, 1936, стр. 60.

⁴ М. В. Довнар-Запольский, Соц.-экономич. структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст., стр. 27—28.

в среднем на двор (не считая бобылей) приходилось по 1,1 дойной коровы, 1,4 молодняка, в т. ч. и яловых коров. Последнее приводит к мысли, что молодняк крестьяне продавали. Почти такие же данные видим и у Забелы, изучавшего частновладельческое хозяйство второй половины XVIII в.¹

По районам положение с молочным скотом было весьма неоднородным. Хуже всего обстояло дело в Минском районе, где, в частности, процент хозяйств, не имеющих коров, был наиболее высок — 14%, тогда как средний процент таких хозяйств равен 7,3%. В Виленском районе 23,7% дворов имели 3 и более коров, в т. ч. 6% имели 4 коровы. В Брестско-Гродненском районе 38% дворов имели 3 и более коров, а 25% имели 3 и более голов молодняка. Данные по этому району, имевшему наиболее высокий процент малоземельных и безлошадных дворов, позволяют предположить, что его население было довольно глубоко дифференцировано и широко занималось сбытом скота и молочных продуктов на рынок.

Данные относительно количества мелкого скота еще более скудны. По подсчетам Довнар-Запольского², козы и свиньи получили распространение лишь в Виленском районе, составляя по 4—5 голов на двор, в других местах — 2—4 головы³. Овцеводство также слабо развито. Лишь в Виленском и Брестско-Гродненском районах оно носило в известной мере товарный характер. В этих же районах процент хозяйств, имевших 10 и более овец, колеблется от 10 до 20%⁴. Обычно же на хозяйство приходилось 5—10 овец⁵.

Пчеловодство также распространено неравномерно. Наиболее развито оно в Брестско-Гродненском районе. Здесь можно встретить села, в которых отдельные дворы имели от 12 до 36 ульев, т. е. пчеловодство носило явно товарный характер. Это же можно сказать и о дворах, имевших гораздо меньше ульев. Мед и воск были дорогим продуктом, за них хорошо платили на рынке, куда они и шли на покрытие крестьянских платежей.

¹ Т. Забела, *Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст.*

² Соц.-экономич. структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст., стр. 28.

³ *Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст.*, стр. 141.

⁴ Соц.-экономич. структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст., стр. 29.

⁵ *Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст.*

Повинности крестьян в старостах Литвы и Белоруссии можно видеть из таблицы № 4.

В таблице указаны лишь основные повинности. Но, кроме них, было много дополнительных: возить навоз, дрова, косить луга, ночью стеречь, прясть лен, полоть огороды, белить полотно, стричь овец и т. п. Изредка к ним еще добавлялось содержание ксендза (Палангское староство)¹.

Из таблицы видно, что повинности крестьян в старостах были весьма разнообразны. Никакой унификации, подобной столовым экономиям, здесь нет.

Наличие референдарского, даже реформированного суда не устранило произвола державцев, старост, который санкционировался и скарбом.

Так, с. Куцьки до 1789 г. было тяглым, а с этого года стало чиншевым, однако арендатору дается право сделать его, каким ему угодно².

В инвентаре Рагодошского староства прямо сказано, что хотя люстраторами разрешено лишь 4 гвалта в году, но, поскольку фольварк во время уборки имеющейся рабочей силой обойтись не может, а наем рабочих уменьшил бы «кварту» (долю скарба в доходах старосты), то разрешено еще дополнительно 2 гвалта³. Таким образом, фискальные интересы фольварка являются определяющим фактором в изменении положения крестьян.

В тех поместьях, где имела место высокая барщина (последние 2 староства Брестского воеводства), обычно были невелики или совсем отсутствовали другие повинности.

Высокая барщина была в мелких держаниях чаще, чем в больших. Так, в державе Радость было 1 село в 9 семейств (десятое сбежало)⁴, а в ст. Рагадосском 1 село в 36 семейств⁵.

В других староствах барщина была несколько ниже. В Слонимском она взималась с дыма (обычно 0,5 вол.) в количестве 2 дней, но зато там были велики чинши и дани. В Бобруйском старостве в 1765 г. ходили на барщину 2 дня, но с волюки или с дыма не указано. В Брожацком ключе работали 2—3 дня с волюки.

Знакомство со старостинскими крестьянами разных территорий Белоруссии и Литвы дает возможность подметить и некоторые особенности в зависимости и от географического положения имений.

¹ АВК. XXXV, № 50.

² Там же, 574.

³ Там же, 263.

⁴ Там же, 417.

⁵ Там же, 261.

Таблица 4

Повинностное положение крестьян в старостах

Местность	Кол. зем-ли вол.	Число зл.	Поло-рождения (зл.)	За баршину		За день		Барщина			Гвал-ты	Подымное	
				зл.	гр.	зл.	гр.	всего в неде-лю	муж-чин	жен-щин		зл.	гр.
Чатырки	0,5	40	18	11	—	1	15	—	—	—	—	6	2 ¹ / ₃
Куцьки	1	113	—	—	—	—	7,5	—	—	—	—	7	—
Заснудское	1	192	24	—	—	—	дают нату-рой	—	—	—	—	8	—
В. Дворск	0,5	8	4 подво-ды	9	20	—	дают нату-рой	4	—	—	12	+	2 ¹ / ₃
Бачечники	0,5	5	?	6	15	6	15	4	2	2	8	7	2 ¹ / ₃
Дудское	0,5	5	3 подво-ды	4	22	2	30	3	2	1	3	7	2 ¹ / ₃
Якунское	0,5	5	—	2	24	2	24	4	2	2	3	7	—
Старая воля	1	—	7	1	—	—	0,5	6	3	3	4	+	—
Радасское	0,25	—	—	—	—	—	—	6	3	3	6	+	—
Радость	0,5	—	—	—	—	—	—	6	3	3	+	+	—

Примечание:

1. Кроме указанных в таблице повинностей, крестьяне везде ходили на недельную стражу и чинили мосты, плотины, дороги.
2. В Якунском ст. платили еще «за волюность торговли» по 3 зл.
3. Таблица составлена на основании вышеуказанных материалов.

В староствах Восточной Белоруссии, где фольварочное хозяйство в 60—70 гг. XVIII в. все же было несколько слабее развито, чем в Западных воеводствах, барщина немного меньше, чем в западных. В то же время в восточных воеводствах разные дани чаще вносятся натурой, а в западных — заменяются деньгами.

В западных, особенно побугских и понеманских староствах, эксплуатация крестьян была более интенсивной, чем в восточных.

Во второй половине XVIII в. в староствах становится весьма заметной тенденция двора к переводу крестьянских натуральных податей (даней) и неудобных для двора повинностей на деньги, что все сильнее вовлекало крестьянское хозяйство в рыночные отношения, которые, в свою очередь, усиливали процесс дифференциации крестьян. Наряду с этим можно было встретить, особенно в мелкопоместных имениях, стремление двора натуральные дани и мелкие повинности заменить барщиной.

Крестьянские тяглые хозяйства были перегружены работой на фольварке, да и свое хозяйство в 0,5 вол. (II га) требовало много рабочих рук и скота от крестьянской семьи в 6—7 человек, где обычно редко бывало более 3 человек вполне работоспособных. Это можно видеть хотя бы по Великодворскому староству, где было много пустых волок (40%), сдававшихся крестьянам за третий сноп без каких-либо дополнительных повинностей. Крестьяне обычно охотно брали землю на этих условиях, но здесь это мероприятие имело небольшой успех. У крестьян не хватало для этого рабочих рук и скота.

Отягощение крестьян староств барщиной с 0,5 вол. в переводе на деньги при условии 2 дней мужских и 1 дня женского в неделю, не считая других повинностей, составит около 90—100 зл., принимая стоимость дня, как и в частновладельческих поместьях, в 15 зл. мужской и 7,5 зл. женский¹.

Расценка барщинного дня, нужно сказать, была весьма неодинакова. В районах с неразвитым фольварочным хозяйством она была ниже. Так в Шкловском поместье день расценивался от 10 до 4 гр.² В Ошмянском же повите в жнива

¹ Стоимость мужского рабочего дня Вечорек условно принимает для Жемайтии в 19,5 гр., Виленского воеводства — 13 гр. и для всех других — 15 гр. как для пешего, так и для конного. Женский день он расценивает вдвое ниже. Подводу он считает в 12—24 зл. Стражу и гвалт расценивает, как и барщину. Княт для Короны принимает конный день за 32 гр., а пеший — 16 гр. Турцевич принимает в среднем для всего В.К.Л. 15 гр. за мужской день и 10 гр. за женский. Все повинности крестьянина с 0,5 вол. он оценил в 19 р. 5 коп.

² I. Baranowski, *Wieś i folwark*, W. 1914, s. 259.

работник ценился очень дорого: косарь — 1 зл. и жнея — 15 гр. в день¹. В Таручай (Жемайтия) мужской день летом ценился в 24 гр., а зимой в 15 гр. В Дзергеле (Брестское воеводство), мужской день — 20 гр., а женский — 10 гр. В Рылишкый (Виленское воеводство) мужской день — 15 гр., женский — 7,5 гр.²

Вечорек на основании изучения старостинских и частновладельческих сел (ABK, тт. XXV, XXXV, XXXVIII) Великого Княжества Литовского получил следующие данные о повинностном бремени крестьян независимо от рода землевладельцев³:

Воеводства	Средн. недельн. барщина с волоки дней	Среднее отягощение вол. зл.	На каждые 100 польск. зл. приход.			Количество изученных сел.
			чин-ша зл.	барщины зл.	дани зл.	
Жемайтйское	3	165	15	83	2	77
Тракайское	5	200	16	82	2	40
Виленское	4	160	15	82	3	165
Новогрудское	5	185	6	85	9	31
Брестское	7	210	7	90	3	28
Витебское	3	120	15	82	3	690
Мстиславское	7	185	13	84	3	22

При сравнении данных этой таблицы с приведенными мной выше нужно учесть следующее: а) Вечорек сознательно опустил стоимость мелких крестьянских повинностей, которые весьма разнообразны в зависимости от поместий, часто не поддаются переводу на деньги, а главное, составляют незначительную ценность в пределах 3—5—8 зл. на хозяйство; б) Вечорек опустил государственные налоги: гиберну и подымное (первая совершенно отсутствовала в шляхетских поместьях), удельный вес которых составлял 5—8% всего отягощения; в) Вечорек не учел взнос за право свободной торговли (он был введен не везде), составлявший в королевщинах большую сумму с хозяйства (в среднем 15 зл.). Вечорек не учитывал церковную десятину, которую давали частновладельческие крестьяне, и от которой обычно были свободны государственные в Литве и Белоруссии. Таким образом, среднее отягощение у него приуменьшено на 10—20% с волоки; г) взятые им как пример крестьянские хозяйства имеют различную землю: одни — только тяглую, другие — и тяглую, и приемную.

¹ ABK, XXXV, 536.

² W. Wiczorek, Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w., s. 58.

³ Там же, с. 98.

В одних случаях земля была плохая, а в других — хорошая, что влияло и на размер обложения.

При сравнении приведенной таблицы с таблицей № 4 бросается в глаза значительно большее отягощение крестьян в старостах, особенно барщиной. Последняя в старостах с полуволоки почти равна количеству дней в неделю с одноволочного хозяйства. Это положение говорит не столько об интенсивности эксплуатации старостинских крестьян по сравнению со шляхетскими, сколько о своеобразии повинностной политики господствующего класса¹.

Для иллюстрации воспользуюсь данными Вечорека по Виленскому воеводству², составленными им для полуволочных хозяйств по тому же принципу, что и в приведенной выше таблице, а потому вполне сравнимыми. Средний размер барщины равен в них 3,5 дня в неделю (при 4 днях с 1 волоки). Среднее отягощение повинностями составляло 120 зл. (при 160 зл. с 1 волоки). Таким образом, повинности с полуволочного хозяйства значительно больше половины повинностей с одноволочного хозяйства.

Это особенно ярко видно при сравнении повинностного бремени крестьян в зависимости от размера надела в одном и том же селе. Так, в с. Заньковщина³ отягощение с 1 вол. составляло 120 зл., а с 0,5 вол. — 100 зл. Подобная картина и в с. Олексичи⁴, где отягощение с 1 вол. равно 135 зл., а с 0,5 вол. — 105 зл. В с. Кляпина⁵ соответственно с полуволоки — 95 зл., а с четверти волоки — 60 зл.

Рассмотрение отягощения одноволочных и полуволочных хозяйств показывает, что оно шло не по линии чиншей и даней, а почти исключительно барщины. На чем основана такая политика и почему она была возможна? Может быть, это имело место потому, что полуволочный двор не имел скота и нес пешую барщину, а потому в большом количестве? Нет. Скот у них был, и положенные работы они отбывали с упряжкой. Двор просто стремился использовать рабочую силу крестьянской семьи. Размер семьи одноволочного хозяйства обычно тот же, что и полуволочного, изредка немного больше. Таким образом, возможности их были почти одинаковые, а занятость в собственном хозяйстве — меньше. Это и давало возможность двору применять комбинированную систему: чинши и дани взимать в зависимости от размера надела, а барщину — с ды-

¹ Сам Вечорек считает, что старостинские крестьяне были отягощены так же, как и шляхетские (*Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w.*, s. 104).

² Там же, 100.

³ АВК, XXXV, 524.

⁴ АВК, XXXVIII, 368.

⁵ АВК, XXXV, 65.

ма. При таком положении барщина теряла прямую пропорциональную связь с размером надела. На этом основано сознательное стремление фольварка к дроблению крестьянского надела, по крайней мере, некоторого их количества и, конечно, до известного предела.

Указанное выше предположение хорошо иллюстрируют чиншевые хозяйства, в которых размер чинша почти пропорционален размеру надела, а отклонения составляют снова, главным образом, работы (гвалты, подводы, шарварки и т. п.).

Положение крестьян в некоторых староствах было не просто тяжелое, а трагическое, это временами вынуждены были признавать даже люстраторы. Один из них в инвентаре Ракантишкского ст. записал: «Крестьяне этого староства вообще убоги, в целой волости едва найдется десяток, имеющих исправную запряжку и скот... крыш на постройках нет... здесь живет чрезвычайная бедность... Трудно поверить, чтобы там (в лачугах) могли жить люди...»¹.

В некоторых староствах (Ракантишкском) разорение приняло такие размеры, что стало наносить господскому двору ощутимые материальные убытки и принудило его прийти крестьянам на помощь. Двор в Ракантишках отказался от мелкой крестьянской подати («грошовое») и передал ее в общинную кружку, из которой выдавалась помощь остро нуждавшимся. С этой же целью крестьяне в ряде имений в порядке взаимопомощи должны были поддерживать разорявшиеся хозяйства (чинить постройки, осушать землю, убирать урожай и т. п.).

Однако все это были паллиативы. Остававшаяся неприкосновенной фольварочно-барщинная система продолжала свое дело.

Неоправданным оптимизмом звучит утверждение Корзона, что инвентари и референдарский суд вполне защищали крестьянина от злоупотреблений державцы-старосты. Да и среди последних это пытались, мол, делать лишь «магнаты со злым сердцем»². Приходится лишь удивляться, почему все они имели злое сердце?! В противоречие с самим собой по этому вопросу впадает Вечорек. Под давлением фактов он склонен признать, что фактические повинности крестьян бывали выше инвентарных в силу злоупотреблений старост. Тут же он приводит типичный пример злоупотребления: использование старостами государственных крестьян в своих поместьях³. Подобные примеры приводились и мною. Здесь я хочу указать на, казалось бы, совершенно невероятную категорию зло-

¹ ABK, XXXVIII, 374.

² T. Korzon, *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, t. I, s. 350.

³ W. Wiczorek, *Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w.*, s. 105.

употреблений при сборе государственных налогов. Причитающуюся со староства сумму двор раскладывал среди крестьян с избытком, который оставлял себе, а не сдавал государству. Подобный факт видим в Высоком Дворе, который излишек от гиберны в 229 зл. оставил себе¹. Примеры подобного обирания крестьян приводит Рутковский. И все же Вечорек считает возможным утверждать, что повинности крестьян соответствовали инвентарным, ибо здоровый эгоизм господина и соблюдение инвентарей приводили к этому результату. Если бы это было так, то повинности в староствах были бы в XVIII в. равны повинностям в столовых добрах, в действительности же они были значительно выше. Во второй половине XVI в. они были одинаковы. Этот разрыв появился в результате систематических злоупотреблений старост.

Чиншевые крестьяне в ряде староств особенно в Восточной Белоруссии являются основной группой населения. Так, в Гомельском старостве на чинше сидело 2275 дымов, в Чичерской волости — 586, в Рогачевской — 620, в Речицком старостве — 321 дым. В Шкловских поместьях на 161 село было только 3 фольварка. В некоторых староствах чиншевые хозяйства составляли иногда, не считая земян и бояр, большинство (Якунское староство), в других же они — лишь небольшая группа.

Дело в том, что даже там, где фольварочное хозяйство сделало большие успехи, известные группы крестьян (крестьяне-слуги, сельские власти, крестьяне отдаленных от фольварков сел и т. п.) оставались на чинше. Так, в Межавском имении Потемкина, где в 1793 году было до 1000 четвертей посевов, 416 коров, 500 голов мелкого скота и 900 штук птицы, тяглые крестьяне сидели на 442 волоках (с волоки они работали 4 дня в неделю и 9 гвалтов в год, стража, подвод и 6 рублей деньгами), а куничные, платившие 20 рублей деньгами и работавшие 2 гвалта, сидели на 700 волоках.

Во многих случаях это остатки массового перевода тяглых крестьян в чиншевые, последовавшего после разорений середины XVII и начала XVIII вв. В редких случаях это старые чиншевые села, сохранившиеся еще со времен XVI в.

Экономическое положение чиншевых крестьян, судя, отчасти, по приведенной выше таблице, было неодинаковым. Сведения инвентарей о чиншевых крестьянах обычно болескудны, чем о тяглых.

Для иллюстрации положения чиншевых крестьян воспользуюсь возможностями, которые дают два инвентаря по Брожаскому ключу².

¹ АВК, XXV, 130.

² К. Кернажыцкі, Брожаскі ключ 1639—1810 гг. Запіскі адзялу гуманітарных навук, кн. 8, працы класы гісторыі, т. 3, Мінск, 1929 г.

Год	Кол-во хоз-в в ключе	% ко всем дворам	% ко всем семьям	% ко всем лошадям	% ко всем волам	Без рабоч. скота, %	С 1 конем или 2 волами	С 3—4 коней или 6—8 волами	С 5 ко- ней	% ко всей земле осажденной	% ко всей земле приемной
1765	33	16,8	16,4	38,3	16,2	21,2	24,3	21,2	9,1	—	—
1797	26	12,5	16,2	21,0	17,0	8,0	36,0	34,6	11,6	12,1	25,6

Земли у 26 хозяйств в 1797 г. было всего 34 волоки. Они имели 20% всех крестьянских коров ключа, 23% овец и 26,6% свиней.

В Бобруйском старостве в 1765 г. было 194 чиншевых хозяйства (21%); 45 хозяйств, или 23,2%, не имели рабочего скота; 56 хозяйств, или 28,9%, — 1 коня и до 2 волов; 40 хозяйств, или 20,6%, имели 3—4 коней, 5 и больше коней имели 14 хозяйств, или 7,2%. Все хозяйства имели 210 коней и 252 вола¹.

Общее впечатление таково, что чиншевые крестьяне экономически сильнее тяглых. Но сравнение в приведенной выше таблице по тому же Брожацкому ключу приводит к выводу, что крайние полюсы у чиншевых крестьян выражены куда сильнее, чем у тяглых. Показатели 1797 г. могут создать впечатление значительного улучшения положения чиншевых крестьян по сравнению с 1765 г. Но это скорее видимость, действительное улучшение коснулось немногих хозяйств. Дело в том, что процент хозяйств без скота уменьшился не потому, что они улучшили свое положение и перешли в категорию одноупряжных. Нет. Из-за бедности они оказались не в силах платить чинш. С них можно было получить только труд, и их перевели в тяглые. Количество однолошадных увеличилось преимущественно за счет обеднения пароконных, процент которых с 24,2 в 1765 г. упал до 9,8 в 1797 г. На чиншах все более могли удерживаться преимущественно зажиточные крестьяне.

Как видим, феодальное общество далеко не было той идиллией, какой его иногда рисует особенно шляхетская историография. Происходило общее обеднение населения, при котором однако формировалась богатая верхушка и деревенская беднота.

Этот процесс стал особенно заметен во второй половине XVIII в., но начался он давно. В. И. Ленин писал: «... еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расшире-

¹ К. Кернажицкі, Аграрная реформа у Бабруйскім старостве і эканамічныя становішчы яго насельніцтва з XVII да пал. XIX ст. Мінск, 1931, стр. 138.

нии самостоятельности зависимых крестьян появляются уже зачатки их разложения, но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте...*»¹. В другой своей работе В. И. Ленин, критикуя народников, писал: «Во-первых, мы знаем, что капитализм сам создает нищету еще раньше той стадии его развития, когда производство принимает фабричную форму, раньше того как машины создают избыточное население; во вторых, и предшествующая капитализму форма общественного устройства — феодальная, крепостническая, сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму»².

Сельская администрация — войты имели повинностные льготы. Они обычно свободны от барщины и платят чинш³ наравне с земьянами. Снижались также повинности и десятникам⁴.

Для полноты знакомства со староствами второй половины XVIII в. даю структуру их доходных статей⁵:

Название староства	Весь доход староства (в зл.)	% от чинша и десятинных податей	% от натуральных податей	% от разн. аренд (корчем, мельнич.)	% от собственных дворовых хозяйств
Рындинское	1391		49,6	50,4	мизерный
В.-Дворский ключ	7485	49,2	11,6	13,8	25,4
Ракантишское	9108	49,5	очень незначит.	27,4	23,1
Дудское	13567	39,2	9,8	28,8	22,2
Якунское	6656	51,5	7,6	18,7	22,2
Заснудское войт.	15089	50,1	3,1	25,4	21,4
Ревятичи	7527	14,7	7,8	26,4	51,1
Баленовитское	5259	34,6	44,0	21,4	мизерн.
Брожацкий ключ	3076	26,5	5,4	37,5	30,62

Доходные статьи в основном те же, что и в столовых экономиях. Основной доход — денежные и натуральные поступления от крестьян — 40—60%. Далее следует доход от аренд корчем, мельниц и т. п. — 18—28%. Он ниже, чем в экономиях. И примерно столько же составляли доходы от собственного дворового хозяйства.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 143.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 1. Экономическое содержание народничества, стр. 434.

³ АВК, XXXV, 537.

⁴ АВК, XXXVIII, 339.

⁵ К. Кернажыцкі, Гаспадарка старостаў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтваў у другой пал. XVIII ст., стр. 89 и Брожацкі ключ 1639—1810 гг., стр. 194.

⁶ В т. ч. 20% от гонки дегтя и лишь 10% от пашни.

В пестроте показателей таблицы можно заметить и некоторую историко-географическую подоснову. Наиболее мизерные доходы с фольварков поступали в Восточной Белоруссии (Рындинское и Баленовитское староства). Здесь основной доход феодал получал от эксплуатации крестьянского труда в крестьянском же хозяйстве. Наоборот, в Бугско-Неманском бассейне (Ревятичи) феодал эксплуатирует крестьянский труд на своем фольварке.

Основной источник феодальных доходов в XV—XVI вв. — рента натурой — явно иссякает. Ее вытеснили возникшие в процессе развития товарно-денежных отношений доходы от разных денежных платежей и фольварочного хозяйства. Нельзя пройти мимо доходов от аренды корчем и мельниц. Этот источник носил сугубо феодальный характер. Феодал, эксплуатируя свои сословные привилегии, принуждает крестьян молотить зерно только на его мельнице и пить спиртное лишь в его корчме.

Если принять во внимание ту огромную массу крестьянских рабочих дней, которая отрывалась для ведения фольварка, то приходится признать эффект более чем скромным. Это результат низкой продуктивности труда крепостного барщинного крестьянина, примитивной агротехники, развитие которой упиралось в незаинтересованность непосредственного производителя и в неумение и нежелание самого господина заниматься ею. Урожай второй половины XVIII в. в фольварочных хозяйствах выше, чем в первой половине XVIII в., но они еще только достигли уровня XVI в. Это заставляло задуматься, толкало феодалов на поиски выхода из создавшегося положения, в частности, переводить крестьян на чинш и расширять применение наемного труда в фольварочном хозяйстве.

§ 2. КРЕСТЬЯНЕ-СЛУГИ. КУТНИКИ

Наступление на крестьян, усилившееся с середины XVIII в. в связи с ростом фольварочного хозяйства, нашло в староствах свое выражение и в ухудшении положения небольших остатков крестьян-слуг, почти исключительно военных. Их военные услуги уже в значительной мере сделались анахронизмом, а их курьерская служба — слишком дорогой. В то же время их довольно значительные еще надель представляли немалую ценность. С них можно было бы получить и дани, и работу для фольварка. Эти соображения толкали владельцев староств к ликвидации и к переводу оставшихся слуг в тяглые.

В государственном поместье Липнишки, переданном в 1670 г. вместе с Геранонами на содержание литовской артиллерии, согласно инвентарю 1768 г.¹, видим следующую картину: бояре (бывшие путные) сверх основной повинности, курьерской службы, обязаны работать 12 дней на покосе, возить на своих лошадях навоз с корчемных дворов на фольварочные поля, вывозить из лесу строительный материал для двора, давать по 2 подводы до Вильно. Надел их составлял 1 волоку.

Здесь же жили «земяне» панцырные, которые не были обязаны выполнять тяглые повинности, а должны были всегда быть готовыми к защите границ староства. Для этого они должны иметь коня, седло, мундир, саблю, пистолеты и карабин.

«Земяне» путные должны были иметь то же вооружение, что и панцырные. Ездили они в самые дальние дороги и по очереди дежурили во дворе в бытность здесь комиссаров. Они также ловили дезертиров-артиллеристов, летом были досмотрщиками над работниками, ездили на экзекуцию государственных податей и, наконец, давали солому для покрытия корчем.

Из инвентаря нельзя точно установить, что это за «земяне». Возможно, служилая шляхта. Скорее же всего, это бывшие бояре, названные так в отличие от других бояр, уже обязанных к тому времени нести тяглые повинности. Подобно тому, как в столовых имениях, «земянами» звали бывших слуг, сидевших на голом чинше.

Несколько особым было положение слуг в Ретавском старостве, которое держала Огинская. Инвентарь его в 1784 г.² показывает лишь три группы сельского населения — шляхту, земян и бояр, объединенных общим названием «селяне». Шляхта представляет собой единичное явление в войтовствах, именуется панам, живет в селах вместе с боярами и платит наравне с ними чинш.

Земяне занимают целое отдельное войтовство — «земянское» в составе 13 сел, в которых было 73 двора. Что это за земяне? На этот вопрос дает ответ «устава», приложенная к инвентарю. Привожу ее основные положения:

1. Земяне сидят на хозяйствах разного размера (он нигде не указан), а потому, в силу «добровольного соглашения», и чинш платят разный «золотом голландским небракованным».

2. Никаких иных повинностей они не выполняют, кроме их давней уставной повинности — службы конем: а) ездят по

¹ ВЦГАДА, кн. 3820, 1—56.

² АВК, XXV, № 11.

очереди с листами скарба; б) в полном вооружении становятся «на защиту границ своих, рискуя в противном случае потерей имения землянского»; в) по два дежурят в качестве ординарцев в ретавской резиденции в случае приезда туда старосты или комиссаров; г) ездят по волости для выколачивания недоимок с населения; д) дежурят в местечке во время базаров и праздников в количестве 20 человек в полной боевой готовности под командой хорунжего для наведения порядка и успокоения населения.

3. Для того, чтобы титул их землянский «не был впустую», гласит устава, они должны от бояр отличаться благовоспитанностью и внешним видом. Для этого их хозяйство, усадьба и постройки должны быть не только в полном порядке, но богато и красиво выглядеть. Они должны иметь коня стоимостью не менее 20 талеров, полную форменную экипировку и вооружение. Если же кто-либо из них этого не имел или был неисправен в платежах и службе, а к тому же еще разрешал себе заниматься пьянством, воровством, торговлей, барышничеством лошадьми, «отчего больше всего падают» и скатывался к убожеству, то такового землянина «двор ретевский должен превратить в боярина; богатого же хозяина, могущего иметь все положенное землянину... на его место немедленно поставить и назначить землянином, ибо всегда добродетель возвышает, а порок унижает человека»¹.

4. Если кто из землян нарушал распоряжения двора или не слушался дворовых официалистов, «что часто с ними бывает», то такого в первый и второй раз наказывать палкой, в третий раз садить на несколько часов на острую татарскую кобылу, если же и это не исправит землянина, то, наказав такого плетью, «обратить в боярина или изгнать из домовства»².

Эта устава о землянах совершенно ясно показывает, что перед нами не земляне-шляхта, а крестьяне, возможно, бывшие бояре-слуги, богатые, имевшие крепкие хозяйства и несущие специальную, преимущественно полицейскую, службу. В этой мысли нас убеждает и инвентарь этого староства за 1563—85 гг.³ Судя по нему, никаких землян-шляхты тогда в этих селах не было. Это земляне типа Липнишек и столовых поместий, которых феодалы хотели сделать своим орудием в борьбе с неповиновением местного населения и которых они искусственно воспитывали и противопоставляли широким массам. Подобную картину мы встречаем и в частновладель-

¹ АВК, XXV, 539.

² Там же.

³ Там же, № 8.

Экономическое положение земель

Староство	Группа по раб-чому скоту	Дымы			Семья			Земля осадная		
		количество	% ко всем землям	% ко всем дымам староства	количество душ	% ко всем землям	% ко всем дымам в старостве	волоки	% ко всем землям	% ко всей земле осадн. староства
Дудское	без раб. скота	2	9,5		11	6,8		0,33	3,1	
	1—2	15	71,1		113	69,8		7,71	81,9	
	3—4	4	19,1		38	23,4		1,41	15	
Якунское	всего	21	100	11,8	162		13,1	9,45		11,3
	без раб. скота	3	5,9		13	4,3		2,6	7,3	
	1—2	28	54,8		159	52,8		18,3	53	
	3—4	16	31,4		98	32,6		10	29	
	5 и более	4	7,8		31	10,3		3,7	10,7	
всего		51	100	72,2	301		68,9	34,6		71,1

ческих поместьях. Так, в Шклове бояре, носившие это имя еще в XVII в., в середине XVIII в. уже именуются «земянами»¹.

Чинш ретавских земель был довольно высокий и колебался в зависимости от размера хозяйства от 11,5 до 3,5 «червоных злотых»². Хозяйства у них были большие. Если считать, что количество волок в селах, как обычно, сохранялось то же, что и 200 лет назад, то получим, что земянские хозяйства равнялись 1—2,5 волоки. Например, в с. Дегучай в 1565 г. было 7 волок, а в 1784 г. здесь три земянских хозяйства, уплачивающих чинш от 10,5 до 11,5 червоных злотых³. Они, как и люди «простого стану», платили подымное, а также уплачивали за «вольность» от тяглых повинностей.

Инвентари других староств не так ясно рисуют положение земель в них, но все же дают возможность представить экономическое и повинностное их состояние. Остановлюсь на двух староствах Виленского воеводства — Дудском и Якунском⁴.

¹ I. Baranowski, *Wieś i folwark*, s. 262.

² «Червоный злотый» исчислялся голландской валютой, в нем считали 16 зл. 22,5 гр. (ABK, XXV, 537), или, как сказано в другом месте, — 16 зл. 6 гр. (там же, 539—540).

³ ABK, XXV, 386, 521.

⁴ ABK, XXXV, 546 и 564. См. Кернажишкі, Гаспадарка старостау на Беларусі і экономічны стан іх насельніцтвау и др. пал. XVIII ст., II, § 2.

Таблица 5

Земля приемная			Сенокосные морги			Рабочий скот			Пчелы		
волоки	% к земл.	% ко всем осм. приемн. в стар.	кол.	% к земл. морг.	% ко всем морг. стар.	голов	% к зем.	% ко всему раз. скоту в стар.	ульев на гр.	% к зем.	% ко всем пчелам в стар.
0,25	3,2										
6,21	79,7		6,75	37,5		26	68,4		33	56	
1,33	17,1		11,25	62,5		12	31,6		17	44	
7,79		14,8	18		7	38		11,3	50		17,6
						50	42		1	1,6	
						48	40,3		12	19	
						21	17,7		18	28,6	
									32	50,8	
—						119		73,5	63		49,2

(см. таблицу 5). Как видно из таблицы, земляне этих староств в среднем сколько-либо значительно не отличались от остального населения ни размером семейств, ни земельным обеспечением, ни количеством рабочего скота, разве что пчел было больше, но все же выглядели они несколько зажиточнее.

Их повинности в Дудском старостве с 0,5 волоки: чинш — 30 зл., грошевое (писчее) — 30 гр., во время летних гвалтов — досмотр за рабочими, на прясть 4 тальки льна¹.

В Якунском старостве с 0,5 волоки: чинш — 40 зл., грошевое — 40 гр., за право вольной продажи — 3 зл., 10 фунтов льна, 1 курица, 10 яиц, 3 толоки летом на своем хлебе, 4 дня с подводой или косой, вместе с волостью чинить дороги, мосты, плотины². С пчел давали половину меду³. Подымное в обоих староствах платили по 7 зл. 2 $\frac{1}{3}$ гр. с дыма.

Повинность землян: «ездить с листьями» — в разных староствах была различна. В Дудском старостве не указано, сколько раз в год. В Якунском — 2 раза в год до Вильно⁴. В Высокодворском — 4 раза в год за 20 миль⁵.

¹ АВК, XXXV, 560.

² Там же, 562, 571.

³ Там же, 560.

⁴ Там же, 571.

⁵ Там же, 120.

Прежде чем перейти к общим выводам о землях, остановлюсь еще на нескольких имениях (в т. ч. церковных и частновладельческих), где жили земляне и где положение их наряду с многими общими чертами имело и некоторое своеобразие.

В Высоком Дворе земляне сидели на голом чинше по 30 зл. с волоки и столько же платили грошового (их надел колебался от $\frac{1}{4}$ до 1 волоки). Кроме этого, «в дорогу с листьями за 20 миль (160 км) четыре раза в год должны ездить»¹ и больше ничего.

В Германишках (столовое имение Виленского епископа) по инвентарю 1790 г.² земляне сидели на волоках (3 землянина имели по 4 волоки, а 1 еще и 12 вол. приемных), за что платили чинш в размере 60 зл., давали дякло (8 осьмин овса, 10 возов сена), 1 гуся, 2 курицы, 20 яиц, 1 подводу до Вильно и в случае надобности должны были ездить с листьями.

Подобное положение землян было и в частновладельческом имении Солтана — Веселый Двор³ в 1785 г. Они также были вооружены за свой счет и обязаны являться по первому зову на защиту границ имения в случае наезда соседей и также в посполитое рушение. Сверх этого они ходили в подводы за 20—30 миль, ремонтировали плотины, мельницы, мосты, корчмы.

В том случае, если землянин, не имея коня, будет злостно уклоняться от его покупки, то он будет переведен в тяглые.

Должен отметить, что это редкий случай, когда в положении о землянах говорится совершенно определенно, что они обязаны являться во время войны в посполитое рушение. Однако это не является признаком их шляхетства. В XVI в. на войну ходили все слуги, а панцырные бояре выполняли эту функцию и в XVIII в. В данном случае перед нами частновладельческое имение, хозяин которого обязан сам выходить на войну и выставлять с каждых 10 волок вооруженного всадника. Для этого он и держал крестьян-землян. Нетрудно видеть, что владелец весьма дешево отделялся от своей основной государственной повинности.

К каким же выводам можно прийти на основании знакомства с положением землян в вышеприведенных имениях? Основная повинность их — это повинность бывших путных бояр. Так их иногда называют и инвентари — бояре «листовные»⁴. Однако повинность их значительно увеличилась при уменьшившемся земельном держании и обросла рядом дру-

¹ АВК, т. XXXV, стр. 120.

² АВК, т. XXXVIII, № 9.

³ АВК, т. XXXV, № 80.

⁴ АВК, т. XXXV, 560.

гих повинностей. Основная тяжесть, примерно 75%, ложилась на чинш.

Раньше путный боярин лишь тогда платил чинш, когда не ехал в дорогу. «Землянин» же второй половины XVIII в. отбывает обе повинности.

Общее отягощение земян в среднем по Виленскому воеводству по подсчетам Вечорека¹ составляет 85 зл. с волокн. Эту цифру, безусловно, надо считать приуменьшенной. В нее не вошли государственные налоги, служба с листами и ряд мелких повинностей. В конкретно приведенных им случаях отягощение земян колебалось от 92 до 137 зл. с волокн без государственных повинностей². Все же земяне принадлежали к наиболее зажиточной части крестьян, ибо по сравнению с тяглыми были менее обременены повинностями, к тому же не несли барщины, стеснявшей хозяйственную инициативу.

Стабильность положения земян была весьма относительной и зависела от владельца поместья. Так, в старостве Высокий Двор земян села Шатерники перевели в бояр и в связи с этим их «ездку с листами» заменили хождением в подводы, а в Веселом Дворе землевладелец пригрозил неисправным земянам переводом их в тяглые, барщинные крестьяне³. Это говорит о том, что никакого особого правового положения земяне не имели.

Перейдем к рассмотрению положения бояр в старостах. Обратимся к Ретавскому староству, где они составляли основную массу населения. Устава этого староства о них говорит:

1. «Бояре или служебные... платят чинш, согласно добровольному соглашению в зависимости от размера оседлости... золотом голландским...»⁴.

2. Они и повинности должны выполнять «согласно давним уставам: два сторожа годовых во двор ретавский для услуг и отопления, а также тиуна, хозяйку и девку нанимать от себя, давать им деньги, ординарию (содержание натурой) и одежду всей волостью».

3. Эти бояре убирают дворовые сенокосы в размере около 250 возов сена и обрабатывают, засевают, убирают дворовые огороды в количестве 6. Поскольку на огородах сеялся и хлеб, то и его они должны обмолотить и зерно очистить.

4. Бояре обязаны давать подводы, сколько и куда требуется двору, например, в Либаву, Клайпеду, Тильзит, Ригу,

¹ W. Wiczorek, *Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w.*, s. 103.

² Там же, Вечорек на стр. 82 утверждает, что один чинш составлял у земян 50—120 зл., увеличиваясь в отдельных случаях до 192 зл. с волокн.

³ АВК, XXXV, 484.

⁴ АВК, XXV, 539.

Вильно и т. п. для доставки разных товаров, вина, железа, соли и т. п.

5. Бояре всей волостью повинны ежегодно доставлять во двор «согласно давних устав» дерево и дрова, а для «фабрик» заготовить, напилить и доставить 600 досок. Если эти материалы двору не понадобятся, то крестьяне уплачивают двору за них червонными злотыми. Бояре обязаны давать двору в меру потребности леньковую нитку для неводов. Как и все остальное население староства, бояре обязаны чинить дороги и мосты.

Повинности бояр описаны довольно конкретно, но без указания в ряде случаев количества денег или времени, которое потребуется для оплаты повинности или ее выполнения. Это делает невозможным точное вычисление их отягощения в деньгах.

Судя по повинностям, нетрудно убедиться, что перед нами самые обыкновенные крепостные крестьяне, но сидящие за отсутствием фольварка на голом чинше с сохранением ряда старых уставных повинностей натурой.

Всего в старостве из 615 сельских дворов 538, т. е. 87% — боярских.

Держания бояр в этом старостве по сравнению с обычными крестьянскими, даже в столовых экономах (0,5 вол.) могут быть названы большими. Если считать, что земельный фонд в селах даже не прибавился, а сохранился неизменным с XVI в., то получится, что боярские хозяйства имели в среднем около 1 волюки. В с. Лабарджай по инвентарю 1565 г. было 26 волок хорошей земли, а по инвентарю 1784 г. — 21 хозяйство, из которых 19 платили чинш в размере 7 зл. червонных и 10 зл. обычных¹. Соответственно в с. Стумбрай — 15 волок земли среднего качества и 8 хозяйств, платящих по 10—12 червонных зл.² В с. Гиренай — 20 волок хорошей земли и 16 хозяйств, плативших от 3 до 12 червонных зл.³, и т. д. Бояре, как и земляне, но в значительно меньшем размере, уплачивают «за вольность от повинностей» (тяглых), а также подымное по 5 зл. 5 гр. польских, что при двух взносах в год составит — 10 зл. 10 гр.

Положение бояр в других староствах отличается своим разнообразием. Остановлюсь на тех из них, в которых процент бояр был наиболее высоким: В.-Дворском, Дудском, Ракан-тишском⁴ (см. таблицу 6).

¹ АВК, XXV, 393, 509.

² Там же, 395, 511.

³ Там же, 397, 511.

⁴ АВК, XXXV, 117, 560; XXXVIII, 374. См. Кернажицкі, Гаспадарка, гл. II, § 2.

Бояре здесь, как и земяне, не отличались сколько-нибудь значительно от остального населения староств ни размером семьи, ни размером надела, ни количеством скота.

Боярство представляет значительно более крупную группу, чем земяне. По своему экономическому положению они несколько беднее земян.

В Ракантишском старостве бояре — основное население. Их хозяйства, не считая кутников, составляют 52% от общего количества дворов. Они держат 60% всего скота. К сожалению, инвентарь не дает возможности установить их землеобеспеченность. Она, видимо, тоже была выше обычной в старостве, иначе им не понадобилось бы такое количество рабочего скота. Об этом же говорит еще одна ценная и редкая деталь инвентаря — данные о наемной рабочей силе в боярском хозяйстве. Если отбросить 15 хозяйств, имевших до 2 голов рабочего скота и державших лишь 2 батраков, то увидим, что 31 хозяйство бояр этого староства держало 38 батраков, т. е. несколько хозяйств имели по 2 батрака. В действительности бывало еще больше. Так у Мадея Субоча в с. Зедели было 2 наемных паробка и 2 девушки¹.

Повинности бояр в указанных выше староствах выглядели так: чинш с 0,5 вол. оседлой в В. Дворе — 25 зл., а с «приемной» — в зависимости от качества почвы. В Дудском старостве чинш составлял 30 зл. независимо от качества земли. Везде платили грошовое или писчее по 1 гр. с каждого золотого и «полесное» за пользование лесом. Летом бояре ходили на гвалты. В Дудском — 4 дня в год, в Ракантишском и в В. Дворском — по 12 дней. Ходили в подводу. В Дудском — 4 раза до Вильно. В Ракантишском и В. Дворском — платили деньгами «подорожчину».

Вместе с другим населением бояре чинили дороги, мосты, плотины. В других староствах приближение бояр к тяглым крестьянам было еще большим. Так в Якунском ст. бояре отбывали с 0,5 вол. 2-дневную барщину, а летом она увеличивалась до 3 дней в неделю². Двухдневную барщину отбывали бояре и в староствах Кревском, Ошмянском и Трабском.

Таким образом, бояре — обычные крестьяне, зависимые от своих господ, иногда отличавшиеся лишь характером своих повинностей. Ничего общего у них с панцырными и путными боярами XVI в. нет. Эта категория населения теперь уже носит название «земяне». Инвентарь Дудского ст. так их и величает: «земяне или бояре листовные». К такой же оценке бояр

¹ АВК. XXXVIII, 374.

² АВК. XXV, 126.

Экономическое положение бояр

Старство	Группы по раб. скоту	Дым			Семьи			Земля осадная		
		кол.	% ко всем бояр.	% ко всем дымам старост.	кол. мужч.	% к бояр. душ. муж. в стар.	% ко всем душ. муж. в старост.	волоки	% ко всем бояр.	% ко всем земл. осадн. в стар.
В.-Дворск. кл.	без раб. ск.	4	5		5	3,1		1,06	3,9	
	1—2	45	57		88	54,3		14,25	52,8	
	3—4	30	38		69	42,6		11,66	43,3	
Дудское	всего без раб. скота	79		38,2	162		34,1	26,97		32,5
	1—2	2	3,2		9	2,2		0,66	2,4	
	3—4	46	74,3		282	68,4		20,75	73,7	
	5 и бол.	13	21		109	26,4		6,45	22,8	
		1	1,5		12	3		0,5	1,1	
Ракантишское	всего	62		34,8	412		33,3	28,3		33,3
	1—2	15	32,7		89	28,8				
	3—4	20	43,5		130	42,1				
	5 и бол.	11	23,8		90	29,1				
всего		46		40,7	309		44,4			

второй половины XVIII в. склонен и Турцевич, изучавший их положение на основании инвентарей этого времени¹.

Сравнение повинностей землян и бояр по соответствующим старостам показывает, что они были в основном одинаковы. Правда, у бояр они несколько более тяжелы и обременены тяглыми. Вместо развозки листов бояре ходили в подводу. В том же размере, что и земляне, они платили подымщину. Вечорек² исчисляет повинности бояр по Виленскому воеводству в 100 зл. с волокни, в т. ч. чинш — 64 зл., работа — 32 зл. и дани — 4 зл. Эта сумма занижена, ибо исчислена без государственных повинностей, а в таком случае и денежная часть в отягощении тоже подымается.

Как видим, бояре, с точки зрения повинностей, занимали промежуточное положение между землянами и тяглыми крестьянами. Первые, как правило, не выполняли повинно-

¹ АВК. XXIX. Предисловие.

² Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w., Poznań, 1930, s. 103.

Таблица 6

Земля приемная			Сенокосные морги			Раб. скот			Пчелы		
пол.	% к бояр.	% ко всем земл. приемн. в стар.	кол.	% к бояр.	% ко всем морг. стар.	голов.	% к бояр.	% ко всему раб. скоту в стар.	ульев на груп.	% к бояр.	% ко всем пчел. в стар.
—	—		1,5	3,9		—	—		—	—	
0,37	27		25,5	67,1		84	46,6		34	37,4	
1	73		11	29		96	53,4		57	62,7	
1,37		17,8	38		37,5	180		38,8	91		73,4
0,33	2,3		3	2,7					4	4,2	
0,12	69,2		76,7	69,1		74	60,1		48	50,5	
3,84	26,2		30	27		44	35,8		43	45,3	
0,33	2,3		1,25	1,2		5	4,1		—	—	
14,6		27,4	111		43,6	123		36,5	95		33,5
						28	17,9		2	5	
						70	44,9		23	57,5	
						58	37,2		15	37,5	
						156		60,2	40		54,8

стей работой, бояре же, хотя и выполняли их, все же, за редким исключением, не были обязаны нести такую барщину, как тяглые крестьяне. В инвентаре имения Ракантишки по этому поводу прямо сказано: «Бояре, которые на барщину не ходят...»¹. В конкретных же случаях бояре по своему положению приближались то к землянам, то к тяглым крестьянам.

Устава Ретавского староства, как и инвентари других староств, дает основание для выяснения положения новой категории сельского населения: земляне и бояре.

Во второй половине XVIII в. крестьянин, обязанный выполнять тяглые повинности, носил название «хлоп». В отличие от него, крестьян, не несущих тяглых повинностей, а уплачивающих почти за все повинности чинш, стали в ряде случаев в государственных имениях называть боярами. Именно они, бояре-слуги, в отличие от обычных крестьян, в те годы, когда не несли службу, платили за все повинности только деньгами. Это была их привилегия, об этом ясно говорят соответствующие статьи Устава 1557 г.

¹ АВК, т. XXXV, стр. 132.

В свою очередь крестьяне, занимавшие служебное положение бывших бояр панцырных, путных, служек и несшие соответствующие повинности, нуждались в новом названии, уже отличном от бояр и более высоком. Им было дано название мелкой шляхты XVI века — земяне. Последняя в XVIII в. называла себя шляхтой. Совершенно не исключено, что потомки разных групп служилого крестьянства XVI в. (бояре панцырные и путные, служки, ловчие, псарцы и т. п.) в XVIII в. существуют под разными названиями — «земяне» и «бояре», но без сомнения, что в эти группы попало немало и просто чиншевых крестьян. Имел место и обратный процесс, когда потомки крестьян-слуг в XVIII в. были обычными чиншевыми, а то и тяглыми крестьянами.

Знакомство с «земянами» и «боярами» в государственных поместьях приводит, мне кажется, к выводу, противоположному тому, который сделан М. В. Довнар-Запольским относительно этой категории крестьян. Он пишет: «Земяне, бояре сидят исключительно на «приемных» или «куничных» землях, ибо они панщины не отбывают»¹. Во-первых, земли этих крестьян были не только «приемные», а и оседлые; а барщины они не несут не потому, что они земяне и бояре в смысле Устава 1557 г., как их понимает Довнар-Запольский, а потому, что они чиншевые и выполняют специальные службы.

Нельзя согласиться с Довнар-Запольским и в другом отношении. Он пишет о боярах-земянах: «Это были арендаторы»². Однако он ничем не подтверждает свой тезис. Они были крепостные крестьяне и менять свое положение были не вольны. Это мог делать и делал их господин. Какие они были арендаторы? Наследственные, срочные? Условия их держания — милость господина, которая, как это показано на примере Ретавского староства и будет проиллюстрировано на примере Слонимского, не говоря уже о частных поместьях, всегда могла измениться.

Неосновательно также утверждение Довнар-Запольского о том, что разница между крестьянами, с одной стороны, и земянами-боярам, с другой, есть разница «правовая»³. Автор снова ничем не подтверждает своего мнения. Поскольку вышеприведенные земяне не были земяне-шляхта XVI в., то к ним не прилагались статьи Литовского Статута о последних. Что же касается бояр, то их правовое положение даже в XVI в. ничтожно отличалось от правового положения обычных крестьян, а в XVIII в. и подавно. По крайней мере, так было в западных

¹ М. В. Довнар-Запольский, Соц.-экон. структура литовско-белорусской державы в XVII—XVIII вв., стр. 24.

² Там же, стр. 31.

³ Там же.

воеводствах Великого Княжества Литовского. Земьяне — не шляхта. Если бы это было так, то двору незачем было бы выделять ее в отдельную от землян группу сельского населения. Возле шляхтичей в инвентаре везде стоит «пан», «его-мость». О землянах и боярах в частных имениях рассказывает в гл. 3.

Ретавский инвентарь интересен и тем, что он ярко показывает, что в тех поместьях, где не было фольварка, крестьянские наделы больше обычных. Это объясняется не только тем, что крестьянские держания увеличивались за счет фольварочных земель, но также и тем, что отсутствие фольварка означало отсутствие фактора, стимулирующего дробление и обезземеливание крестьянского двора. Когда здесь была ликвидирована дворовая пашня, сказать трудно. В инвентаре 1565 г. она не упоминается, и все население сидит на чинше и даях зерном. Но устава инвентаря 1784 г. говорит совершенно ясно: «Поскольку пашня дворовая ликвидирована», то население обязано собирать известное количество продуктов питания и денег на содержание наместника и его администрации, а также своими силами заготавливать и вывозить лесоматериалы для ремонта и строительства дворовых зданий.

Последние два мероприятия являются аналогичными с такими же в королевских экономиях после их перевода на голый чинш. Упоминание о том, что в 1640 г. для Ретавского староства был составлен новый инвентарь, дает основание думать, что ликвидация дворовой запашки была произведена одновременно и в лежащей рядом Шяуляйской экономии.

Население Ретавского староства могло продавать свои товары (лен, пеньку, семя льняное и конопляное, зерно, скот, мед, воск, кожи, сало) лишь в 2 своих местечках. Продавать дома запрещалось. Если население везло свой товар в порты Либаву или Клайпеду, то уплачивало в своем местечке торговый сбор¹. Спиртные напитки население покупает лишь в своих корчмах, как и мелет зерно в старостинских мельницах. Гнать водку и варить пиво разрешается только на свадьбу.

За аренду земли подданным других панов население наказывалось публично в местечке на базаре². Так же наказывали и тех, кто вместе с землянами не оборонял границ своего староства от захватов соседей.

Населению запрещалось принимать в дом без ведома администрации кутников или перебежчиков через прусскую границу.

¹ АВК, XXV, 541—542.

² Там же, 543.

На покрытие долгов селянин мог продать свое движимое имущество. Если этого оказывалось мало и необходимо было продать дом и постройки, то половина вырученной суммы шла двору.

Население Ретавского староства не исчерпывалось приведенными выше группами. Здесь была еще одна довольно многочисленная группа — кутники или коморники. Всего их числилось в старостве 189 единиц, в т. ч. самостоятельные одиночки и целые семьи. Это кутники, живущие исключительно в селах. Путем сличения фамилий (инвентарь показывает, кто и в какой деревне живет) кутников и местного населения можно прийти к выводу, что это не разорившиеся односельчане, а пришлые люди. Эту мысль подтверждает и Устава волости (§ 9), где сказано, что «... подать с кутников не может считаться постоянной, ибо они с этих добр могут разойтись и жить в других местах и тогда они уже не будут обязаны платить, а только те, которые в этих добрах останутся жить»¹.

Можно думать, что они люди вольные если и не юридически, то фактически². К этой категории отнесено то население, которое не держало землю на положении крестьян, но выполняло такие же повинности. Среди них, например, числятся Јепега³ или же возный — судейский чин.

Платили кутники Ретавскому двору «... оседлое согласно обычаю в других добрах»⁴ в зависимости от своего материального положения. Взимание оседлого было мотивировано тем, что кутники имели «... пользу и выгоду с земель и лесов скарбовых, корм для своего стада»⁵.

Делились они для уплаты оседлого на три разряда, а именно: а) «... не имеющие никакого имущества и живущие только с этой волости платят ежегодно чинш в размере 4 зл. пол. или полталера»⁶. Таких было меньше всего — 39 единиц, или 20,6% от всех кутников. Квалифицировались они двором как «убогие»;

б) «... которые же имеют коров и мелкий скот, платят по 1 битому талеру»⁷. Они квалифицировались как средние. Их было 66 единиц, или 34,9%;

в) «... которые имеют коней и разный скот, платят по 1 черв. зл.»⁸ Их было больше всего — 84 единицы, или 54,5%. Квалифицируются они как «богатые».

¹ АВК, XXV, 548.

² О кутниках в поместье Ятвеж в инвентаре 1774 г. сказано: «вольные люди, без домов, служат».

³ АВК, XXV, 530.

⁴ Там же, 548.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Эта имущественная разбивка говорит о том, что перед нами далеко не абсолютная голота, по крайней мере большинство ее. Мы можем с уверенностью сказать, что известная часть этой категории населения, возможно даже значительная, снимала помещения у местного населения и занималась ремеслом или жила наймом у богатых земян, бояр и корчмарей. В ряде случаев на это имеются прямые указания в инвентаре¹.

Население здесь, как было показано выше, имело сравнительно большие земельные держания, в среднем около волоки. Семьи же, как правило, были простые — 5—6 человек. В ряде случаев вдова или малолетние на хозяйстве, а также богатые малосемейные нуждались в дополнительной рабочей силе. Относительной зажиточностью местного населения можно, в известной степени, объяснить большое количество кутников вообще. Они составляли 30% по отношению к крестьянским хозяйствам. Многие из них, которые имели лошадей и коров, как это встречается и в других поместьях, арендовали морги земли у зажиточных крестьян, выращивали скот на продажу, занимались ремеслом, выжигом угля, смолокурением, разработкой леса, работой на предприятиях. Большое количество кутников в Ретавском старостве объясняется в известной мере и его пограничным положением с Пруссией, откуда, как указывает сама устава, часто бывали перебежчики — пруссы.

¹ АВК, XXV, 529.

Глава III

КРЕСТЬЯНЕ ЧАСТНОВАЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПОМЕСТИЙ. ПОПЫТКИ РЕФОРМ

§ 1. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

По своей структуре частновладельческие имения весьма похожи на староства. Пожалуй, в них еще больше фольварков и разных подсобных заведений и предприятий, чем в последних. Например, в Межавском имении графа Потемкина в 1793 г. было до 1000 четвертей посевов, 416 коров (с молодняком), 500 голов мелкого скота и около 900 штук птицы¹. В имении Сапег Мышь (17 сел) было 9 фольварков со 130 волоками пахотной земли. Здесь, кроме всякой другой скотины и птицы, содержалось 78 коров, приносявших ежегодно около 700 зл. дохода. В Быховском графстве (42 села) было 6 фольварков с 400 волоками разных угодий². В графстве Смядынском животноводство было очень развито. В его 6 дворах содержалось 443 головы рабочего скота и 235 овец и коз³. Все это магнатские имения, а мелкопоместная шляхта жила намного скромней: коров 6—7, овец 10—20, а коз и того меньше⁴.

В частновладельческих поместьях, наиболее многочисленных по сравнению с государственными и церковными, новое наступление на крестьян началось еще до середины XVIII в. Это было связано с тем, что, с одной стороны, разорение в период Северной войны здесь было слабее и владелец мог оказать и часто оказывал крестьянам некоторую помощь в деле восстановления хозяйства, а с другой стороны, — шляхтич сам вел свое хозяйство, делал это более экономично, чем слуги или арендаторы, и мог наиболее эффективно осуществлять внеэкономическое принуждение. Экспорт хлеба был невелик, но он все возрастал, кроме того, феодал, используя свои монопольные права на изготовление из хлеба спиртных напитков для спаивания населения, снова расширяет свой фольварк и увеличивает барщину.

¹ К. Кернажыцкі, Гаспадарка... стр. 44.

² I. Baranowski, Wiesz i folwark, ss. 264, 265.

³ Т. Забела, Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного сельства у другой пал. XVIII ст., стр. 108.

⁴ Там же, § 1.

Для рассмотрения этого процесса лучше всего остановиться на поместьях, знакомых нам по предшествующему периоду. Вот поместье Зденцелы. В 1580 году тяглые волокы здесь составляли 45%, с барщиной по 2 дня в неделю с волокы, по инвентарю 1731 г. они равны 15%, но с барщиной в 8 дней для старожилы, в 1796 г. тяглые волокы выросли до 24% с такой же барщиной¹. Подобный процесс восстановления разоренного поместного хозяйства, а с ним фольварочно-барщинной системы и увеличения налогов можно наблюдать в Дубровинском графстве. Здесь еще в 1739 году независимо от того, что приемные волокы составляли 38,8%, треть волок сдавалась крестьянам за часть урожая, а уже в 1793 г. фольварочно-барщинная система окончательно укрепились в графстве и тяглые крестьяне работали с волокы 4 дня в неделю, да еще давали 6 рублей чинша и натуральные дани².

В соседнем со Зденцелами поместье Мышь барщина даже в 1725 г. уже равнялась (для старожилы) 10 дням с волокы, а тяглые волокы составляли 37%³. Это увеличение тяглых волок шло как путем принуждения новоселы выполнять лишь тяглые повинности, так и путем превращения чиншевых держателей, в тяглые. Вот положение в типичном поместье Сапег Люшневе, лежавшем недалеко от Слонимского староства. По инвентарю 1750 г.⁴ крестьянские наделы здесь, как и в староствах, равны в подавляющем большинстве 0,5 волокы. Обеспечение скотом примерно такое же. Повинности же с волокы тяглой изнурительные: а) барщина 6 дней мужских и 6 дней женских в неделю; б) гвалты от начала сенокоса до конца жнив по потребе, как и осенью на плотинах, дорогах и мостах; в) стража недельная, как и дежурство ночное в очередь; г) подводу — в меру потребности; д) дякло — 4 шанка ржи + 4 шанка овса; е) натуры — 1 гусь, 2 курицы, 20 яиц, 120 сухих грибов, 10 горстей конопля, 2 гарница орехов, меду — половина сбора; ж) 40 грошей.

В упоминавшемся уже выше Межавском имении тяглые крестьяне с волокы работали 4 дня в неделю и 9 гвалтов, несли стражу, ходили в подводы, давали 1 курицу и 5 яиц и платили 6 рублей чинша. Куничники давали только чинш — 20 рублей с волокы и ходили на 2 гвалта да еще на ремонт корчем и мельниц. В этом имении тяглых волок было 442, а чиншевых — 701.

¹ Н. Łowmiański, Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, W., 1935, s. 64—66.

² К. Кернажыцкі, Гаспадарка..., стр. 51.

³ Н. Łowmiański, Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, s. 65.

⁴ Библиотека Львовского филиала Академии наук УССР, отделение рукописей. Архив Сапег (далее А. С.), д. № 978.

В знакомом уже нам имении Мышь, где было широко поставлено фольварочное хозяйство, барщина достигает 10 дней (6 мужских и 4 женских) с волокна в неделю. В некоторых селах, особенно удобных для фольварков, Сапеги вовсе отказались от чинша, но зато барщину довели до 16 дней с волокна¹. Кроме недельной барщины, крестьяне отбывали еще 4 толоки, ходили на гвалты и давали натуры — 4 корца ржи и 4 корца овса с волокна.

В Шкловском графстве (161 село), где фольварочное хозяйство по ряду причин не получило значительного развития, не было смысла отягощать крестьянский двор работами. Действительно барщина здесь едва достигает 10 дней в год с волокна. А так как большинство крестьян сидело на половине волокна, то им приходилось работать всего 5 дней в году, да и те можно было выкупить, заплатив по 4—10 грошей за день. Неудивительно, что при такой ничтожной повинности работой с крестьян взимали чинш от 15 до 20 злотых с волокна, да еще разных дополнительных повинностей до 10 злотых. Когда здесь в 1765 году фольварки (3) были совершенно ликвидированы, то крестьяне платили за «все» чинш в размере 33—50 злотых с волокна².

Можно предположить, что сравнительно неразорительные платежи в этом графстве были причиной относительно удовлетворительного обеспечения крестьянских полуволочных хозяйств рабочим скотом — 2—3 коня и 1—2 вола. В Быховском графстве работали по 2 дня в неделю с хаты (примерно с половины волокна), не считая стражи, подводы, толок, гвалтов и т. п. Кроме этого, они давали дань зерном, живностью, золой и драницами, да еще платили 38 злотых чинша с волокна³. Такое обременение привело к тому, что за 7 лет крестьяне недоплатили 92 тысячи злотых, а 130 крестьян сбежало.

Нетрудно видеть, что и в частновладельческих имениях Восточной Белоруссии, как это было и в староствах, господское хозяйство, а с ним и тяглое крестьянство были разорены меньше, чем в Литве и в Западной Белоруссии. Основной повинностью во многих староствах, державах (Гомельском, Чечерском, Рогачевском, Пропойском и др.) и частных имениях восточных воеводств продолжали и во второй половине XVIII века оставаться чинш и разные натуральные дани, в том числе хлебные. Это происходило потому, что песчано-болотистые земли этих мест затрудняли возможность ведения крупной запашки на крепостном труде без систематического и значительного удобрения даже при средних урожаях. Для этого

¹ I. Baranowski, *Wieś i folwark*, s. 265.

² Там же, стр. 259—260.

³ Там же, стр. 268—269.

нужно было содержать много скота, что далеко не везде было рентабельным. Мизерные урожаи в фольварках делали выгодным чинш. Рыночная конъюнктура здесь для зернового хозяйства была малоблагоприятна. Близость русской границы, за которую убегали крестьяне, и нередкий переход ее русскими войсками, сдерживали владельцев государственных имений, да и шляхту от вкладывания в них своих средств и от слишком большого нажима на крестьян. Местное население занималось лесными промыслами и отчасти выращиванием технических культур (конопля, лен) и могло вносить денежный чинш и дани зерном.

Наибольшего расцвета достигла барщина у мелкопоместных феодалов. У них часто встречаются поместья сплошь на барщине. Вторая половина XVIII века — время наибольшего увеличения барщины в этих поместьях. Г. Ловмянский приводит следующие данные о количестве чиншевых и тяглых дымов в 1790 году¹.

Территория	Дымы чиншевые		Дымы тяглые	
	Колич.	%	Колич.	%
Новогрудское воеводство	10694	22,7	36345	77,3
Вел. Кн. Литовское	90911	28,1	233145	71,9

Из таблицы видно, что почти три четверти населения, считая и мещан, ходивших на барщину, выполняло тяглые повинности. Однако, если из общего количества дымов исключить всех мещан, плативших, главным образом, чинш, то процент тяглых дымов поднялся бы еще выше как в воеводстве, так и во всем княжестве. Об этом в известной степени можно судить по Новогрудскому воеводству, где не было больших городов и почва была сравнительно лучше и где поместья принадлежали преимущественно мелкой и средней шляхте. Процент тяглых дымов в этом воеводстве выше, чем процент таких же дымов в целом по княжеству. В связи с расширением в конце XVIII и начале XIX вв. фольварочного хозяйства, а с ним и увеличением количества барщинных крестьян, приведенное выше соотношение между тяглыми и чиншевыми крестьянами на территории бывшего Великого Княжества Литовского изменилось не в пользу чиншевых. Перед реформой 1861 г. в Виленской губернии оброчных крестьян было 8%, а барщинных 92%; в Гродненской губернии соответственно 2% и 98%; в Могилевской — 3% и 97%;

¹ Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, s. 66.

в Минской — 2,6% и 97,4%¹, но в Ковенской губернии на оброке 28%, а в ее Тельшевском уезде — 97%.

Барщина в частновладельческих поместьях средней и особенно мелкой шляхты во второй половине XVIII в. составляла обычно от 8 до 12 дней с волоки² или 3—8 дней с полуволоки, из них почти половина мужских дней, а половина — женских, что же касается гвалтов, толок и женских работ, то здесь колебания были еще большие.

Крестьянское держание (дым) у магнатов в то время составляло обычно полволоки при семье 4—6 человек. Прямого соотношения между размером семьи и размером надела не было.

В те дни недели, когда со двора отбывали гвалты, толоки, сторожу, молотьбу, облаву или подводу, на недельную барщину уже, как правило, не выходили. Порядок выполнения работ, уплаты чиншей и взносов натурой был тот же, что в экономиях и староствах, а потому вновь на этом останавливаться не приходится. Нужно, пожалуй, отметить, что в частновладельческих имениях особенное развитие получили экстраординарные работы (гвалты, толоки, сгоны, уроки, шарварки, заорки, оборки, зажинки, обжинки и т. д. и т. п.). Они особенно изводили крестьян независимо от того, что некоторые из этих повинностей часто отбывались на господском хлебе и пиве. Эти работы дезорганизовывали крестьянское хозяйство, так как часто в самое горячее время забирали у него всю рабочую силу и на такое время, как это потребует господину. К этого вида работам, как правило, привлекали и чиншевых крестьян и даже земян, и бояр. То же приходится сказать и о такой повинности, как подводы. Если дальние подводы (до Кенигсберга, Либавы, Риги, Вильно, Витебска и т. п.) обычно (но не всегда) в инвентарях оговаривали точно³, то подводы для местных нужд взимались «колейно» — в очередь, сколько потребуется⁴. Тут и возка господского зерна на мельницу или солодовню (гуральню), тут и подвоз дров для сушки хлеба, льна, отопления, курения водки, наконец, за солью и другими товарами.

Если почему-либо двор не мог использовать дальние (нормированные) подводы, то крестьяне за них должны были уплачивать по установленной двором таксе.

Еще один вид повинностей получил в частновладельческих имениях большее развитие, чем в экономиях и даже староствах, — женские повинности. Этот вид повинностей почти совер-

¹ К. Кернажыцкі, Гаспарарка... стр. 45.

² АВК, XXXV, №№ 2, 5, 11, 13, 36, 52, 59, 78, 86 и др.

³ Там же, №№ 61, 53; том XXXVIII, № 20.

⁴ Там же, XXXV, № 82.

шенно отсутствовал в XVI и даже XVII вв., но по мере развития дворового хозяйства и его товарности, а также распада сложной крестьянской семьи — мужских рук двору стало не хватать. Женский труд вначале применялся на сенокосе и в жнива, но позже сюда прибавились уход за огородом, обработка льна и конопли, прядение, ткачество, беление полотен, стирка белья и т. п.

Прядение производилось в очередь в барском дворе (1 ночь в неделю зимой) или даже сдельно¹. Примерно так же отбывалась повинность ткать². Женский труд широко применялся на шарварковых работах, гвалтах и толоках.

Систематическое привлечение женщин к изнурительному барщинному труду отрицательно отражалось не только на них самих, но и на воспроизводстве населения. К тому же семья оставалась без присмотра и без необходимого обслуживания, а ряд работ в хозяйстве терпел ущерб.

Кроме крестьян тяглых и чиншевых, в частновладельческих поместьях были еще крестьяне-слуги, точнее бояре и земяне. Правда, сравнительно с государственными именьями их здесь было немного, да и те исключительно во владениях магнатов. Так, в графстве Шкловском земяне занимали 84 волоки, чаще всего по 2 волоки на хозяйство, в Быховском графстве их было 160 хозяйств, в имении Гатово земян было 16 дворов на 17 оседлых волоках, а бояр — 42 двора на 20 волоках оседлой земли³. В других же именьях их было значительно меньше. Исключения составляли лишь некоторые из них на границе с Россией.

Земяне выполняли те же повинности, что и крестьяне государственных имений. В Шкловском графстве и Гатове они платили чинш, ездили на посылки, ходили в подводу.

В Быховском графстве они служили в посполитом рушении, должны были защищать границы именья, а в мирное время проходили соответствующее учение⁴.

Хотя они и были на привилегированном положении, но все же, как и хлопы, были ограничены в свободе торговли, производства напитков, пользования мельницей и т. п. Земянки-девушки и вдовы, когда выходили замуж, платили куничное⁵. Кроме службы в посполитом рушении, земяне возили почту до Могилева, в очередь ходили за 15 миль в подводу, дежурили в графской резиденции, наконец платили чинш в размере 15 тынфов со своего типичного надела-полволоки.

¹ АВК, т. XXXV, № 5.

² Там же, №№ 7, 30.

³ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, № 168, Минск, 1960 г.

⁴ I. Baranowski, *Wież i folwark*, s. 268.

⁵ Там же.

С точки зрения экономической, быховские бояре-земляне, пишет исследователь этих графств И. Барановский, «ничем не отличались от местных хлопов... некоторые из землян не считали для себя унизительным заниматься в Быховщине и побочным ремеслом, ковальским и слесарным»¹.

Предки Шкловских и Быховских землян еще в XVII в. назывались боярами² и подобно боярам государственных имений были не шляхтой, а крестьянами.

Т. Забела склонен считать бояр и землян людьми лично свободными, имеющими право перехода, а землян — даже шляхтой³.

Но приведенные мной примеры положения землян в староствах и графствах, а тем более примеры, которые привел сам Т. Забела, не дают оснований для такого утверждения⁴.

У него земляне не только выполняют типичную боярскую службу и платят чинш, но дают натурy, ходят на толоки и сгоны, гвалты, пашут и боронят, ходят на стражу вместе с тяглыми и на общем основании с ними платят государственные подати и т. п.

В случае невыполнения боярами и землянами своих повинностей, их наравне со всеми ставят на праважные работы, пока не отработают долг. Какие же это шляхтичи?! Шляхтянки не платили куницу, шляхтичи не давали подымное и не могли заниматься ремеслом, их не могли ставить на праваж, и в случае конфликта со двором их судил государственный, а не доминирующий суд владельца.

Утверждение Т. Забелы, что бояре и земляне люди, лично свободные⁵, не подтверждается документом, на который он ссылается (АВК, т. 35, № 7). В этом имени вообще нет бояр, а лишь земляне.

В с. Чеховицзна (дым седьмой) действительно живет Стефан Дроздович, который «свободен от всякой службы», за что платит чинш. Но ведь в инвентаре он точно назван «jegomość pan St. Drozdowicz, szlachcic»⁶, а не землянин!

Знакомство с повинностями крестьян в феодальном землевладении всех категорий поражает своим многообразием: начиная с натуральных даней самыми разнообразными продуктами, продолжая участием в работах в самых разнородных отраслях и видах и заканчивая деньгами.

¹ I. Baranowski, *Wieś i folwark*, s.s. 268, 268—269.

² Там же, 262.

³ Т. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст. § 3.

⁴ АВК, XXXV, № 77; XXXVIII, №№ 37, 41.

⁵ Т. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст., стр. 119.

⁶ АВК, т. 35, № 7, стр. 31.

Досужие исследователи подсчитали, что крестьяне в Речи Посполитой несли около 120—140 различных повинностей, разумеется, не все они были в одном поместье. Такое многообразие повинностей объясняется тем, что крестьяне феодального поместья должны были полностью, прямо или через рынок, удовлетворять все многообразные потребности господ, их двора и их государства.

Это многообразие возникло исторически. На ранней стадии феодального общества покрытие потребностей господского двора призывалось почти исключительно натуральными приношениями крестьян.

По мере развития производительных сил, с появлением рынка и товарно-денежных отношений, с увеличением и развитием потребностей феодалов, стала возможной замена некоторых натуральных платежей деньгами или просто прибавка к ним денежных платежей. Это дало возможность феодалам покрывать некоторые свои потребности через рынок более редкими и более дорогими товарами. Это повлекло за собой увеличение обременения крестьян.

Заменить все крестьянские натуральные дани деньгами не было возможности, да и необходимости в этом тоже не было.

Недостаточное развитие товарно-денежных отношений и низкий уровень развития производительных сил не позволяли получить с натурального, потребительского крестьянского хозяйства много денег. В то же время такие продукты как хлеб, мясо, яйца, рыба, мед, а также дрова и т. п. выгоднее было получать на месте, а не покупать на рынке.

Для получения же денег был создан фольварк, продукция которого после покрытия местных нужд могла быть продана.

Ф. Энгельс по этому поводу применительно к истории прусских крестьян писал, что «... переходить к такому хозяйству дворянство все более вынуждала растущая потребность в деньгах»¹.

Так появилась и развилась регулярная рента работой во всем ее многообразии, в т. ч. барщина.

Возникает вопрос: если из-за недостаточного развития производительных сил и товарно-денежных отношений крестьянские повинности не могли унифицироваться в деньгах, то почему этого не произошло в работе?

Для большинства крестьян рента работой сделалась основной, но не единственной их повинностью. Это было затруднено в силу того же недостаточного развития страны, было невыгодно и шляхте, ибо при многообразии повинностей

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии (Сборник), М., 1952, стр. 133.

она более всесторонне и полно эксплуатировала хозяйство крестьянина и его личность, наконец, это было возможно в результате соотношения сил основных классов общества.

Естественно, что при таком развитии крестьянского обложения во второй половине XVIII в. ни одна форма ренты (натурой, деньгами, работой) не была строго прямо пропорциональна размеру крестьянского надела или крестьянской семьи, как это было в известной степени вначале. В процессе развития все сдвинулось. Господствующий класс стремился выжать из крестьянства максимум возможного, весь прибавочный труд или продукт¹, захватывая временами даже часть необходимого. Как это лучше сделать, каждый шляхтич решал на месте, комбинируя все виды обложения. Отсюда многообразие и пестрота в повинностях, отсюда отсутствие прямой соразмерности между основными повинностями и размером крестьянского надела. Но при всем этом в силу общности экономического развития страны и классовых интересов господ имеет место возникновение некоторого единообразия в обложении однотипных дворов и даже соответствия между высотой общего обложения и крепостью крестьянского двора не только в данном имении, но часто в данной местности, в данной категории землевладельцев.

На этом вопросе пришлось остановиться потому, что в литературе часто можно встретить утверждения, что размер барщины, чинша или натур был установлен соразмерно крестьянскому наделу.

Т. Забела, изучавший господское хозяйство Белоруссии XVIII в., по этому вопросу пришел к выводу, который далеко не подтверждается материалом использованных им инвентарей.

Он утверждает, что чинш уплачивался соразмерно наделу и не связан с размером барщины, которая была пропорциональной земельному наделу².

Однако примеры, которые он приводит, опрокидывают его утверждение. Он пишет, что в одних имениях за 0,5 волюки платят чинша 20 зл., в других — 7 зл. 6 гр., в третьих — 5 зл.³

По мнению Т. Забелы, чинш является дополнением к натуральным даням, которые являются общими для всех групп населения, сидящего на барской земле⁴.

Исторически это верно, но в действительности во второй половине XVIII в. это было далеко не так. Это утверждение со-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, гл. 47, стр. 806, 807.

² Т. Забела, Панская гаспадарка на Беларусі и быт подданного селянства у другой пол. XVIII ст., стр. 121.

³ Там же.

⁴ Там же.

вершенно не соответствует действительному положению чиншевых крестьян и крестьян-слуг, да и в тяглых хозяйствах эти соотношения были самые разнообразные. Известно, что малоземельные и безземельные крестьяне ходили на работу, платили чинш, но, как правило, не давали натуральных даней. Под давлением фактического материала Т. Забела вынужден признать, что какого-либо общего правила, регулирующего размер дани, нет¹.

Что же касается барщины, то выше мной было показано, что между ней и размером надела существует лишь относительная пропорциональность, но не прямая. Ведь полу- и четвертьволочные хозяйства обременены барщиной не вдвое или вчетверо меньше, нежели волочные?²

Это не означает, что в фольварочно-крепостническом хозяйстве никаких абсолютно общих положений или тенденций в отношении повинностей крестьян не было. Нет, они были, а в некоторой степени их можно угадывать. Они определялись направлением экономического развития страны и характером классовой борьбы. Так, во второй половине XVIII в. все больше чувствуется стремление господствующего класса увеличить повинности крестьян. Это увеличение идет преимущественно по линии работ, удельный вес которых в общем обременении крестьян подымается иногда даже за счет натуральных даней.

Но было и другое направление — увеличение повинностей за счет роста чинша вообще и взамен натур в частности.

То или иное направление определялось конкретной обстановкой, о чем будет сказано ниже; здесь же можно лишь сказать, что двор чаще всего заменял деньгами такие повинности крестьян, которые он не мог с выгодой реализовать для себя, в т. ч. иногда и барщину (стража, подводы и т. п.).

Для выяснения степени общего обременения крестьянского двора необходимо рассмотреть вопрос о стоимости рабочего дня, поскольку повинности работой были наиболее распространенными и обременительными.

Расценка барщинного дня у частных владельцев была несколько ниже, чем в столовых имениях, и равнялась, например, в Рыклишках 15 гр. за мужской и 7,5 гр. за женский день. Потоцкий, переводя крестьян с барщины на чинш, считал день «на круг» по 12 гр.³

В поместьях с малоразвитым фольварочным хозяйством (Шклов) барщинный день расценивался ниже: 10—4 гр.

Когда помещики нанимали крестьян к себе летом принудительным порядком, то платили 12 гр. за пеший день и 18 гр.

¹ Т. Забела, *Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст.*, стр. 123.

² Т. Korzon, *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, t. I, s. 405.

за конный; встречаются расценки и ниже: 13 и 10 гр. в день. Это принудительная оплата. Вольная, когда крестьяне нанимали себе работника летом, была выше: косарю 1 зл. на своих харчах или 15 гр. — на хозяйских¹.

При таких расценках крестьянское полуволочное хозяйство давало двору доходов ежегодно лишь от недельной барщины, не считая гвалтов, сторож и т. п., на сумму 117 зл., а все повинности, по мнению Г. Ловмянского, составляли около 125 зл., или стоимость 2,5 виленских бочек ржи². Мне кажется, что общая сумма крестьянских повинностей Г. Ловмянским несколько уменьшена. Все повинности сверх недельной барщины он оценил лишь в 8 зл. Это, безусловно, мало, т. к. сюда входят гвалты, составлявшие в среднем 36 рабочих дней в год с дыма. Их стоимость — по 10 гр. в день — с избытком покрывает 8 зл., а ведь еще остались подводы, стража, молотьба, дорожная и мостовая повинность и ряд дополнительных повинностей, а также дани и чинш. Турцевич, изучавший инвентари частновладельческих поместий второй половины XVIII в., количество дополнительных дней сверх гвалтов принимает в среднем за 40 дней, стоимость подводы — за 10 зл., а чинш с тяглых — за столько же, как и дани, — 10 зл.³

К этому нужно добавить государственную подать, подымное, составлявшие в среднем 5—7 зл. Сумма труда и ценностей, взимавшихся помещиком с крестьянского хозяйства, была, безусловно, выше предполагаемой Г. Ловмянским. Она в зависимости от поместий колебалась, примерно, в пределах 145—180 зл. с 0,5 волоки и была, несомненно, не ниже, чем в столовых экономиях.

При средней урожайности в «сам-3» крестьянину с 0,5 волоки при трехполье после посева оставалось около 5 бочек зерна. Продав 2,5—3 бочки на покрытие повинностей, он должен был еще прокормить семью в 4—6 человек, рабочий скот, одеться, обуться, поддерживать постройки, инвентарь и т. п. Оставшееся количество зерна явно недостаточно для этого⁴.

Этот вывод не результат лишь теоретических расчетов, а реальная действительность, признаваемая путешественниками, публицистами и даже официальными лицами.

¹ Nie wszyscy błędą, W., 1790, s. 6.

² Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, 67, Виленская бочка (большая) = 407 л.

³ АВК, т. XXV, Предисловие. В натуре все повинности чрезвычайно колебались. Стоимость подводы расценивалась от 5 до 20 зл., чинш — от 4 до 40 зл.

⁴ Г. Ловмянский считает, что после посева и покрытия платежей и повинностей в крестьянском хозяйстве оставалось 3—4 бочки зерна, которых едва хватало, чтобы прокормить семью. (Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, str. 70).

Русский помещик, выдавший виды и у себя на родине, проезжая через Великое Княжество Литовское в 1789 г., был поражен виденным: «Проезжая Литву, надседалося сердце от жалости. Богатая земля населена людьми, томящимися в работе, а глупые паны... управляют с необузданной властью крестьянами, доведенными до совершенной нищеты... Много наезжал я таких селений, где нельзя было достать кусок хлеба, а между тем в городах царствовали беспутная роскошь и сластолюбивая праздность»¹.

Вопрос о размерах присваиваемых феодалом крестьянских ценностей и труда вызвал в литературе значительные дебаты, но и на сегодняшний день его нельзя считать решенным. Затруднение представляет сравнительно малая изученность материалов, особенно о крестьянском хозяйстве, и большая их пестрота.

Станислав Грабский², на основании изучения статистического материала о крестьянских повинностях Варшавского княжества за 1811 г., пришел к выводу, что крепостной крестьянин в Речи Посполитой делился с помещиком плодами своего труда пополам.

Я. Рутковский³ не согласен с этим утверждением, сделанным на основании изучения небольшого материала и без учета ряда облегчающих факторов, и на примерах Червоной Руси пытается доказать, что помещик забирал у крестьян меньше половины. Все повинности крестьянина здесь он исчислял в 140 зл., 90% из которых падает на барщину. В Великой Польше все повинности он исчисляет в 80 зл. Примерно такую же цифру — 90 зл. дает и И. Т. Барановский. Эксплуатация крестьянина на «кресах» (окраинах с непольским населением) была часто интенсивнее, чем на основных польских землях.

В. Грабский⁴ дифференцирует вопрос о проценте изъятия. Что касается Червоной Руси, он считает, что в поместьях королевских, духовных и магнатских не изымалось в пользу господина 50% валового дохода с земли, но в шляхетских это имело место. Учитывая качество почвы и климат Польши, В. Грабский считает этот процент очень тяжелым. Он предлагает не руководствоваться процентом вообще, а для учета тяжести изъятия исходить из качества почвы хозяйства, агро-

¹ Записки Д. Б. Мертвого, «Русский Архив» за 1867 г., стр. 134—135.

² St. Grabski, *Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od 1775 do 1831 roku*, Kraków, 1923, t. I, ss. 462—464. Той же мысли придерживается и К. Добровольский („Dzieje wsi Niedźwiedzia”, s. 533, Lwów, 1931).

³ *Poddaństwo włościan w Polsce i niektórych innych krajach Europy*, Poznań, 1921, s. 123—124.

⁴ *Spółeczne gospodarstwo agrarne w Polsce*, W., 1926, ss. 166—167.

техники и рынка. При хороших условиях тяжесть процента будет меньше, а при плохих — наоборот.

Нельзя не заметить, что это предложение переносит решение вопроса в другие области. Оно дает возможность феодалу, а не непосредственному производителю, присваивать результаты развития производительных сил общества.

Г. Верценский¹, как и Зубык, по этому вопросу приходит к мысли, что двор присваивал себе более половины доходов, создаваемых деревней в виде труда, натур и денег.

А. Бохенский, с которым в этом вопросе солидарен и Барановский, не подсчитывая в процентах размер присвоения двором крестьянского труда и продуктов, приходит к выводу, что полуволочному крестьянину после его расчетов со двором, костелом и государством оставалось явно недостаточно: 0,5 корца жита, 0,75 корца ячменя, столько же овса, 1,2 гарнца гречихи, 20 центнеров огородины, немного мяса и 400 л. молока в год. Он считает, что такая пища была безусловно недостаточной и положение его было тяжелое. А что же говорить о голодном годе? Дело упирается в бюджет².

¹ Opis statystyczny większej własności (Ekonomista, t. IX, 1909, Kraków).

² В последнее время интересные попытки в этом отношении для Великого Княжества Литовского сделаны Г. Ловмянским (Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich, W. 1953, ss. 76) и Е. Охмянским (Położenie społeczno-gospodarcze i walka klasowa chłopów w ekonomii Kobyńskiej w dr. pol. XVI i pierwsz. poł. XVII w.—Roczn. Dziejów społecznych i gospodarczych t. XIX, Poznań, 1957, ss. 79—82), но оба случая относятся к XVI в., когда отягощение было легче. Нужно сказать, что вопрос о бюджете крестьянского хозяйства, семьи в феодальную эпоху весьма сложен.

Конструирование такого бюджета в силу скудности источников и большой пестроты в положении крестьян (географические, исторические, экономические, правовые, национально-религиозные факторы и т. п.) полно условностей и имеет весьма локальное значение. И все же разрабатывать этот вопрос надо. Его теоретическо-познавательное значение велико.

В силу этого хотелось бы высказать несколько замечаний по поводу методики конструирования бюджета феодального крестьянина.

Исследователи этого вопроса, конструируя крестьянские доходные и расходные статьи, исходят, обычно, из нормальных данных за год, а не из средних за общественно-хозяйственный цикл.

Попытаюсь объяснить. В доходную часть, скажем, закладывают урожай «сам 3—3,5». Это обычный, нормальный урожай для XVI и второй половины XVIII в., но при этом забывают, что в средние века было нормальным и то, что каждый 3—5 год был неурожайный, а каждый 7—10 — голодный.

Таким же нормальным явлением для феодального общества были эпидемии и эпизоотии, внутренние и внешние войны, сопровождавшиеся усиленными отягощениями, а то и грабежами, наконец, злоупотребления помещной администрации или произвол пана. Это все не просто влияет на получение среднего урожая, скажем, за 10 лет (хотя даже этого, обычно, не делают исследователи), а оказывает огромное влияние на бюджет как этих, так и последующих «нормальных» лет.

Интересна попытка решения этого вопроса для Короны Княтом¹.

Изучение им крестьянских хозяйств в 53 селах Наднотецкого обвода дало следующие результаты:

Категории крестьян	Бюджет крестьянского хозя-ва в талерах		Расходы из нетто в талерах (тал. = 8 ал.)							
			на барский двор		церковн. дес.		государ- ственные подати		все подати и по- вин- ности	
	брутто	нетто	тал.	%	тал.	%	тал.	%		%
Шляхетские тя- глые	56,4	36,0	22,1	61,5	0,7	2,0	2,9	8,0	71,6	
Шляхетские чин- шевые	57,5	37,6	19,6	52,2	0,25	0,6	0,9	2,3	55,2	
Государственные тяглые	77,5	48,6	19,5	29,1	1,9	3,8	3,0	6,1	39,2	
Государственные чиншевые	48,0	30,0	7,8	26,3	0,2	0,6	2,2	7,2	34,2	
Духовые тяглые	90,5	63,1	16,0	25,1	5,0	7,8	3,1	5,0	38,0	
Духовые чинше- вые	109,6	74,0	17,1	23,0	7,0	9,4	4,0	5,3	37,8	

Основными дефектами данного материала являются не только разные размеры крестьянских наделов, но их нетипичность. Здесь барщинные хозяйства имеют от 34 до 39 моргов, а чиншевые от 27 до 30 моргов, т. е. вдвое больше среднего крестьянского двора и в Великом Княжестве Литовском, и в Короне. Простое деление бюджета и расходов на 2 не дает истинной картины, ибо, как показано выше, более мелкие хозяйства были обложены непропорционально сильнее, чем крупные. Таким образом, чистый остаток в пользу крестьян

Крестьянин должен создавать в хорошие годы переходящий запас зерна и фуража на черный год. В тяжелые годы грабился, продавался, продавался и погибал скот, инвентарь, запасы одежды и т. д. Все это необходимо было приобрести в нормальные годы. Этого нельзя не учитывать.

Имеют место и другие недостатки в методике конструирования крестьянского бюджета. Упомяну хотя бы о том, что при исчислении крестьянских повинностей и податей берутся тоже обычные, нормальные и не учитываются дополнительные, экстренные и т. п. Или же при исчислении дохода от крестьянской продукции часто берутся не рыночные цены на них, а зачетные (цены, по которым их засчитывает двор в подать), которые не совпадают с рыночными, хотя крестьянин продавал свою продукцию по рыночным.

Мне могут сказать, что это еще более усложняет и так трудный вопрос. Верно. Но верно и то, что без учета этих и подобных им «нормальных» явлений в жизни феодального крестьянина последняя будет выглядеть неверно, в более светлых тонах, чем она была в действительности.

¹ Gospodarcze znaczenie, s. 165.

ского двора будет составлять не просто меньшую цифру, но и меньший процент.

Все же этот пример дает возможность сделать ряд относительных выводов: а) отягощение барщинных крестьян было сильнее чиншевых; б) отягощение шляхетских крестьян было сильнее чем государственных и, возможно, духовных.

Я. Рутковский в своих работах пришел, примерно, к тем же выводам и пытается их объяснить. По первому положению он пишет, что двор потому брал с тяглого хозяйства больше, чем с чиншевого, что он принимал на себя и риск по его ведению и обязанность помощи ему. Двор помогал тяглому хозяйству семенами, скотом, ремонтом зданий и т. п., давал льготы в повинностях при стихийных бедствиях и т. п. Таким образом, чистого дохода от тяглого хозяйства двор получал меньше, чем предполагалось по инвентарю¹. Те же мотивы выдвигает и Вечорек².

Всё это, конечно, учитывалось феодалом. Но основная причина, мне кажется, заключается не в этом. При ренте натурой или деньгами феодал брал с крестьянского хозяйства прибавочный продукт (или деньги). При низком уровне развития производительных сил, при потребительском характере крестьянского хозяйства прибавочный продукт в нем не мог быть велик. При ренте работой изъятия из крестьянского двора шли в двух направлениях, а именно: изъятие прибавочного продукта, созданного в крестьянском хозяйстве; изъятие рабочей силы из крестьянской семьи. Естественно, что эта двойная возможность в условиях слабого развития промышленности и отхожих промыслов была больше предшествующей, а потому и двор мог получить больше дохода.

Ф. Энгельс, указывая на мотивы, которыми руководствовались прусские дворяне, когда переходили к организации собственных хозяйств на барщинном труде, писал: «Но из крестьянина, из крепостного, нельзя было выжать денег; из него можно было выколачивать прежде всего труд или сельскохозяйственные продукты, а крестьянское хозяйство, которое велось при крайне тяжелых условиях, давало лишь минимальный излишек последних, сверх того, что было необходимо для поддержания самого скудного существования работающего владельца этого хозяйства»³.

При сопоставлении отягощений двором барщинных и чиншевых крестьян приходится учитывать особенности исчисления в деньгах повинностей тяглого двора. Поступления от

¹ Sprawa włościańska... w Polsce w XVIII i XIX w., s. 16.

² W. Wieczorek, Z dziejów ustroju rolnego W. Ks. Litewskiego w XVIII w., s. 107.

³ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 132.

чиншевого хозяйства в виде денег или оброка имели совершенно определенный законченный и реальный характер ценностей. Совсем другое дело с присвоением труда крестьянина. Исчисляя его ценность, исследователи берут зачётную или рыночную стоимость рабочего дня 7—10—12—15—20, 24 гр., а не ту реальную ценность, которую крепостной труд создает в барском хозяйстве. Между этими двумя положениями мог быть и был большой разрыв. Многое зависело от конкретных, к тому же изменчивых обстоятельств. Выше был приведен пример по Кобринской экономии, где рыночная ценность, созданная крестьянским трудом за рабочий день в барском хозяйстве, равна примерно 4 гр., в то время как зачетная — составляла 15 гр. Этот разрыв является в основном результатом низкой производительности труда, сопротивления эксплуатируемых, расточительного использования двором рабочей силы, а также ряда привходящих обстоятельств, что сознавали обе стороны. Двор охотно соглашался получать с крестьян за отдельные не отработанные дни (в особенности зимние) по зачетной цене дня. С другой стороны, крестьяне, как это будет видно дальше, при переводе их с барщины на чинш упорно возражали против исчисления размера чинша, исходя из зачетной стоимости дня, помноженной на их количество за год. Они были правы. В феодальных деревнях Белоруссии и Литвы, как правило, не было условий, при которых большинство крестьян могло бы зарабатывать вне своего хозяйства по 10—15 гр. в день на протяжении целого года. Собственное низкопродуктивное хозяйство в условиях недостаточного развития товарно-денежных отношений также не представляло таких возможностей.

Естественно, возникает вопрос: из чего исходили помещики, устанавливая размер зачета за барщинный день?

Думается, что при этом господа руководствовались двумя соображениями: 1) компенсация за барщинный день должна быть настолько значительной, чтобы не вызывать у крестьян желания не выходить на работу, особенно в горячее время, а если бы это случилось, то помещик должен иметь возможность нанять себе в компенсацию работника; 2) крепостник стремился, если так можно выразиться, нажиться и на компенсации, если бы кто из крестьян захотел или был вынужден ею воспользоваться. Мне кажется, что в этом отношении принцип, применявшийся в конце XVII в. в королевских экономиях, — расценивать барщинный день в зависимости от того, сколько крестьянин создавал ценностей за день в своем хозяйстве¹ был более реалистичным.

¹ Устава Гродненской экономии 1680 г. расценивает барщинный день в зависимости от качества почвы надела: с наилучшего — 3 гр. польских; хорошего — 2,5 гр.; среднего — 1,5 и 2; плохого — 1 гр. за день.

Чтобы получить представление о действительном соотношении между барщинными и чиншевыми хозяйствами в отношении отягощения крестьян, приходится учитывать фактор, не нашедший себе полного отражения в цифрах. Так, большой размер барщины при двух, реже трех трудоспособных в крестьянской семье обычно являлся причиной не только ослабления хозяйственной энергии в своем дворе, но и взваливал на крестьянское хозяйство содержание лишней рабочей силы, живого и мертвого инвентаря. Неуверенность крестьянина в своих правах на землю, возможность изъятия ее у него в любое время, что чаще всего случалось с барщинными крестьянами, понижали его активность. Хотя из чиншевого хозяйства, как и из барщинного, господин чаще всего брал весь прибавочный продукт или его стоимость, а, бывало, и часть необходимого, но все же такой крестьянин, как указывает В. И. Ленин, может приобрести, пользуясь своей самостоятельностью, некоторый излишек сверх необходимого продукта¹.

Поскольку изменение чинша происходило один раз в несколько десятков лет, то результаты прогресса в сельском хозяйстве, выгодной рыночной конъюнктуры, падения злотаго (характерное для Речи Посполитой в XVII—XVIII вв.), энергичной деятельности крестьянина шли долгое время в его пользу, несколько облегчая этим феодальное бремя. В барщинном же хозяйстве положение было иным. Стремление помещика создать в своем дворовом хозяйстве и выбросить на рынок побольше товарных ценностей с учетом низкой производительности труда крепостных приводило к росту барщины (а значит и росту отягощения), но это, в свою очередь, еще больше снижало продуктивность подневольного труда и подрывало крестьянское хозяйство. Происходило хищническое, малопродуктивное для общества расходование труда его членов и подрыв производительных сил общества.

Почему же крестьянское хозяйство под непосильной, казалось бы, тяжестью крепостнического бремени все же не погибло в короткое время?

Некоторый ответ на это можно найти в анализе чиншевых хозяйств. Самые высокие размеры чинша, какие я встречал в инвентарях², составляли 192 зл. с волокна деньгами, плюс подымное — 8 зл., подорожная — 24 зл. Больше взять с этого хозяйства деньгами или натурой феодал, видимо, не мог, а потому остальные повинности (гвалты, стража, починка

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 142—43.

² Заснудское стар., — АВК, XXXVIII, № 41.

мостов, дорог и плотин, а также обработка и уборка 1 морга барской пашни) он взимал работой, кроме того, получал натурой птицу, яйца и др. продукты. Из этого примера видно, что денежные платежи с 0,5 вол. были равны 112 зл. (в действительности, обычно, еще больше), а остальное — работой и мелкой натурой. К этому же выводу можно прийти на основании приведенных мной выше подсчетов. Если бы действительно с крестьянского полуволочного хозяйства ежегодно взимались двором 145—180 зл. деньгами или 3—3,5 виленских бочек хлебом, то оно бы так долго не выдержало. Крестьянский двор мог вынести тяжесть налогов лишь потому, что она ложилась не на одну лишь готовую продукцию земледелия, а и на труд и на подсобные промыслы и отрасли, где успех и прогресс шли в пользу крестьянина. Положение облегчалось и тем, что обычно лишь около половины крестьянского надела было на таких тяжелых повинностях, другая же — приемная земля была обложена мягче, что давало возможность крестьянину перераспределять тяжесть и так несколько облегчать ее.

Новое наступление на крестьян характеризуется в частновладельческих поместьях не только увеличением повинностей, главным образом барщины, но также и уменьшением размеров крестьянского держания.

В первой половине XVIII в. в поместье Мышь на крестьянское хозяйство в среднем приходилось 0,65 волоки, в Деречине — 0,74, Липнишках — 0,72 и лишь изредка меньше — в Зденцелах — 0,57 волоки¹.

В 80 гг. XVIII в. положение меняется: в Липнишках крестьянское держание равно 0,63 волоки, в Зденцелах — 0,55 волоки, в Лелюшевцах и Свиридах — 0,54 волоки и т. д. Турцевич и Забела считают, что типичное крестьянское держание в частных поместьях равно 0,5 волоки². Необходимо, однако, заметить, что подавляющее большинство инвентарей принадлежит магнатам. У мелкой шляхты крестьянские наделы за редким исключением меньше и соотношение с фольварочной землей хуже.

В частных поместьях, как и в государственных, также распространены «приемные» волоки. Размер их разный, чаще всего $\frac{1}{4}$ волоки. Отношение приемных волок к оседлым было весьма неодинаково: поровну³, больше⁴, меньше. Повинности за них самые разнообразные, ибо это результат соглашения

¹ H. Łowmiański, Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, s. 57.

² АВК, т. XXXV, Предисловие. Т. Забела, Пянская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст., стр. 138.

³ АВК, XXXVIII, № 10.

⁴ Там же, № 9, 26.

крестьян с двором, но обычно ниже, чем за оседлые. Приемные земли, в отличие от оседлых, чиншевых, куничных, не являются основой крестьянского держания и не определяют его повинностей и правового положения. В тех случаях, когда на приемных землях организовывались новые хозяйства, они переходили целиком или частично в оседлые. Правовое отношение крестьянина к земле в частновладельческих имениях не изменилось по сравнению с XVII в. Он был не собственником надела, а лишь бессрочным держателем. В XVIII в. (особенно в его первой половине) господское хозяйство уже не так часто нуждалось в крестьянской земле — пустошей было много, да и само оно зашло в тупик. Крестьянское держание уменьшалось, главным образом, в результате его деления между наследниками. Крестьян, сидевших на закупном праве или на других видах «доброго» права к земле, в Белоруссии и Литве почти не было, как не было ни майората, ни минората.

Во второй половине XVIII в. по сравнению с его первой половиной несколько улучшилось обеспечение крестьянского хозяйства рабочим скотом. Так, в Зденцелах в 1731 г. на 639 дымов приходилось 363 вола и 225 лошадей; в монастырском имении Гатово в 1742 г. приходилось на полуволочное тягловое хозяйство 1—2 коня и 2 вола¹; в Деречине в 1750 г. на 187 хозяйств было 105 лошадей и 235 волов. В Зденцелах в 1796 г. 635 хозяйств имели 583 вола и 338 лошадей². В Зденцелах положение крестьян с рабочим скотом к концу XVIII в. значительно улучшилось по сравнению с 30 гг. того же века. В поместьях встречается и более высокое обеспечение рабочим скотом: 3—5 лошадей на полуволочное хозяйство³. Такое обеспечение Забела склонен считать типичным для второй половины XVIII в.⁴ Подобную картину мы видели и в государственных имениях.

Польские экономисты-практики (Гостомский) считали, что для полуволочного хозяйства необходимы минимум 1 лошадь и 2 вола. Приведенное обеспечение крестьянских дворов рабочим скотом, принимая во внимание, что им же обслуживались нужды господского хозяйства, приходится признать не вполне достаточным для полуволочного хозяйства. В действительно-

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, № 168.

² H. Lowmiański, Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, s. 69.

³ АВК, XXXV, № 43, 62 и др.

⁴ Т. Забела, Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданного селянства у другой пал. XVIII ст., стр. 139—140. С этим нельзя согласиться, 2 лошади или 3—4 вола — ближе к действительности.

сти же положение было несколько иное, а именно, значительный процент хозяйств не имел скота, а остальные были обеспечены лучше, чем при средних показателях. К обеспечению крестьян рабочим скотом владельцы относились внимательно. Они иногда даже запрещали им продавать скот без разрешения двора¹. При отсутствии, обычно в фольварках, собственного рабочего скота крестьянский — был гарантией своевременного выполнения сельскохозяйственных работ.

Крестьяне должны были бы иметь излишек рабочего скота по отношению к собственному наделу. Его должно было хватать и для него и для фольварка. Излишек же ложился бременем на крестьянское хозяйство, ибо отнимал не только рабочие руки для ухода, но и, самое главное, корм: сено, солому, овес, что шло в ущерб продуктивному скоту крестьян. Этим, в частности, можно объяснить и недостаточное количество последнего (особенно коров) в крестьянском хозяйстве. Фактически нередко было и так, что крестьянского рабочего скота хватало для фольварка, но не хватало для своевременного выполнения работ в крестьянском хозяйстве.

Все усиливавшаяся дифференциация крестьян во второй половине XVIII в., недостаток у них рабочего скота заставляли некоторые фольварки обзаводиться своим рабочим скотом, хотя бы и не в полном размере. Он был необходим как для работ в фольварке, так и для займа крестьянам².

Тяглым, имевшим 1 вола, дворы нередко за вознаграждение предоставляли своего вола или продавали им в рассрочку с выплатой в три года. Иногда двор ссужал волами и зажиточных крестьян, потерявших почему-либо скот³. Во второй половине XVIII в. все больше чувствуется определенная тенденция — оптимально вести помещное хозяйство как нечто одно целое, а не раздельно — фольварк и деревня. В центре этого хозяйственного единства находится фольварк. Его потребность в рабочей силе (конной и пешей) точно учитывалась, и соразмерно с этим формировались крестьянские хозяйства.

Лучше всего обеспечить фольварк упряжной рабочей силой могли большие, крепкие крестьянские хозяйства, и помещик необходимое их количество поддерживает, а лишние переводит на чинш.

Остальные крестьянские хозяйства должны были обеспечивать двор пешей рабочей силой. Это лучше всего могли

¹ АВК, XXXV, № 9.

² Белоруссия в эпоху феодализма, № 168.

³ Там же, №№ 168, 172 и др. Иногда предоставлялась льгота в повинностях.

выполнять малоземельные крестьяне, соответствующее количество которых помещик и старался создать или поддержать. Остальное население переводилось на чинш, отпускалось в наем.

Так начинал вырисовываться прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

В действительности дело обстояло намного сложнее. Приходилось считаться со многими привходящими обстоятельствами и, главным образом, с традицией и классовым сопротивлением крестьян.

Несмотря на то, что вторая половина XVIII в. характеризуется общим развитием фольварочного хозяйства на основе крепостного труда, все же главная доходная статья в бюджете землевладельца была не от фольварочного производства, а часто, как и в староствах, от эксплуатации шляхтой своих политических и экономических прав и привилегий. Такими были право пропинации, мельничный баналитет, торговые монополии и т. п.

Так, доход Сапег от 9 фольварков (130 вол.) в поместье Мышь составлял лишь 30% всего дохода. Его же доход от ярмарок в м. Зельва составлял в год 28,8 тыс. зл., в то время как весь доход от двух поместий вместе взятых — Зельва и Деречин — составлял 86,3 тыс. зл.¹

В то время, когда чинш от земель г. Деречина в 1790 г. составил 783 зл., аренда корчем и мельниц этого города дала 7700 зл.²

Доходы от имений Любомирского в 1811 г. были следующие³:

от фольварков	— 122131 рубль	36,1%
от чиншей	— 106134 рубля	31,3%
от данин	— 30103 „	8,9%
от мер и весов	— 1514 „	0,4%
от корчем и водки	— 78824 „	23,3%

В поместьях Сапег, как и других владельцев, крестьянам было запрещено кредитоваться где бы то ни было, кроме двора. Долг они погашали хлебом осенью, когда цены на него стояли самые низкие. В других поместьях были установлены нормы кредита: богатому (имеющему 2 запряжки — 4 вола) — до 10 зл., среднему (1 запряжка) — 6 злотых, бедному (0,5 запряжки) — 2 зл. Соль, рыбу, смолу, деготь и табак поданные должны покупать лишь во дворе, как только ему

¹ Н. Lowmiański, Rys historyczny wojew. Nowogródzkiego, s. 88.

² Там же, 89.

³ К. Керпачыцкі, Гаспадаркастр. 49.

же продавать лен и пеньку¹. Дворы поместий Сапег, как и других магнатов, вели широкую торговлю продуктами сельского хозяйства и сырьем, полученными как от своих фольварков, так и от крестьян путем даней и торговых монополий. На крестьянской пеньке дворы зарабатывали 100 и более процентов². Каждые 4 волоки обязаны были купить в год 1 бочку соли, переплатив за нее 105 гр.³

В поместьях других владельцев эти нормы были еще тяжелее — каждые 2 дыма должны купить в год 1 бочку соли, уплатив за нее 40 зл.⁴

Монопольные права и торговые операции двора ограничивали и так небольшие возможности крестьянского хозяйства в отношении его связей с рынком, лишали его возможности быть в курсе запросов рынка, приспособливать свое хозяйство к нему. Шляхетские монополии вопреки общему развитию мирового хозяйства, даже вопреки экономическому развитию собственной страны, превращали поместье конца XVIII века в своеобразное замкнутое хозяйство, чем, без сомнения, задерживали развитие производительных сил страны и обостряли внутренние противоречия.

§ 2. ХАРАКТЕР КРЕСТЬЯНСКИХ РЕФОРМ

Можно считать бесспорным, что во второй половине XVIII в. наблюдается известный подъем в области сельского хозяйства: расширение посевных площадей, повышение урожайности, увеличение количества рабочего и продуктивного скота. Но не подлежит сомнению и рост эксплуатации крестьян. Однако это было вызвано не «накоплением капиталов» помещичьим хозяйством, как иногда утверждают⁵. Производство и даже расширенное воспроизводство, если оно имело место, происходило на натуральной основе. Исключение иногда составляли продуктивное животноводство и мануфактуры, в которые единовременно вкладывалась часть поместных доходов. Все же, в дальнейшем их продукция, как и продукция всего дворового хозяйства, производилась, как правило, на натуральной основе и шла прямо или через рынок на покрытие нужд хозяйства и его владельца. На вольную продажу шло мало.

¹ I. Baranowski, *Wieś i folwark*, ss. 262, 269.

² Там же, 270.

³ Там же, 265.

⁴ АВК, XXXV, № 20.

⁵ К. Кернажыцкі, *Гаспадарка староства на Беларусі і экономічны стан іх насельніцтвау у др. пал. XVIII ст.*, стр. 91.

Поместья феодалов, в частности Сапег, в районах, где сбыт хлеба на внутреннем рынке был невелик, а экспорт затруднен или обходился дорого, широко практиковали чинш. Так, в Шкловском поместье крестьяне работали лишь 10 дней в год, за все же остальное платили деньгами. Чинши были настолько велики, что когда в XVIII в. здесь совершенно ликвидировали фольварки и стали раздавать крестьянам их земли, то они категорически отказывались от дорезок, ибо связанные с ними платежи были так велики, что не стимулировали расширения крестьянского держания¹.

То же видим и в Быхове, где крестьяне были очиншеваны. Под бременем повинностей они во второй половине XVIII в. массами бросали земли, бродяжничали, нищенствовали или убегали к другим господам. В 1770 г. здесь было зарегистрировано 311 убогих дворов и 130 — совершенно брошенных своими хозяевами².

В 1759 г. Сапега хотел провести очиншевание и в Мыши, дав приказание парцелировать фольварки. Однако мероприятие сорвалось. Крестьяне категорически отказались брать новую землю из-за высоких чиншей, а новых осадников, согласившихся на предложенные условия, не нашлось. Сапега вынужден был отказаться от своей затеи.

Какие соображения толкали частных владельцев на путь очиншевания? Они были разнообразны, а потому и очиншевание носило то общий, то локальный характер.

Основным мотивом, толкавшим на очиншевание, была низкая производительность труда на барщине и обострение классовых противоречий. «Всем известно, что хлоп, выходя на скарбовую работу, редко берет хороший инвентарь: возы, сохи, бороны нарочно берутся для скарбовой работы плохие»³. Одни владельцы боролись с этим путем весьма подробного нормирования всех основных барщинных работ. Так, в частности, поступал Тизенгауз, когда управлял королевскими столовыми экономиями Великого Княжества Литовского.

Широкая практика урочной системы представляла собой фактически увеличение барщины и ее тягот. Крестьяне относились к ней с ненавистью, о чем говорит даже песня⁴:

¹ J. Baranowski, *Wieś i folwark*, s. 261.

² Там же, стр. 270.

³ S. Pawlik, *Polskie instruktarze ekonomiczne*, Kraków, 1915, s. 106. Отношение крестьянина к барщине было подмечено поэтами еще в XV в.: „Gdy dzień pańu robić mają częstokroć odpoczywają”.

⁴ Урочная система применялась и на Украине.

«Пооблазили волам шні, бідним людям руки...
Ой ярини по півтори, а зимини копу (за день),
Треба стати і впорати хоч якому хлопцу.
Змолотити і зв'язати і в шпихляр зібрати,
А ввечері по вечері та на варту стати...»

Другие землевладельцы считали, что необходимо заинтересовать крестьянина в его труде. Таким средством им казалось очиншевание. Локальные соображения были разнообразнее. Так, при общей фольварочной системе на чинше нередко оставались села, расположенные далеко от фольварков, или же, где крестьяне сбежали или погибли. Двор, избегая риска, который имел место при монополии барщинной системы, для страхования держал часть сел или дворов, наименее удобных для барщины, на чинше. Очиншевание имело место и в случае отсутствия условий для развития земледелия или гарантированного сбыта зерна.

В 70—80-х годах XVIII в. в Польше в связи с общим экономическим оживлением наблюдалось местами усиление очиншевания. В деревнях, расположенных ближе к торгово-промышленным центрам, особенно портам, как, например, в Восточном Поморье, в отдельных районах Великой Польши, очиншевание получило особенно широкое распространение.

Крестьяне при переходе на чинш должны были сбывать, и, к тому же, по более высоким ценам, на городском рынке не только хлеб, но и сельскохозяйственное сырье и продукты вспомогательных и побочных отраслей своего хозяйства. В больших городах крестьяне могли наниматься на сезонные или постоянные работы, заниматься извозом, сплавом и т. д. В приморских районах крестьяне, особенно зажиточные, могли сами доставлять свои продукты экспортерам. При этом они уплачивали своим панам довольно высокие чинши, что давало помещикам постоянный и более верный доход, чем доход от фольварка при низкопродуктивном крепостном труде. В таких случаях помещики находили выгодным иногда даже совсем ликвидировать фольварк, а его земли парцеллировать между чиншевиками. Но обычно помещики все же сохраняли фольварк, а иногда переводили его на обслуживание наемным трудом. Крестьяне-чиншевики были обязаны тогда работать на фольварке лишь в горячее время весенних и осенних полевых работ. Чаще, однако, если фольварк сохранялся, помещики переводили на чинш только отдельные села, а то и отдельные дворы, оставляя столько тяглого населения, сколько было нужно вместе с наемным для ведения фольварочного хозяйства.

Отказывались от барщины и переводили крестьян на чинш также некоторые магнаты, рассчитывавшие на привлечение

таким образом новых поселенцев, на повышение производительности крестьянского труда и избавление от многочисленной и дорогостоящей администрации, хищнически управлявшей имениями. В 1760 г. ввел чинш в своих владениях в Мазовецком воеводстве Анджей Замойский. Так же поступили Юзеф и Станислав Понятовские и др.

Меньше было затронуто очиншеванием крепостное крестьянство, зависимое от средних слоев польской шляхты, особенно в Малой Польше, украинских и белорусских воеводствах. На коренных польских землях на чинше сидело в это время до 30% крестьян.

Вопрос о переводе крестьян на чинш волновал многих землевладельцев и оживленно обсуждался в печати, так как разложение феодального способа производства, обострение классовой борьбы крепостного крестьянства, низкая производительность барщинного труда становились все более очевидными и заставляли помещиков искать новые способы ведения хозяйства.

Лишь в немногих случаях попытки помещиков найти выход из тупика, в которое попало барщинно-крепостническое хозяйство, не ограничивались переходом на чинш, а приобретали характер серьезных аграрных реформ.

В качестве примера можно привести реформу Павла Бжостовского, которую горячо одобряли многие передовые общественные деятели. В 1769 г. он ввел новое положение в поместье Мереч (Павлово): фольварк и барщина были постепенно ликвидированы, был введен стабилизированный чинш, крестьяне получили право распоряжаться своим имуществом, уплатив 200 зл., крестьянин мог совсем уйти из имения. Помещик сохранял за собой водочную и мельничную монополию, но в остальном крестьяне вольны были торговать и промышленять. В поместье была учреждена школа, расширена деятельность крестьянской общины.

Несколько подробнее остановлюсь на реформе Иоахима Хрептовича в его имении Щорсы и Вишневе, Новогрудского воеводства.

Реформа началась с землеустройства. Земли имения были перемерены. Леса, часть лугов и пашня для трех фольварков остались в непосредственном пользовании владельца. Остальная земля, в т. ч. часть бывшей фольварочной, была разделена между населением и закреплена за ним на 20 лет.

Население имения при наделении его землей было разделено на три группы¹: 1) мещане и ремесленники имели право

¹ М. В. Довнар-Запольский, Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX вв., М., 1905, стр. 35 и далее.

на усадьбу и луг (чтобы не отрывались от ремесла). Остальное крестьянское население получало надел в зависимости от состава семьи и скота; 2) огородники владели усадьбой, огородом и сенокосом; 3) крестьяне, ведущие полное хозяйство, получили 10 моргов ($\frac{1}{3}$ волоки) пахотной земли в одном месте. Хрептович стремился даже расселить их на хутора. К пахотному участку придавался сенокос в размере от 2 до 8 моргов. Дробить надел не разрешалось, он переходил по наследству к старшему сыну. Общине отводился выгон для общего пользования, а из господского леса крестьяне могли бесплатно брать дрова и материал на собственные нужды. В счет компенсации за лес крестьяне общиной должны были заготовить и вывезти к господским бровару и гуральне 693 сажени дров. В имении было 767 крестьянских дворов, имевших хозяйство, и 373 двора крестьян-огородников. 324 бедных хозяйства имели 650 волов и 300 коров, а 90 богатых — 398 лошадей, 219 волов, 229 коров и 1245 га земли¹.

Вопрос о свободе, предоставленной крестьянам И. Хрептовичем, остается неясным, ибо она определена самим реформатором довольно туманно. «Свобода», говорит он, предоставлена людям старательным, хозяйственным, а не бездельникам и лентяям, для последних «вольность была бы бесполезна и вредна», лентяев «я не считаю свободными людьми», таких надо брать на наемную дворовую работу².

Здесь, думается, речь идет скорее о свободе хозяйственной деятельности, чем о невозвратном праве уйти из имения. Об этом сын И. Хрептовича — Адам позже писал: «... ни один крестьянин не может без разрешения двора удалиться из пределов имения, или совершенно выселиться из него»³. За последнее требовалось внести в кассу деньги, или же посадить с согласия двора равноценного заместителя.

Каковы же были повинности крестьян Хрептовича? Они должны были давать господину треть урожая своих полей в натуре или ее стоимость по новогрудским ценам.

Путешественник, посетивший Щорсы еще при управлении ими самим Иоахимом Хрептовичем (с 90 гг. управлял его сын), писал, что это в среднем составляло 10 зл. с пахотного морга (в т. ч. и лежащего под паром) и 3—4 зл. с сенокосного⁴, $\frac{5}{6}$ крестьян, сообщает он, платило повинности деньгами, а $\frac{1}{6}$ — натурой.

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, № 177.

² М. В. Довнар-Запольский, Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX вв., стр. 31.

³ Там же, стр. 32.

⁴ *Próby reform włościańskich w Polsce XVIII w.* Opracował S. Inglot, Wrocław, 1952, s. 281.

Позже в Щорсах чинш колебался от 45 до 95 руб. с пахотной волоки, а в Вишневе составлял 27 руб.¹ Эти расценки нельзя назвать низкими, они были примерно на уровне оплат чиншевых хозяйств того времени. Были сохранены также шарварки, стража и подвода. Пропинацией двор занимался сам, а мельницу сдавал в аренду. Под фольварками Хрептовича было около 2000 гектаров, из них около 900 заняты сенокосами². В фольварках было 120 голов рогатого скота, столько же лошадей и около 700 овец.

Работы в фольварке выполняли постоянные наемные работники — 45 паробков и 16 девушек, не считая скотников, погонщиков и старший персонал³.

Однако все они успевали выполнять лишь основные и текущие работы. Население обязано было обеспечивать двор наемной силой в сенокос, жнива и молотьбу по следующей таксе: за уборку 1 морга с доставкой сена или снопов во двор — 53 зл., за обмолот 1 копы озимых — 1 злот, за 1 копу яровых — 15 гр., за вспашку 1 морга — 2 зл.⁴

Наем этот юридически был принудительным, но фактически свободным. Желających наниматься было много. Ведь одних огородников было 373 двора. По идее реформатора они и были предназначены для найма. По мнению И. Хрептовича, посетившего Западную Европу и в т. ч. Англию и знакомого с фермерским хозяйством, одним из недостатков белорусского и литовского крестьянского хозяйства является трудность в найме работника. Каждый крестьянский двор спешит усилить работоспособность семьи путем женитьбы сыновей и примачества, но это быстро ведет к разделу хозяйства и тем самым к его ослаблению.

Адамом Хрептовичем было установлено, что все парни в возрасте от 18 до 24 лет непременно служили бы паробками во дворе или крестьянском хозяйстве за установленное вознаграждение (9 руб. мужчинам и 6 руб. женщинам в год), пищу и одежду.

По мнению Хрептовича, крестьяне кроме заработков во дворе, нанимались на сплав по Неману, занимались извозом и ремеслом, работали на господском железоделательном заводе и т. п.

Цены на рабочие руки, по подсчетам Довнар-Запольского, были в имении Хрептовича близки к рыночным (но ниже

¹ М. В. Довнар-Запольский, Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX вв., стр. 38.

² Там же.

³ *Próby reform włościańskich w Polsce XVIII w.*, s. 283.

⁴ Там же, 282.

средних) и в переводе с урочных на повременные составляли: упряжный рабочий день — 15 копеек серебром, пеший рабочий день — 7,5 коп., женский — 5 коп.¹

Хрептовичи были довольны реформой. Она с некоторыми изменениями продержалась до аграрной реформы 60 гг. XIX в. Доходы с имения значительно выросли, причем большую их часть составляли доходы с господского хозяйства. Хрептовичем в его реформаторской деятельности двигали не филантропия или гуманность, как утверждает дворянско-буржуазная историография, а, судя по его же заявлениям, здравый разум и иностранный опыт. Посещавшие Щорсы отмечают высокие урожаи на фольварочных полях — «сам 8—10» и даже 18—26². Посевы обычно велись по навозу и все же урожай «сам 26» является неправдоподобным в этих местах в те годы, даже при исключительных урожаях.

В имениях Хрептовичей получила развитие общинная жизнь, крестьянские власти. Имелись сельская касса и магазин. В селе был фельдшер. Данный пример показывает, что такие реформы были по карману лишь богатым помещикам.

Частновладельческая реформа несколько ослабляла отрицательные стороны фольварочно-барщинной системы, предоставляя крестьянам относительную свободу. Она была вызвана стремлением господ поднять производительность труда крестьян, смягчить остроту классовых противоречий, найти выход из тупика, в который попала вся социально-экономическая система общества. Это были попытки в условиях развития товарно-денежных отношений найти устойчивый и оптимальный вариант ведения поместного хозяйства без коренной ломки феодально-крепостнической системы.

В этих реформах, в особенности И. Хрептовича, определенно вырисовываются контуры грядущего «прусского пути» развития капитализма в поместном хозяйстве. Не случайно она продержалась до середины XIX века.

Подобные реформы, но со значительным сохранением барщины, были проведены княгиней Яблоновской, Малаховским и другими магнатами. Помещиков, пытавшихся реформировать крепостное хозяйство, было немного. Реформы эти, кроме того, были недолговечны и значительного влияния на развитие деревни не оказали.

Ни одна из проведенных в Речи Посполитой частновладельческих реформ не затрагивала основных устоев феодального общества, не разрешала ни вопроса свободы крестьян-

¹ Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX вв., стр. 52, 55. 1 польск. зл. = 15 коп. сереб.

² *Próby reform włościańskich w Polsce XVIII w.*, s. 283.

ской личности, ни вопроса о крестьянской собственности на землю. Если некоторые реформаторы и допускали выход крестьян из общины, то лишь при условии полноценного заместителя или крупной денежной компенсации, землей же распоряжаться крестьянин мог только с согласия помещика.

Не всегда эти реформы заканчивались полным успехом. Иногда наступал частичный рецидив, как это имело место в некоторых реформированных селах Замоиского, где крестьяне будто бы просили вернуть их на барщину¹. Из-за слабой изученности этих реформ вообще, а в поместьях Замоиского в частности, трудно установить причину этого явления. Существуют две версии. По одной (Горемыкин и Езерский) о возвращении на барщину просили сами крестьяне. По другой (Nie wszyscy błęda) — он сделал это под давлением соседей, которые обрушились на него с упреками, «называя его возмутителем общественного спокойствия».

Я. Рутковский и Ст. Инглот, принимая первую версию, допускают две причины возвращения на барщину: а) высокий чинш, б) психологическая неспособность крестьян, привыкших к барской опеке и заботе², к самостоятельной инициативной хозяйственной деятельности.

Думаю, что сколько-либо существенного значения второй фактор здесь не имел. Это утверждение является больше теоретическим и вытекает из концепции, по которой крестьяне, будто, весьма дорожили опекой дедича. Прожили же крестьяне королевских экономий около 100 лет без барщины и господской заботы. Не разорились. Наоборот, восстановили свое и поместное хозяйство. Перешли на чинш, жили на нем десятки лет с положительным хозяйственным результатом села г. Познани. Весьма широко развернулось очиншевание во второй половине XVIII в. в Поморье и Великой Польше. Наконец, ряд сел и в поместье Замоиского остался на чинше, а ведь психология то была одна?!

Мне кажется, причиной этого были высокая норма чинша и нестабильность земельного держания.

Ведь Замоиский заменил бессрочное потомственное крестьянское держание срочным, пятилетним, что лишало крестьянина уверенности в своей хозяйственной деятельности и не обеспечивало потомство. Когда они несли барщину, таких опасений не было, и возврат к ней мыслился как возврат к стабильности земельного держания.

¹ J. Rutkowski, Historia... , s. 222.

² Там же, St. Ingłot, Reformy rolne w dawnej Polsce („Wieś i państwo“, Nr 1, 1937), s. 19.

Все же, видимо, основным мотивом были высокие чинши, которые для некоторых сел оказались не по силам.

При переводе на чинш некоторые феодалы, как, например, Сапега в графстве Новая Мышь, расценивая слишком высоко барщинные дни и забывая, что при этом они снимают с себя риск хозяйственной деятельности и расходы по заботам о крестьянах в тяжелые годы, устанавливали слишком высокие чинши. Крестьянское хозяйство, истощенное фольварочно-барщинной системой, монополиями и баналитетами, даже при повышении интенсивности труда населения не в силах было их оплачивать. К тому же на него ложилась вся тяжесть стихийных бедствий и шляхетских неурядиц. Высокие чинши выдерживали только крепкие хозяйства. Примечательно в этом отношении мнение самого Бжостовского. В своей «уставе» он пишет, что тяглый крестьянин или боярин могут быть переведены в чиншевые с наделом в 1 волоку в том случае, если они будут иметь 4 вола, 6 коров и в хорошем состоянии хозяйство¹. Население крестьянского двора, живой и мертвый инвентарь, содержащиеся в размере, превышающем собственные нужды, с расчетом на барщину, не могли найти себе вполне рентабельного применения в карликовом хозяйстве при слабости промышленного развития, заработков и товарно-денежных отношений. На последнее явление, в частности, ссылаются современники. Так, Урусский² приводит заявление одного из них о том, что он в трех случаях по просьбе крестьян вынужден был перевести их с чинша на барщину, ибо они распились и задолжали. Однако, судя по дальнейшему рассказу шляхтича, истинная причина была глубже: очиншевание влечет уменьшение дворовых доходов и может быть успешно лишь в поветах, развитых в торгово-промышленном отношении.

Разумное очиншевание, как склонны думать авторы, изучавшие это явление (Рутковский, Орсина-Розенбер, Довнар-Запольский и др.), благотворно влияло на положение крестьян, оно было лучше, чем у барщинных. В случае обратного процесса положение их ухудшалось, даже если надел и не уменьшался.

Рутковский считает, что крестьяне сами не всегда шли на очиншевание, ибо тогда весь хозяйственный риск ложился на них, а при барщине — и на двор, поэтому на чинш переходило население энергичное, предприимчивое, а не безынициативное, потому, мол, мы видим на чиншах преимущественно немецких поселенцев, а развитие фольварка — на землях русских.

¹ Próby reform włościańskich w Polsce XVIII w., s. 255.

² Uruski Sew. hr. Sprawa włościańska, wyjątki z nowożytnych polskich ekonomistów. W., t. I, 1858 i t. II, 1860, t. I, s. 15.

В данном случае уважаемый автор или стоит на расистских позициях, или смешал причину со следствием. Немецкие поселенцы потому сидели на чинше, что на барщине они не соглашались поселяться, и колонизаторы вынуждены были давать им в том гарантии. У украинских, белорусских, как и польских крестьян об их желании не очень-то спрашивали. Забитость, безынициативность и т. д. — это не предпосылка для развития фольварков и барщины, а результат их длительного воздействия. Польское население в Короне, особенно в Малой Польше, сидело на барщине в большей мере, чем белорусское и украинское, скажем, на Поднепровье, а делать выводы на основании одного лишь Русского воеводства нельзя¹.

Белорусское и литовское население жило в королевских экономиях на чинше после барщины более 100 лет и сумело восстановить свое разрушенное хозяйство, а новый перевод на барщину встретило враждебно. Привносить в решение этого вопроса расовую магию, как это делают некоторые историки, это значит фальсифицировать историю, уклоняться от правильного решения.

В целом же чиншевая система по сравнению с барщинной носила, несомненно, более прогрессивный характер, и крестьяне к ней сознательно стремились, настойчиво добиваясь введения чинша.

Переход к денежной ренте способствовал увеличению производительности труда, а вместе с ней и урожайности в основном производстве страны — сельском хозяйстве, а, следовательно, и увеличению массы товарной продукции. Чиншевая система избавляла крестьян от мелкой, стеснительной помещичьей опеки, предоставляла им больше свободы в их хозяйственной деятельности. Она была шагом на пути к техническому прогрессу, к росту сельскохозяйственной культуры в деревне. Денежная рента вела к некоторому оживлению сохранившейся и под барской опекой крестьянской общины, ее органов самоуправления. Перевод на чинш способствовал внедрению товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, развитию внутреннего рынка, ибо денежная рента может развиваться только в том случае, если крестьянское хозяйство постоянно превращает часть своего продукта в товар, реализуемый на рынке. Наконец, денежная рента усиливала имущественную дифференциацию крестьянства, подготавливая всем этим условия для развития капитализма в сельском хозяйстве.

¹ См. ответ Б. Д. Грекова Буяку по этому вопросу. (Крестьяне на Руси, ст. 361.)

Ф. Энгельс, характеризуя значение денежной ренты в Западной Европе, писал: «Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, натуральная повинность — уплатой денег, там место феодального отношения заступало буржуазное»¹.

Подведем краткие итоги:

Положение частновладельческих крестьян во второй половине XVIII в., как и на предыдущих этапах, было тяжелее положения государственных, в особенности экономических. Передышка здесь оказалась короче, а местами совершенно отсутствовала.

Новый нажим начался раньше и шел интенсивнее, быстро ухудшая экономическое положение крестьян.

Крестьянское хозяйство в условиях фольварочно-барщинной системы не могло нормально развиваться. Оно все больше превращалось в придаток к дворовому хозяйству. Фольварк использовал труд крестьян и крестьянский скот в наиболее благоприятные для сельскохозяйственных работ сроки, а в своем хозяйстве крестьяне работали лишь в оставшееся время.

Выбор культур для крестьянского хозяйства снова-таки ограничивался, с одной стороны, собственным потреблением, а с другой — повинностями двору. Оно не могло развиваться с выгодой для себя и животноводство, ибо с кормами для продуктивного скота, особенно в зимнее время, дело обстояло плохо, т. к. нужно было содержать рабочий скот в угоду фольварку.

При таких обстоятельствах товарность крестьянского хозяйства была весьма ограничена. Правда, казалось бы, крестьянин мог сеять технические культуры, на которые был хороший спрос на рынке, а также продавать мед, воск и меха и таким образом улучшать свое положение. Однако эту лазейку предвидели господа и поставили здесь свой феодальный капкан — они запрещали крестьянам продажу этих товаров скупщикам, а если таковые все же приезжали по ночам, то их ловили и наказывали². Названные товары крестьянин целиком или частично должен был продавать двору по им же установленным заниженным ценам.

В то же время наиболее ходовые товары: косы, серпы, гвозди, соль, сельди, водку крестьянин должен был, переплачивая, покупать только во дворе. Если к этому добавить массу других ограничений, в т. ч. стеснения в отходе, в занятиях побочными промыслами и наймом, регламентацию хозяйственной деятель-

¹ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. Ф. Энгельс, сб. Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 155.

² АВК, т. XXXVIII, № 19.

ности крестьян, торможение процесса обогащения одних и отделения от средств производства других, то становится ясным, какие препятствия воздвигались уже отжившим свой срок феодальным строем на путях развития производительных сил в крестьянском хозяйстве, в целом обществе.

Ко всему этому приходится добавить, что и шляхетское фольварочное хозяйство, поставленное в такие, казалось бы, исключительно выгодные рыночные условия (ведь оно выступало почти монополистом сельскохозяйственного производства на внешнем рынке и господствовало на внутреннем рынке), чувствовало себя далеко не блестяще. Покоившееся на устаревших феодальных паразитических принципах, связывавших предпринимательские тенденции в области сельского хозяйства и исключавших его интенсификацию, оно шло не в ногу с общим мировым экономическим развитием, уже капиталистическим для этого времени. Его, казалось бы, даровая продукция оказывалась на мировом рынке далеко не такой уже дешевой, а само поместное хозяйство, с точки зрения буржуазной экономии, выглядело малорентабельным.

В поместном хозяйстве все больше нарастали внутренние противоречия. Фольварк, ограничивая, а часто подавляя товарные связи крестьянского хозяйства с рынком, задерживал его развитие и придавал ему архаический характер. Но, в свою очередь, он опирался на мелкое крепостное отсталое крестьянское хозяйство как на свою производственную основу. Такая взаимосвязь тормозила развитие одного и другого. Естественно, что дальнейшее вовлечение страны в капиталистическое развитие и нараставшее обострение классовых противоречий все более усиливали стремление каждой стороны освободиться друг от друга. Но вставал вопрос — каким образом? Каждая сторона хотела сделать это с наибольшей выгодой для себя. Чем с большей для крестьян пользой был бы разрублен феодальный узел, тем легче и быстрее пошло бы все развитие страны по буржуазному, прогрессивному пути¹.

Феодальное поместье, для которого рыночные связи, в частности торговля хлебом, сделались системой и нормой, медленно и мучительно для крестьянства, обостряя противоречия в деревне и в стране в целом, стремилось приспособиться к новым изменяющимся экономическим условиям.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 87.

Глава IV

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА¹

Какова была судьба крестьянской общины во второй половине XVIII века? Этот вопрос уже был затронут выше, в главе I, § 2, где указывалось на то, что крестьянская община выполняла целый ряд повинностей и платежей, в т. ч. отвечала в порядке круговой поруки за неисправных плательщиков, что раньше бывало очень редко.

До сих пор она, как правило, отвечала за исправное выполнение и поступление лишь общих для всей общины повинностей и платежей (ремонт дорог, мостов, плата по арендам, корчемные, военные и всякие другие сборы и раскладки и т. п.), а сейчас ее делают ответственной за выполнение основных повинностей ее членов. В такой роли она выступала в первой половине XVI в. и то лишь изредка в восточных волостях.

Желая иметь гарантированное поступление податей, скарб делает ответственной за них крестьянскую общину. Феодальный строй даже на закате своего существования не хотел расставаться с этой удобной для него формой крестьянской организации при ведении поместного хозяйства.

Община по-старому держала на себе земли общего пользования. Но иногда община села и даже войтовства выступает в роли «держателя» всей земли данной административной единицы и отвечает за все виды поступлений с нее². Выше упоминалось о ряде функций крестьянской администрации. Остановлюсь здесь на них подробнее. Как и раньше, войт является главой общинной администрации войтовства, в состав которого входило 4—6 сел. Согласно экономическим инструкциям требования к нему и его функции выглядят следующим образом³: Войт должен быть богобоязненным,

¹ Д. Л. Похилевич, *Селянська громада після аграрної реформи Сигизмунда-Августа* (Наукові Зап. Львівського Держ. Університету, т. X, 1948 р.).

² W. Kuła, *Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w.*, ss. 370—371.

³ *St. Pawlik, Instruktarze...*, t. I, Nr 8, apm. 11.

справедливым, трезвым, в своем личном хозяйстве образцовым, к интересам двора внимательным и старательным.

Войт «придан» в помощь эконому в его хозяйственной деятельности и управлении крестьянами. Функции его весьма многообразны и сводятся к руководству низшей крестьянской администрацией в выполнении ею и крестьянами различных повинностей работой, натурами и деньгами. Больше всего времени и внимания отнимала у войта барщина. Он обязан заблаговременно через лавников и десятников распределить работу, ежедневно проверять выполнение нарядов и докладывать эконому. «Он должен так внимательно следить за качеством и производительностью крестьянских работ, как если бы они производились в его хозяйстве»¹.

Войт должен внимательно и систематически следить за состоянием и ведением дворового хозяйства. Он объезжает посевы, сенокосы, леса, выпасы, осматривает реки, озера, мельницы, корчмы с целью выяснения их состояния, устранения дефектов и охраны от разворывания. За ним осталась и его старая функция — систематическое наблюдение за сохранностью границ своего войтовства, отдельных деревень и дворов. Межевые знаки должны быть всегда в полном порядке, а нарушители их подлежат преследованию.

Сохранил войт и свою старую функцию блюстителя интересов скарба и защитника крестьян — последнее, конечно, в пределах инвентаря и Уставы. Эта функция войта в инструкциях по вполне понятным причинам разработана наименее подробно.

Войту королевских имений вменяется в обязанность докладывать эконому, а в случае приезда — губернатору, а то и вице-администратору обо всех действиях крестьян, урядовцев и самого эконома, приносящих убыток скарбу.

Обо всех отягощениях крестьян, нарушениях инвентаря и устав, злоупотреблениях дворовых служащих войт должен докладывать эконому и настаивать на их устранении. Если бы справедливость не была учинена экономом даже отдельному крестьянину, гласит инструкция, то войт должен добиваться ее в высших экономических инстанциях².

В помощь войту, в связи с большим развитием фольварочно-барщинного хозяйства, была образована новая служба — подвойского. Функции последнего в основном были следующие³: он ведал всеми шарварковыми работами (выявление объектов для ремонта или строительства, подготовка материалов, наблюдение за работой) в своем войтовстве. Системати-

¹ Instruktarze... t. I, Nr 8, apm. II.

² Там же, арт. 12.

³ Там же.

чески (не менее 1 раза в месяц) он должен проверять каждое крестьянское хозяйство, его состояние, ведение дел (вовремя ли посеяли, убрали и т. п.), внешний вид (исправность изгородей, заборов, дымоходов, противопожарных мероприятий, побелку и т. п.). Особенное внимание он должен уделять хозяйствам «людей убогих и гультовых», понуждая их к работе и помогая им в случае невозможности управиться с хозяйством своими силами. Доносить войту и эконому об отягощениях и несправедливостях, чинимых дворовыми урядниками крестьянам, и добиваться их устранения. В случае отказа — подвойский обязан жаловаться высшей администрации.

Третьей фигурой общинной администрации был лавник. Он был помощником войты и подвойского в своем лавництве — части села в 20—30 дворов. В его обязанности входило: самому непосредственно выводить крестьян своего лавництва на работы (барщину и гвалты), расставлять их там и на месте следить за выполнением заданий. Наряжать людей в очередь на стражу ко двору и в подводы. Раз в неделю он должен подавать двору рапорт о выполнении работ каждым крестьянином его лавництва, а каждый вечер информировать войты и эконома о ходе работ. Лавник следит за поддержанием порядка на своем участке.

Самой низшей фигурой сельской администрации был десятник. Устава 1557 г. их совсем не предвидела. По ней лавник и десятник — одно лицо.

Усложнение функций сельской администрации в связи с развитием барщины повлекло и увеличение ее представителей.

Обязанности десятника в королевских селах, а в известной степени и в частновладельческих, были следующие¹:

Следить, чтобы люди его десятка посещали костел. Если село лежало от костела не далее мили, то наименее по 1 человеку с десятка каждое воскресенье, если далее, то лишь в большие праздники. Чтобы, по крайней мере, 1 раз в году все население его десятка исповедывалось и причащалось.

Следить за населением и внушать ему, чтобы оно не нарушало моральных и административных норм и честно выполняло свои повинности по отношению к двору.

Объявлять и организовывать дворовые работы и повинности его десятку и следить за их выполнением.

Следить за состоянием каждого крестьянского двора, его хозяйством и населением. Начиная от внешнего вида крестьянских усадеб, качества сельскохозяйственных работ на своих и дворовых полях и кончая внешним видом людей

¹ Там же, арт. 15. Jankowski, Powiat Oszmiański, W., 1896 CZ III, s. 92—93.

(чтобы никто из них не ходил грязными и оборванными) и их поведением (не отлучаться из села, не одалживать зерно у посторонних людей, не пить в чужой корчме и т. п.).

Следить, чтобы работы и повинности, причитающиеся с его десятка согласно инвентарю (копия с которого хранится у него), были выполнены и чтобы больше этого никто не требовал, как и не присваивал их себе.

О всех случаях нарушений, как и о всех жалобах и просьбах крестьян немедленно доносить эконому, а в случае неоказания справедливости — губернатору.

Крестьянские власти, кроме административных функций, выполняли и мелкие судебные. Это преимущественно пограничные споры и нарушения порядка. Основным же судьей в поместье, где не жил хозяин, был эконом, на решение которого можно было жаловаться владельцу имения — магнату или губернатору, или вице-администратору в королевских экономиях.

Еженедельно и ежемесячно, согласно инструкции скарба в экономиях, проводились «сессии» всей администрации ключа, на которых делались отчеты за прошлое и наметки на будущее.

Так стройно выглядела деятельность администрации, конечно, лишь в инструкции, в жизни это было проще. Все же содержание деятельности администрации отражено правдиво. Исключение составляла защита крестьян. Против эконома или старост крестьянские власти выступали очень редко. Известны случаи, когда крестьянские власти под давлением администрации имения давали расписки в том, что община отказывается от тяжбы в суде, а то и предъявляли требование наказать бунтовщиков.

Резюмируя инструкцию, можно сказать, что функции всей крестьянской администрации сводились, в основном, к обеспечению двора рабочей силой и скрупулезному административно-полицейскому надзору за населением. Собственно говоря, опека и надзор господского двора за крестьянским хозяйством служили той же цели, ибо это была забота о том, чтобы крестьянский двор имел живой и мертвый инвентарь, необходимый для работы в фольварке, а хозяин, разорившись, не ушел бы с надела. Защита населения носила характер просьб к эконому и очень редко — борьбы с ним, т. е. жалоб на него высшей администрации.

Вся поместная администрация, от вице-администратора экономии до сельского десятника, должна была заботиться, чтобы «скарб не понес какого-либо ущерба в своих доходах»¹,

¹ W. Kula, *Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w.*, s. 360.

этой заботе было подчинено все (в т. ч. и функции духовной полиции). Положение крестьянской общинной администрации было близко к положению дворовой администрации, особенно в частновладельческих поместьях. В последних Рутковский обоснованно считает, что «сельскую администрацию лишь в известной степени можно считать за представительницу крестьянского населения»¹.

Крестьянская администрация обычно избиралась из числа кандидатов, выдвигаемых местным населением². Десятники иногда назначались самим войтом³. Устранить кого-либо из крестьянской администрации ключевой эконоом мог лишь с согласия комиссара⁴.

Остается неясной роль общины и ее администрации относительно «коммунальных» касс и магазинов там, где они были. На ком лежало ведение дел в них, кто распоряжался выдачами из них. Ни в инвентарях, ни в Уставах прямых ответов на эти вопросы нет. Судя по недружелюбному отношению крестьян к этим учреждениям, они смотрели на них как на затею двора, как на лишнее обременение, а не близкое им дело. Руководящая и решающая роль в них, можно думать, принадлежала дворовой администрации⁵. Крестьянские кассы и магазины не представляют собой какую-то лишь королевским экономиям присущую форму взаимопомощи. Их встречаем и в крупных частных владениях. Вот что сообщает о них в поместье Семятичи (Подлясье) Любомирский⁶. Здесь был сельский магазин, каждый хозяин ежегодно вносил в него 8 гарнцев, доводя свой взнос постепенно до 8 корцев. Восьмую часть крестьянского взноса давал двор из своих ресурсов. Был учрежден госпиталь для больных и калек, содержавшийся из запасов магазина. Здесь же была организована и касса. Двор дал Уставный капитал, а остальное собирали с крестьян следующим порядком:

- а) сюда поступал доход от общинной пасеки;
- б) % % от ссуд;
- в) выручка от продаваемого из магазина зерна;
- д) 50 % от приданого невест в деньгах.

Председатель правления кассы избирался из крестьян и утверждался двором. Община давала разрешение на ссуду, она же решала вопрос об отсрочке платежей.

¹ J. Rutkowski, *Studia...*, s. 114.

² ABK, XXXV, 51.

³ ABK, XXV, 545.

⁴ *Instruktarze...*, I, s. 224.

⁵ См. T. Lubomirski, *Rołn. ludność* (Bibl. Warsz., т. IV за 1858 г. s. 637), М. В. Довнар-Запольский, стр. 58.

⁶ Там же, 671—2. Подобные магазины были в поместьях Чарторийских, Хрептовича, Яблоновской и др.

Настороженное и недоверчивое отношение крестьян к созданию общинных фондов часто объясняется еще и тем, что собранные с крестьян добытые горьким трудом ценности двор нередко «взаимообразно» (чаще всего безвозвратно) забирает на свои нужды, или в порядке репрессий покрывал ими крестьянские недоимки, а еще чаще их расхищали крестьянские и дворовые власти. Известны жалобы крестьян (в т. ч. по Шяуляйской экономии) на войтов за то, что они используют средства общины для личного обогащения.

Общинную организацию наблюдаем не только в столовых экономиях, но и староствах. В инвентарях некоторых из них — Ретавском (можно думать, что это имело место во многих, если не во всех) сохранились специальные положения — инструкции для сельской администрации. В Ретавском старостве¹ (волости) во главе крестьянской администрации стоял лантвойт, руководивший деятельностью войтов. Он созывает совещание войтов, на которых является председателем. На совещаниях обсуждаются общие крестьянские дела, главным образом повинностного порядка: поставка «фабрикам» сырья, дров двору, починка дорог и мостов, содержание наместника и разные непредвиденные раскладки и сборы.

Собранные по раскладке деньги войты вносили в общинную кассу, из которой никто из них, как и лантвойт, не мог брать денег на расходы без ведома и согласия других.

Раз в год лантвойт вместе с войтами отчитывался перед собранием крестьян в раскладках и расходах собранных общинных денег. Такие же совещания созывались в случае постройки или восстановления корчем, мельниц, для раскладки работ между войтовствами, селами и дворами.

Лантвойт и войты должны наблюдать за выполнением крестьянами Уставы, понуждать их к этому, а непослушных представлять двору для наказания.

Лантвойт дважды в год объезжает волость и проверяет, хорошо ли войты управляют, не чинят ли над крестьянами насилий и злоупотреблений, в порядке ли села, постройки в них и изгороди, мосты и дороги и т. п., докладывая о всем виденном администрации двора.

Лантвойт обязан собирать войтов вместе с уполномоченными от крестьян по войтовствам для рассмотрения взаимных претензий, проверять их, не допускать использования войтами общественных сумм на свои нужды.

Дважды в год лантвойт собирает крестьян всей волости для разъяснения им Уставы на «жмудском» языке. Последнее,

¹ АВК, XXV, № 11, стр. 546—547.

конечно, относится лишь к старостам, расположенным в Жемайтии.

В своей деятельности в старосте войты опирались на помощь десятников, которые избирались в каждом селе из лучших «заможнейших хозяев»¹. Каждый из них раз в неделю докладывал войту о том, как крестьяне его десятка выполняют свои повинности, как они ведут свое хозяйство, «как обрабатывают землю, сеют яровые и озимые и т. п.».

Десятники наблюдают, чтобы крестьянские постройки были покрыты, усадьбы огорожены. «Словом, чтобы села имели хороший хозяйственный вид».

Кроме десятников, были еще подвойские, а также «крестьянский писарь»², но об их функциях Устава умалчивает.

О вознаграждении крестьянской администрации Устава ничего не говорит. Судя по инвентарю, чинш они платили. Можно думать, что они были освобождены от работ и других повинностей, как в столовых экономах.

Крестьяне, согласно Уставу, должны оказывать «своим крестьянским руководителям» должное внимание и почтение и выполнять их распоряжения. Оскорбивший их грубым словом наказывается трехдневным заключением на хлебе и воде.

В Ретавском, как и в других старостах, также часты случаи, которые мы наблюдали в королевских экономах, а именно: что крестьяне общиной держат не только выпасы, а и сенокосы, и пустые волокы за плату, которую они вносят «огулом»³. Здесь же встречаются случаи, когда крестьяне общиной выкупали свои повинности работой⁴. Государственные повинности крестьяне сами раскладывали и собирали⁵.

Сведения о жизни крестьянских общин в частновладельческих поместьях весьма скупы, да и те почти исключительно касаются магнатских владений.

Так, в поместье Сапег Шклове общины держат «на себя» волокы, застенки как полевые, так и сенокосные, а также выпасы. Эти общинные угодья иногда были весьма обширны — до 22 волок⁶.

Крестьянские собрания могли созываться и происходить лишь с согласия и в присутствии войтов и лавников⁷. Иногда в крупных владениях господа допускали судопроизводство

¹ АВК, XXV, № 11, стр. 545—6.

² АВК, XXV, стр. 525.

³ Там же, стр. 509, 512, 513, 516, 519, 526.

⁴ АВК, XXV, стр. 515.

⁵ Там же, стр. 527.

⁶ I. Wapowski, *Wieś i folwark*, s. 260.

⁷ Там же, стр. 262.

самой общины через свою выборную администрацию, но лишь по делам, не имеющим прямого отношения ко двору.

Как сообщалось выше, во всех частновладельческих поместьях, где проводились реформы, значительное развитие получила и общинная жизнь: общинная администрация, общинные угодья, повинности, кассы, магазины, школы, госпитали, суд и т. д.

О функции общины у Хрептовича сказано: «Платеж государственных податей и сборов, сдача рекрутов, содержание больницы, лекаря и аптекаря, ссыпка страхового крестьянского амбара, починка дорог, перевозка военных команд и тяжестей, перевозка арестантов, а равно доставка земской почты должны выполняться самими крестьянами»¹.

За свою деятельность войты и лавники освобождались от работ. Но такое положение было далеко не везде в частных поместьях. Нередко войты несут повинности наравне со всеми крестьянами². Иногда встречается войт совсем без надела. Он наравне с дворовой челядью получает ординарию продуктами и деньгами — 30 зл., а подвойский — 20 зл.³

Из Ретавской Уставы, как и из других материалов, нетрудно заметить, что община и ее администрация несли, главным образом, повинностные функции. Община была под строгим надзором и опекой дворовой администрации, но в свою очередь и сама опекала своих членов и следила за ними.

В XVIII веке, который Рутковский считает временем глубокого упадка роли общинной администрации в Польше⁴, замечается тенденция феодалов усилить повинностной характер общины, сделать ее, как это было в ранний период феодального строя, ответственной за исправное поступление причитающихся с ее населения повинностей. В связи с этим нередко расширяется право крестьянских общин на раскладки, сборы, продажи имущества неплательщиков с публичного торга и даже изъятие у систематических неплательщиков их наделов и выселение их из общины. Что вызывало такую тенденцию? Этот вопрос требует специального изучения. Я попытаюсь ответить на него лишь в общих чертах.

Вторая половина XVII в. и начало XVIII в. с их острыми формами классовой борьбы, со стихийными и социальными потрясениями принесли помещному хозяйству очень много новых тяжелых хлопот, повинностей и платежей, к тому же требующих экстренного взноса. Они предъявлялись к владель-

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, № 177.

² АВК, XXXV, №№ 26, 38, 69; XXXVIII, № 20.

³ АВК, XXXV, № 46.

⁴ Studija, s. 112.

цу или дворовой администрации и должны были вноситься ими.

Принять на себя эти расходы феодал не имел никакого желания. Сбирать их с каждого крестьянина отдельно было сложно и долго, в особенности в крупных поместьях. Нужно было хорошо знать экономическую мощь каждого крестьянского двора. Могли появиться недоимки, кто их в таком случае и как будет покрывать?

Удобнее и выгоднее было возложить все это вместе с ответственностью на общину.

Такой вывод часто делали воинские отряды, которые, минуя господ, налагали контрибуции прямо на крестьянские общины.

Экономическое разорение и последующее восстановление поместного хозяйства принесли с собой новые трудности и задачи поместному хозяйству. Появились систематические, из года в год варьирующие в своих ставках государственные повинности: гиберна, подымное, поголовное, их нужно было раскладывать, собирать. Лучше всего это могла сделать община.

Разрухи дезорганизовали хорошо налаженную систему питейных и торговых сборов. Найти новых арендаторов или вести их своим аппаратом в таких условиях было трудно и рискованно. Но не пропадать же поместным доходам! И эти сборы (сухие, корчемные аренды и т. п.), как это было ярко показано на примерах экономии, были возложены на общины.

В результате разрухи в поместьях появилось много пустующих земель. Разоренные крестьянские семьи не могли поднимать целые держания, не хотели становиться в прямые повинностные отношения ко двору. Выходом стала община. Она принимала на себя часть, а то и все пустоши за определенную сумму, а внутри себя налаживала их использование.

Это иногда было удобно и выгодно и крестьянам, ибо избавляло их от излишних обременительных визитов дворовой администрации или кровопийц-арендаторов, корчмарей и т. п.

Когда началось восстановление, а позже и строительство новых поместных предприятий: мельниц, корчем, лесопилок, бумажных мануфактур и т. п., то оно велось силами крестьян. Привлекать к этому делу индивидуально каждый двор было весьма хлопотно, требовало от поместья большого аппарата и не давало уверенности, что все поступит полностью.

Такое же положение сложилось, когда нужно было наладить снабжение двора, его предприятий сырьем, материалом и дровами. Удобнее и выгоднее всего оказалось возложить это на крестьянские общины.

К этим мотивам по мере истощения индивидуального крестьянского хозяйства прибавились и другие соображения. Крестьянское деградировавшее хозяйство не выдерживало возлагаемых на него повинностей и платежей. Измельченное, разоренное, оно все чаще становилось неисправным плательщиком, увеличивая недобор в поместных доходах, мало того, оно ложилось бременем на феодала, ибо требовало для поддержания своего существования льгот, а то и помощи скотом, лесом, хлебом и т. п.

Выход был снова найден в лице общины, ее делают ответственной за неисправных по неуважительным причинам плательщиков. На нее же были возложены тяготы помощи бедноте путем постройки и ремонта ее зданий, безвозвратных ссуд в голодные годы и т. п.

Таким образом, преимущественно фискальные соображения толкали феодалов на путь расширения повинностной функции общины. Ее используют как удобную форму для увеличения общего повинностного бремени крестьян, для их эксплуатации.

По тем же соображениям оживилась и замершая было деятельность копного суда¹.

Конституция 1768 г. отняла у патримониального суда право смертных приговоров. О копных судах конституция умалчивала.

Это давало возможность шляхте путем сговора между собой и давления на своих крестьян осуществлять через арханческий суд копы свои решения. В этом отношении показателен суд копы от 24 января 1773 г. в поместье Калужницком. Вот как говорится об этом в судебной записи²: «Мы, мужи с окрестных сел и волостей, позванные на суд копы, собрались... на месте судовом, т. е. во дворе калужницком по приглашению письмами от его владельца... для осуждения злодея, посягнувшего на поддирание чужих пчел на имя Дениса Будника... Он с компанией поддирал пчелы не только у крестьян, но и у соседних шляхтичей».

Копя на жалобы крестьян и «двора Ушанского» «... Согласно воле самого его милости пана стольника минского...» (владелец поместья) осудила Д. Будника на повешение «на границе Калужской с добрами Ушанскими». Приговор подписан собственноручными крестами крестьян, приглашенных на копу. Внизу подпись: «Тивун двора Калужского».

¹ Д. Похилевич, Селянська громада після аграрної реформи Сигизмунда-Августа (Наукові Зап. Львівського Держ. Університету, т. X, 1948 г.).

² Археографические сборники документов, относящихся к истории северо-западной Руси, т. III. Вильно, 1867 (далее А сб. с-з Р), № 107.

Нетрудно видеть, что весь суд был делом рук Калужского двора, который, как и соседние, страдал от воровства Будника. Соседние крестьяне были приглашены письмами владельца Калужского поместья. Согласно его воле (ему принадлежал Будник) было вынесено решение. Его же тиун скрепил и подписи крестьян. Этот случай, нужно сказать, далеко не единичен.

Усилившийся интерес к общине нашел свое выражение в практике референдарских судов, подводивших правовое основание под деятельность общинной администрации.

Согласно их постановлениям¹, общины раз в году, перед днем св. Мартина, должны собраться для избрания двух кандидатов на должность войтов, одного из которых и утверждала администрация поместья.

Если войт устранялся администрацией за плохую деятельность до окончания срока, то созывалось собрание общины для выборов новых кандидатов.

Таким же образом для помощи войту избирались двое присяжных — лавников.

На собраниях войты отчитывались в своей деятельности, главным образом, в собирании и расходовании общественных средств.

Несколько была расширена судебная деятельность войтов. Они с присяжными разбирают дела о потравах, межах и другие мелкие споры между крестьянами. Крестьянские власти часто уполномачивались раскладывать и собирать государственные подати и дворовые дани.

На их постановление можно было апеллировать к администрации поместья.

Собственно говоря, ничего особенно нового это положение в королевщинах по сравнению с XVI в. не принесло, а лишь еще раз в виде общего для них всех акта подтвердило те положения, которые существовали в экономах в виде Устав или инструкций.

Можно говорить даже о возросшей зависимости крестьянских властей от дворовой администрации по сравнению с Шяуляйской Уставой 1640 и последующих годов и даже с Уставой 1557 г. По ним, как избрание войта, так и его низложение производилось с санкции ревизора, лица, представляющего скарб и не зависимо от дворовой администрации. Теперь же это производилось последней. Раньше войты могли (де-юре) опротестовать деятельность дворовой администрации, следить за правильным выбором судебных вин и т. п., а теперь

¹ J. Rutkowski, *Historia gospodarcza Polski*, W., 1953, s. 223, 224.

об этом ничего не говорится. Несколько расширились лишь судебные функции.

О практике этого нового положения в некоторых государственных поместьях уже сообщалось, в частности, в Ретавском старостве.

Приведенный выше материал убедительно говорит о том, что крестьянская община, хотя и под барской опекой, но просуществовала в Литве и Белоруссии до конца феодального общества. Больше того, к концу его существования она даже несколько оживилась¹. Нетрудно видеть, что в это время в ее деятельности вырисовываются и новые черты, новые заботы, новые учреждения, такие как кассы, магазины, школы, врачебные учреждения и т. п., свидетельствующие о новых веяниях, о новых направлениях в общественном развитии, а, главное, о новых тяготах. Развитие товарного хозяйства влекло за собой обострение внутренних противоречий в деревне, но по отношению к господину в основных вопросах ее жизни она сохраняла и далее свою внутреннюю солидарность.

¹ Рутковский, изучив положение крестьян в Короне во второй половине XVIII в., констатирует, что «Патримониальный суд и большие правовые возможности дедича не задавили известной самостоятельности общины». (Studija, 118.)

Глава V

НАЕМНЫЙ ТРУД

§ 1. НАЕМНЫЙ ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Вопрос о применении наемного труда в сельском хозяйстве в феодальную эпоху до недавнего времени мало привлекал к себе внимание исследователей.

Причиной этого было несколько упрощенное представление о временах крепостничества и барщины, как о периоде, когда в наемном труде не было нужды. Немногочисленность наемных рабочих, скудость источников по этому вопросу также не могли содействовать его изучению.

Однако положение несколько изменилось в последние годы. Интерес к генезису капитализма в сельском хозяйстве Восточной Европы много этому содействовал. Не обошлось и без перегибов. Товарность сельского хозяйства, денежная рента, дифференциация крестьянства и наемный труд в сельском хозяйстве феодального поместья толкнули некоторых исследователей (Нихтвейс, Паха и др.) на поспешные выводы о формировании уже в XVI—XVII столетиях в сельском хозяйстве стран на восток от Эльбы капиталистического уклада.

Вопросу, который нас интересует, посвящена лишь одна монография, специальных же статей совсем нет. Исключение составляют тезисы доклада М. А. Ючас (Институт истории АН Литовской ССР) на четвертом симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы¹. Упомянутая уже выше работа А. Жабко-Потоповича², написанная на богатом архивном материале, не потеряла своего значения и сегодня. Приходится сожалеть о том, что второй половине XVIII ст. в ней отведена лишь одна глава, и о том, что работа построена почти исключительно на материалах староств и держав. Дело в том, что держатели этого рода дабы уменьшить «квартиру» в пользу государства, преувеличивали роль наемного труда.

¹ М. А. Ючас, «Наемный труд в литовской деревне XVIII в.», Тезисы докладов и сообщений, Рига, 1961.

² A. Zabko-Potopowicz, *Praca najemna i najemnik w rolnictwie W. Ks. Litewskim w XVIII w.*, W., 1928.

Источники, проливающие свет на интересующий нас вопрос, — инвентари, люстрации и хозяйственные счета, — дают очень скудные сведения и то лишь о наемном труде в господском хозяйстве. Общее впечатление от материалов, как и теоретические соображения, приводят к мысли, что постоянный наемный труд в крестьянском хозяйстве в феодальную эпоху, в т. ч. и во второй половине XVIII в., как правило, не был распространенным явлением. К такому выводу пришел и М. В. Довнар-Запольский, изучивший не одну тысячу крестьянских дворов¹, а также и М. А. Ючас. В своем докладе, написанном, в частности, на основании материалов 185 частновладельческих имений (что делает его особенно ценным), он утверждает: «Наем более широко начинает применяться в литовской деревне только в последней четверти XVIII в.»

Этот вывод упомянутых авторов мне кажется в общем правильным, хотя и несколько общим. Он требует дифференциации как во времени, так и в пространстве. В XVII в. наемный труд в крестьянском хозяйстве использовался меньше, чем в XVIII, а во второй половине этого столетия — больше, чем в первой. На территориях с развитыми товарно-денежными отношениями он получил большее развитие, чем там, где они были слабыми, и т. д. В некоторых приведенных нами выше экономиях, староствах и частновладельческих имениях наемный труд в крестьянском хозяйстве довольно распространен. Это, например, можно сказать о Ракантишском старостве, где из 33 боярских хозяйств $\frac{3}{4}$ нанимало паробков, девок или пастухов и даже по 2—3 человека. Так, боярин Мацей Субоч (семья 7 человек) держал двух паробков и двух девок². Количество земли у него не известно. Он имел 3 лошадей, 4 волов и 4 коровы. По характеру своей службы, как известно, он должен был часто отлучаться из дому. Другой боярин Мартин Вовк (семья 4 человека) держал 3 паробков и 3 челядниц. У него было 2 лошади, 4 вола и 1 корова. В этом старостве наемных работников держат и некоторые тяглые крестьяне. Так, Христина Цивинская, вдова, мать двоих детей, имевшая двух лошадей, 1 вола, 3 коров, держит паробка и пастуха. Михайло Ясиновский (семья 7 человек), имевший 2 лошадей и 4 волов, держит двух работников. Тут же Ян Пичук (семья 8 человек), имея 2 лошадей, 4 волов, 2 коровы, держит паробка и двух девок. Всего в 41 тяглом хозяйстве этого староства было 26 наймитов. В этом же старостве жило несколько арендаторов-шляхтичей, но в большинстве случаев наемных работников они не держали. Кроме того, здесь жило 27 семейств

¹ М. В. Довнар-Запольский, Социально-экономическая структура литовско-белорусской державы в XVI—XVIII ст., стр. 23.

² АВК, г. XXXVIII, № 45.

кутников. Возможно из их состава частично и комплектовались те работники, о которых говорилось выше.

Далеко не всегда крестьяне, имевшие полный надел и 4—6 голов рабочего скота, используют наемную рабочую силу. Для примера можно привести в том же старостве боярина Якуба Озевича. Он женат, имеет 3 дочерей и двух братьев. У него 2 лошади, 4 вола и 3 коровы. Подобный пример представляет собой и семья боярина Доминика Саминовича. Тяглые крестьяне этого староства при наличии 4—6 голов рабочего скота часто нанимают работника. В этом старостве есть лишь один случай, когда тяглое хозяйство, имевшее, возможно, половину надела, (в приведенных выше примерах все хозяйства были полнонадельные) при двух лошадях и 2 волах, при семье в 7 человек, в т. ч. двое женатых, не имело наймита. К подобным выводам приводят и материалы, приведенные М. А. Ючасом. Из 452 крестьянских дворов, имевших наймитов, 47 были на чинше, для 152 рента неизвестна, 253 — ходили на барщину¹.

В Ретавском старостве, где население состояло из бояр и земян, людей зажиточных, не случайно было так много кутников — 189 единиц. Они составляли 30% по отношению к крестьянским хозяйствам этого староства. Во второй половине XVIII в. здесь было 538 боярских дворов, надел которых составлял около волоки, и 73 земянских двора с наделом от 1 до 2,5 волоки. Совершенно понятно, что такое хозяйство обычная семья своими силами вести не могла. Она вынуждена была нанимать не только сезонных работников, но и содержать постоянных, к тому же не одного, а, по аналогии с Ракантишкским староством, можно думать, трех-четырех. Вот тут-то и пригодились кутники. Правда, многие из них занимались ремеслом, но часть нанималась время от времени, о чем упоминается в инвентаре.

Кроме кутников, которых инвентари регистрировали, ибо с них взималась подать, было, видимо, и немало годичных паробков и девок, которых инвентари не учитывали, ибо они были свободны от государственных и дворовых повинностей.

Упомянутые выше два староства не были исключением. М. А. Ючас приводит данные по 8 староствам Вилькомирского повета за 1789 г., где в 2043 крестьянских дворах было 1564 наемных работника. И в королевских экономиях, и в частных имениях в это время можно часто встретить бедных малоземельных, а то и безземельных крестьян рядом с богатыми, пол-

¹ М. А. Ючас. Тезисы докладов и сообщений, стр. 111.

новолочными. Возьмем хотя бы Шяуляйскую волость той же экономии. Здесь на крестьянское хозяйство в среднем приходилось больше, чем по целой волоке земли. Лишь за $\frac{1}{4}$ волоки они выполняли барщину, а за $\frac{3}{4}$ — платили деньгами. В волости развито скотоводство, в среднем на двор приходилось 4 головы рабочего скота, 2 коровы и много молодняка. Зажиточные крестьяне сеяли немало льна и часто сами возили его в порты на продажу. Неудивительно, что в этой волости (город и 19 сел) было 160 семейств (420 человек) кутников. Без всякого сомнения, здесь было немало и сроковых наймитов. Подобные картины можно видеть кое-где в других экономиях.

Картина в частных имениях, по данным М. А. Ючаса, была весьма разнообразна. В 185 изученных им имениях с 4798 крестьянскими дворами наймиты найдены лишь в 50 имениях с 1375 крестьянскими дворами. В 135 имениях их совсем не было. Я думаю, что было бы точнее сказать, что в инвентарях этих имений о них не было упомянуто, ибо невозможно допустить, что в 3423 крестьянских дворах 135 имений не было ни одного наемного человека. Правда, в юго-восточных районах Великого Княжества Литовского, со слабо развитыми товарно-денежными отношениями наем был менее распространен. В отдельных, благоприятных для зажиточного крестьянства имениях можно встретить довольно быстрый рост наемного труда. Так, в имениях Лепорай, Пошероксця, Повиршувя и Помучай в третьей четверти XVIII в. было 102 крестьянских двора с 88 наемными работниками, а в четвертой четверти — дворов стало 107, а нанятых¹ — 187. В имениях Довнаро и Олонет количество нанятых за 4 года выросло в 2—5 раз¹.

Из приведенных примеров можно сделать и некоторые общие выводы: крестьянское хозяйство, которое имело 4 и больше голов рабочего скота, а соответственно больше земли (около $\frac{3}{4}$ —1 волоки) и продуктивного скота, часто пользовалось наемной рабочей силой.

В Ракантишкском старостве также можно видеть примеры, когда крестьянское хозяйство, не имеющее скота, при семье в 7 человек все же нанимает работника. Это бывает в тех случаях, когда земли вдосталь, а члены семьи нетрудоспособные. Такие случаи трудового найма случались везде. В королевских экономиях мной была приведена даже отдельная категория крестьян — немощные. Это хозяйства малолетних, вдов или сирот. Их освобождали от барщины даже тогда, когда они имели скот. В некоторых селах эта категория хозяйств составляла до 12% от всех хозяйств села. Близкими к ним были

¹ М. А. Ючас, Тезисы докладов и сообщений, стр. 109—110.

хозяйства, называвшиеся «бесхозяйственными», а именно такие, владельцы которых не могли их вести своими силами. Иногда держали наймитов даже огородники. Не все приведенные выше хозяйства имели годичных работников, многие из них нанимали на сезон и поденно. Можно думать, что состав крестьянской семьи, трудоспособность ее членов при прочих равных условиях играли решающую роль в деле найма работника.

Кроме приведенных выше примеров, можно назвать ряд значительных территорий, где также упоминается о найме рабочей силы в крестьянских хозяйствах¹.

Название повоедств	Количество сел	Количество хозяйств	В них наемных рабочих
Жемайтійское	30	431	290
Троцкое	48	1242	419
В т. ч. в Кальварийской парафии	36	351	347
В т. ч. в 5 ключах Гродненской экономии	—	671	37
Виленское	19	249	73
Брестское	7	213	13
Новогрудское	Лишь общее упоминание о наемной силе		
Минское (ст. Луковское)	3	83	14

Эта таблица ни в какой мере не может служить для каких-либо широких обобщений. Все же она показывает, что наем в некоторых случаях принимал довольно значительные размеры, как это, например, имело место в Шяуляйском ключе и в Кальварии. Несколько слов о ней. В 36 селах этого прихода (парафии), кроме наймитов, жило 40 семейств кутников и 16 — огородников. Из 351 хозяйства 183 (т. е. 52%) держали челядь, а из них 24% держали по 3—5 наймитов². В ключах Гродненской экономии, как видим, челядь явление редкое, но в с. Сколубов из 15 хозяйств 7 имело работников³. О Шяуляйском ключе говорилось выше.

Приведенные материалы убеждают нас в том, что среди крестьянства, особенно в местах, благоприятных для торгово-промышленной деятельности, создавалась во второй половине XVIII в. прослойка хозяйств, систематически пользовав-

¹ Таблица составлена на основании материалов, собранных Жабко-Потоповичем в указанной выше работе, стр. 162—182.

² A. Zabko-Potopowicz, Praca najemna i najemnik w rolnictwie W. Ks. Litewskim w XVIII w., W., 1928, s. 165.

³ Там же, s. 167.

шихся наемным трудом. Больше того, вся система ведения хозяйства в них опиралась на наемный труд.

Нужно сказать, что наем (в фольварке, городе или у крестьян) для крестьян в это время не создавал какого-то чрезвычайного положения, он стал явлением довольно ординарным. Так, из 176 семейств Борисовского ключа Гродненской экономии 31 отпустило своих членов на службу. О выходе крестьян на заработки узнаем из их жалоб королю¹.

Что представляли собой наймиты по возрасту? Возраст наймитов по подсчетам Жабко-Потоповича колебался от 9 до 52 лет. Большее количество паробков имело от 18 до 25 лет, девок — от 15 до 21 года, а пастухов (пастушек) — от 11 до 14 лет. Женатые или замужние среди челяди — явление редкое. Возникает вопрос, а куда же девались челядники, когда они выходили замуж или женились? Если при этом они не уходили на собственное хозяйство, то переходили в кутники.

Челядь, как правило, набиралась из семейств бедных крестьян, огородников или кутников как своего села, так и чужих. На это имеются прямые указания в документах. Нельзя не обратить внимание на то, что в местностях, где население жило зажиточней, наймитов было больше. Последние происходили в значительной степени из других местностей, где население жило бедней. Так, кутники (а возможно и наймиты) в Ретавском старостве и Шяуляйском ключе были почти все пришлые. В Луковском старостве все паробки, за исключением одного, посторонние². Это говорит о том, что наемный труд в крестьянском хозяйстве был распространен далеко не равномерно по территории страны, что при общем обеднении населения, которое происходит в это время, были места, где крестьяне жили зажиточнее и пользовались наемным трудом.

Значительным резервуаром наемной силы были «люзные» или, как их еще звали, «гультян». Состав их был весьма пестр. Тут можно было встретить профессиональных нищих и бродяг, нанимавшихся на работу неохотно и на короткое время, но были также ремесленники и сельская беднота, жившие исключительно заработками. Пополнялась категория люзных беглыми крестьянами и мещанской беднотой, дезертирами, даже голытьбой из шляхты. Фактически это были люди вольные. Бродили они по всей стране, уходили и за границу. Должен, однако, сказать, что в Белоруссии и Литве их было меньше, чем в коренной Польше.

¹ W. Kula, Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w., ss. 354, 355, 357 и др.

² A. Żabko-Potopowicz, Praca najemna i najemnik w rolnictwie W. Ks. Litewskiego w XVIII w., s. 177.

Значительно в большей степени, чем наем работника на год, был распространен наем на сезон (лето), или на несколько дней. Источники об этом виде найма еще более скуны, чем о постоянном. Но такой вывод напрашивается сам собой. Если немало хозяйств нанимало себе в помощь постоянного работника, то еще больше выходило из затруднительного положения путем найма лишь «на горячее время». Об этом же свидетельствуют массы кутников, халупников и бобылей, которые и жили, главным образом, таким наймом.

В поместьях, где широко было поставлено промышленное производство и фольварочное хозяйство, дорожили возможностью найма. Так, в королевских экономиях преследовался выход на заработки на сторону. Крестьянскую общину заставляли отработывать гвалты и шарварки за ушедших. С той же целью обеспечения себя рабочими руками крестьянам весной давались ссуды хлебом с условием отработки их летом¹. Казалось бы, крестьянину было безразлично, где зарабатывать, но секрет был в том, что у себя в экономиях платили меньше, иногда засчитывали в барщину, а то и совсем не платили².

О широком распространении сезонного и поденного найма свидетельствует и наличие цен на рабочие руки, которые находим в любой местности. Примеры их приводились много раз выше. Зимой рабочий день на хозяйских харчах ценился вдвое дешевле летнего. Наиболее дорого платили работникам в Жемайтии, дешевле — в Виленском воеводстве и восточной Белоруссии. При принудительном найме платили меньше, чем при вольном. Во второй половине XVIII ст. в Белоруссии и Литве уже не встречаем в таком открытом виде, как это было в XVI в., своеобразную форму феодального найма, получившего в литературе название «крестьянские вассалы». Она заключалась в том, что богатые многоземельные крестьяне садили на своей земле подсоседков, заградников, обязанных в пользу своего хозяина разными повинностями, в т. ч. работой. В Прибалтике, польском Поморье и Пруссии она еще сохранилась.

Исчезла к этому времени на территории Белоруссии и Литвы и большая, сложная семья, в которой одинокие или малосемейные бедняки находили себе пристанища на положении потужников, товарищей и т. п. Развитие товарно-денежных отношений делало свое дело. Формы феодальной взаимопомощи и натуральных отношений ослабевали и постепенно исчезали. Взаимоотношения все больше оголялись, приобретая товарный характер. Все же еще много сохранилось от феодального строя, в лоне которого и происходил наем. Так,

¹ W. Kula, Szklíce o manufakturach w Polsce XVIII w., ss. 354, 355, 362 и др.

² Там же, стр. 357.

хозяева, у которых не хватало рабочего скота, объединялись для обработки земли, выполнения подводной повинности и т. д. Семьи, не имевшие совершенно рабочего скота, за обработку своей земли упряжкой отработывали на сенокосе, в жнива или на молотбе, а иногда отдавали за это кусок своей земли в годичное пользование. Довольно распространенной была плата за работу частью урожая. Община никогда не платила своим членам за общепользные работы деньгами. Они выполнялись в очередь или «толокой», или «шарварком», т. е. сообща. Но даже в тех случаях, когда община нанимала за деньги сторожей или челядь для двора, такой наем не носил капиталистического характера.

Выше уже сообщалось, что кутники часто получали у зажиточного крестьянина не только угол или комору, а и кусочек земли, сарай для скота, а за это помогали ему в хозяйстве или ходили за него на барщину. Случалось, что пан присоединял надел обедневшего сироты к хозяйству зажиточного крестьянина. Последний должен был помогать ему лошадьми, а сирота — помогать своим трудом. Землевладелец, заинтересованный в барщине с упряжкой, охотно при случае помогал зажиточным крестьянам не только волами, но посылал также девку или паробка. Во многих имениях существовал порядок, по которому каждый парень и девушка должны были известное время за харчи и одежду поработать во дворе или у богатого крестьянина. Чтобы проучить бесхозяйственных крестьян, их часто забирали во двор на тяжелые работы, а в их хозяйства временно посылали дворовых челядников¹. Все это феодальные формы найма. Такие же черты имел наем и в тех случаях, когда вознаграждение (обычно годичным и сезонным) в значительной степени выдавалось натурой — харчами, одеждой, обувью.

Использование наемных рабочих в крестьянском хозяйстве в феодальную эпоху было теоретически обобщено К. Марксом в его учении о феодальной земельной ренте. В. И. Ленин, развивая это учение, писал, что у крестьян, уже при ренте продуктами, появляются значительные экономические различия, а у некоторых из них даже возможность эксплуатировать чужой труд. Однако развиться такие зачатки их разложения могут только при денежной ренте. Превращению же «натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком

¹ Cz. Jankowski, Powiat Oszmiański, s. 125

(rentepflichtigen) крестьян развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих...»¹.

§ 2. НАЕМНЫЙ ТРУД В ГОСПОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Перейдем к вопросу о наемном труде в господском хозяйстве. Начнем с полеводства, в котором работы всегда выполнялись барщиной, а наемный труд занимал мизерные позиции. Изучение вопроса затрудняется тем, что при составлении инвентарей имений сведения в них о наемной челяди, а тем более о сезонных рабочих, часто опускались. Остается, правда, косвенная возможность выяснения положения — это учет потребностей фольварочного производства в рабочей силе и количество труда, которое он получает путем барщины. Однако и здесь не всегда нам известны все необходимые факторы.

В результате этого положение с наемной силой в полеводстве в старостах и державах в 80 гг. XVIII в. выглядит довольно жалко².

Название воеводства	Колич. поместий	В них наемников		Примечание
		постоян.	сезон.	
Тракайское	9	18	5	Плюс означает, что в инвентаре упоминается о наемной рабочей силе, но без точного обозначения ее количества
Жемайтйское	9	15	+	
Виленское	5	9	+	
Новогрудское	2	2	+	
Брестское	2	+	+	

Положение в натуре было весьма разнообразное. Для ясности приведу несколько примеров. Держава Янишки (Виленское воеводство)³. Посев исчислялся 16-ю бочками. Было здесь 12 дымов, обремененных двумя днями барщины в неделю. Кроме этого, пользовались трудом трех наемников.

Держава Ковали (воеводство Новогрудское)⁴. Посев равнялся 10-ти бочкам. Поданных нет, землю обрабатывали наемники. Подобная картина была в фольварке Сашевском, в войтовстве Виштитис и державах Мустейкяй, Дятел, Ракишки и др.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 143—144.

² Материал взят у Жабко-Потоповича, стр. 128—135.

³ Там же, стр. 131.

⁴ Там же.

Иногда в инвентарях упоминается, сколько денег пошло на оплату наемного труда. Так, в державе Свицершизна за год расходуется на наймитов 300 зл.; в державе Суторовичи на паробков и на уборку урожая расходовалось 268 зл.; в державе Радость лишь на уборку урожая выплатили 50 зл.; в державе Коськив за обмолот хлеба заплатили 30 зл. Значительные издержки в области полеводства, кроме уборки, производились еще на обмолот хлеба и его транспортировку к месту сбыта. Крупные имения (Гродненская экономия, имения Сапег и т. д.) имели даже свои речные флотилии со значительным обслуживающим персоналом. В тех случаях, когда сельскохозяйственную продукцию подвозили к портам по суше (Шяуляйская и др. экономии), там сверх обязательных крестьянских подвод часто нанимали еще десятки, а то и сотни за деньги. Шяуляйская экономия, например, ежегодно расходовала на это 17—20 тыс. злотых. За такую сумму можно было нанять до 2 тыс. подвод.

Чтобы иметь летом гарантированные наемные руки, помещики иногда шли на жертвы. Они сдавали крестьянам сенокосы и поля за третий сноп. В большинстве имений, главным образом в больших, наемный труд в полеводстве играл третьестепенную роль (Палиепай, Тиркшляй, Филиповско, Ятваж, Алькишкяй, Радость и др.), но там, где крестьяне сидели на чинше, или их было очень мало, наемный труд был основным в хозяйстве. В таких случаях хозяйства обзаводились некоторым своим живым и мертвым инвентарем. Все же, нужно сказать, что наемный труд применялся, как правило, только в тех случаях, когда без него нельзя было обойтись. В инвентарях часто так и говорится: «dla małości poddaństwa»¹. Если же была возможность избежать его применения, или хотя бы уменьшить, феодал делал все для этого. Шляхтич иногда готов был ограничиться меньшим размером фольварка (староства Макнюнай, Ужпаляй) лишь бы не нанимать паробков.

Одним из средств вытеснения наемного труда было увеличение барщины, даже за счет других повинностей. Этим феодал старался обеспечить себя дешевой рабочей силой. Что барщина была основным фактором, тормозившим развитие найма в фольварках, свидетельствует реформа Хрептовича. До нее фольварки-поместья существовали на барщине, после того как барщина здесь была ликвидирована, 2 тыс. гектаров фольварочной пашни и сенокосов, молочная ферма, конный завод и овчарня обслуживались наемной рабочей силой — штат-

¹ Инвентарь державы Ляудишкяй. Подобное встречаем в инвентарях староств: Кербезов, Вешвенай, Следзко, Пойжнов, Якуни и др.

ной и сезонной. Лишь одни штатные рабочие давали господскому хозяйству до 25 тыс. рабочих дней. Много больше давали сезонные и эпизодические наемные работники. И все же господские фольварки не поглощали всю рабочую силу, которая могла и вынуждена была наниматься. Крестьяне нанимались на железодельный завод Хрептовича в Вишневе, где ежегодно зарабатывали до 3000 руб. серебром¹. Многие нанимались на сплав по Неману. Всего у Хрептовича было около 1700 дворов, из них 430 — огородников.

Если даже допустить, что часть населения на полевые фольварочные работы ходила в порядке принудительного найма, то все же многие нанимались в порядке добровольном. Таковыми в первую очередь были 430 дворов огородников, да еще кутники. Этого населения хватало не только господскому хозяйству, а и крестьянскому. В имении Хрептовича было около 200 крестьянских дворов, которые имели по 10—15 га земли и по 5—6 голов рабочего скота. Часть из них, как это мы видели в других имениях, наверняка нанимала постоянных и сезонных работников. И все же реформы Хрептовича, Бжостовского или Замоиского были единичным явлением. Шляхтич крепко держался за барщину, даже когда она была явно нерентабельна. По подсчетам Жабко-Потоповича в 17 имениях, инвентари которых сохранились за 1738 г. и за вторую половину XVIII ст., посевы выросли в 1,6 раза, а количество барщинных дней — в 2,3 раза². Стоимость барщинных дней в старостах Больницком и Талицком превышала стоимость продукции, созданной за это время, в полтора раза. В то время как передовая мысль второй половины XVIII в. всячески критиковала крепостничество и барщину, мелкая шляхта судорожно за нее цеплялась и даже идеализировала. В чем же причина? Я. Рутковский, а за ним и Жабко-Потопович³, считают основным препятствием для развития наемного труда в фольварочном земледелии, или, как пишет Рутковский, для «аграрного капитализма»⁴ низкие цены на хлеб и высокие цены на наемные руки. Однако такие соображения годятся для капиталистической экономики и не всегда годятся для феодальной. Их опровергает конкретная история. Так, в Великом Княжестве Литовском в первой половине XVIII в. средние урожаи составляли «сам 2», а во второй половине XVIII в. — «сам 3—3,5». Цены на хлеб за это же время вы-

¹ М. В. Довнар-Запольский, Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX вв. М., 1905, стр. 41.

² A. Zabko-Potopowicz, Praca najemna i najemnik w rolnictwie W. Ks. Litewskiem w XVIII w.

³ Там же, стр. 99, 140—147.

⁴ J. Rutkowski, Pańszczyzna i praca najemna, Poznań, 1928, s. 21.

росли примерно в полтора раза¹. В то же время, как это признает и Жабко-Потопович, барщина сильно потеснила наемный труд в фольварочном земледелии. Феодал свои экономические проблемы разрешал феодальными средствами. Трудно сказать, какие хозяйства преимущественно пользовались наемной рабочей силой. Одно ясно, что в староствах и державах, особенно небольших, ее нанимали чаще, чем в крупных, а тем более в частновладельческих имениях. Последние меньше пострадали во время разорения и имели больше средств для восстановления хозяйства. В малых державах сам посessor управлял хозяйством, и наймиты работали под его личным присмотром. Иногда у мелкого посессора не было иного выхода, как только вести фольварк, используя наемных людей, ибо подданных или совсем не было (Ковали), или было 2—5, труда которых не хватало, а на их чинши посessor не мог существовать. В малых хозяйствах удельный вес наемного труда был еще и потому большим, чем в крупных, что господин забирал относительно много земли под фольварк, как основу своего благополучия. В таких случаях малоземельные и безземельные крестьяне не могли поставить достаточно барщины, и фольварк вынужден был дополнять ее наемным трудом. К тому же шляхтич должен был обеспечить свою бедноту работой, в противном случае она уходила от него.

В условиях неустойчивых урожаев и такой же рыночной конъюнктуры, вести крупное хозяйство наемным трудом было рискованно. Это требовало не только крупных средств, но и большой массы, к тому же гарантированных, рабочих рук, оплачиваемых наличными деньгами. Если они были в наличии, то крупные феодалы переводили их на барщину, а когда их было недостаточно, то они предпочитали до известного времени держать крестьян на чинше, а пустые земли сдавать им или арендаторам за деньги.

Значительно прочнее, чем в полеводстве, держалась и даже развивалась наемная сила в других областях поместного хозяйства.

Как правило, квалифицированная постоянная рабочая сила на предприятиях (броварнях, винокурнях, мельницах, мануфактурах) и речном транспорте была укомплектована путем найма свободных или крепостных людей.

Выше приводился пример работы по найму на железодельном заводе Хрептовича. На канатной мануфактуре в Кричеве в 1786 г. работало 170 человек, там же была большая парусиновая мануфактура, кирпичный завод, верфь, где работали люди как по принудительному, так и по вольному

¹ J. Pele, *Ceny...*, tab. N 2.

найму. На парусиновой мануфактуре в Шклове в 1797 г. работало 255 рабочих. Подобная картина была на мануфактурах Радзивиллов, Сапег и др. магнатов. Изредка встречались мелкие купеческие мануфактуры и мастерские (кожевенные, свечные, мыловаренные и др.). Там работали только вольнонаемные.

Подобную картину видим и в отдельных отраслях фольварочного хозяйства, в особенности в животноводстве, птицеводстве, рыболовстве, садоводстве и т. п. Дворовая и личная прислуга господ была также в основном наемной. Кухарки, горничные, кладовщики, гуменные, пастухи, кучера, скотницы, птичницы, огородники, винокуры, пивовары, сыровары, мелкие служащие и т. п. были в подавляющем большинстве наемные¹.

Исключительный размах в привлечении наемной рабочей силы в поместное хозяйство можно видеть на примере королевских экономий, когда их держал Тизенгауз. Для примера я возьму Гродненскую экономию. Этот пример не типичен в отношении мануфактур, и я их брать не буду, но он близок к действительности в магнатских владениях в отношении фольварков. К тому же он показывает, что в феодальном поместье уже была рабочая сила и даже квалифицированная. На 1 августа 1780 г. в центральном управлении четырьмя экономиями были²: 1. Департамент канцелярии (бухгалтера и писари) — 36 человек. 2. Департамент интендантский (ключники, буфетчики, повара) — 68 человек. 3. Департамент Городницкого кабака (виноделы и солодовники) — 35 человек. 4. Департамент конюшен (конюхи) — 36 человек. 5. Департамент Городницкой фабрики (архитекторы, маляры, столяры, каменщики, штукатуры, механики и т. п.) — 205 человек. 6. Департамент лекарский — 36 человек. 7. Департамент землеустроительный — 44 человека. 8. Департамент искусств (строители) — 114 человек. 9. Прислуга — 21 человек.

Всего 596 человек с оплатой 160 тыс. злотых за год. Строителей было много потому, что в 70 гг. XVIII ст. в королевских экономиях шло большое строительство фольварков, мануфактур, предприятий и т. д.

Гродненская экономия для управления делилась на 6 губерний. Во главе их стояли губернаторы с оплатой 2751 зл. в год (в т. ч. натурой на сумму 749 зл.). При губернаторе было управление в составе канцелярии, бухгалтерии и специалистов (огородников, виноделов, солодовников и т. п.). Последние, вероятно, были не только инструкторами в своей отрасли, а и

¹ См. Довнар-Запольский, Социально-экономическая структура, стр. 13.

² Все материалы здесь и далее по Гродненской экономике взяты из Львовского отделения Государственного исторического архива, ф. 181, оп. 2, д. 1085, св. 106, лл. 3—42.

конкретными работниками в местных производствах. Губерния делилась на ключи (их было 38), во главе которых стояли экононы. Они, опираясь на помощь войтов и служащих (наместник, писарь, полевой, лесничий), руководили всем фольварочным хозяйством, сбором податей, судом и управой над населением. В каждом ключе были 1—2 фольварка, иногда еще мастерские или специальные отрасли хозяйства со своим наемным персоналом.

Как пример приведу состав служащих Каменского ключа Домбровской губ.¹ в 1780 г.

Служащие	Ординарии (классы)					Пенсия (юргельт) в зл.	Орди- нария в зл.	Всего
	экст- ра	1	2	3	4			
Эконом	1					290	749	1039
Регистратор						110	—	110
Дворник I			1			70	94	164
Дворник II		1				80	159	239
Господыня			1			40	94	134
Пастух I				1		40	74	114
Пастух II					1	35	61	96
Птичница					1	30	61	91
Скотница					1	30	61	91
Сторож ночной						40		40

В списках администрации и дворовой челяди этого же ключа показаны еще 10 человек, среди них дворник, господня, пастухи, скотницы, практикант, сторож, но оплата их не указана. Таким образом, в одном дворе число служащих и челяди составляло 20 человек. Однако это число служащих для разных ключей было разное. Так, в Стайновском ключе Кринской губернии в том же 1780 г. служащих и дворовой челяди числилось всего 8 человек².

Кроме известного числа лиц административного состава и служащих, при губернаторах и в дворах ключей было зна-

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 1085, св. 106, л. 9.

² Там же, ф. 181, оп. 2, д. 1034, св. 101, л. 6.

чительное число людей — ремесленников, разных специалистов. В документах они известны под названием профессионалисты. Это были люди, занятые в дворовом хозяйстве на разных работах: огородники, плотники, штукатуры, кровельщики и т. п. Как видно из каталога служащих и профессионалистов Домбровской губернии за 1780 г., эта группа людей составляла значительную цифру — 89 человек¹. Большинство из них получало пенсию и ординарию (сдельные получали только деньгами).

Специалисты	Ординария (классы)				Пенсия зл.	Ординария зл.	Всего зл.
	1	2	3	4			
Огородник	1				100	159	259
Столяр		1			70	94	164
Коваль		2			60	94	154
Плотник			1		60	74	134
Штукатур	1				96	159	255
Бондарь	1				80	159	239

Нетрудно видеть, что специалисты и оплачивались и кормились лучше, чем фольварочные служащие. В ординарию входили все виды продуктов, а для первого и второго класса еще водка и пиво. Ниже подается таблица месячной ординарии для разных классов². Количество служащих и работников

Классы ординарии	Рожь	Пшеница	Ячмень	Гречиха	Горох	Крупа	Водка	Пиво	Мука лучш.	Мука худ.	Масло	Приправа	Соль
	в гарницах								осьмина		фунты		кварта
I	16,5	1,75	4,75	4,5	1	4,5	0,5	30	1,5	1,0	12	6	2
II	15,5	0,75	4,75	4,0	1	4,0	15	15	3	1,0	—	5	2
III	15,5	0,75	4,75	4,0	1	4,0	—	—	3	1,0	—	5	2
IV	15,0	0,25	0,75	0,25	0,75	1,0	—	—	2,25	1,0	—	4	2

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 185, св. 106, лл. 7—8.

² Там же, д. 1035, св. 101, л. 84.

в Гродненской экономии (без центрального управления) составляло 606 человек, из них служащих — 63, профессионалистов — 543¹. В это количество не вошли лица, не получавшие ординарии. Таких было в Гродненской экономии около 100 человек. Так что общая сумма платных работников составляла почти 700 человек, а с центральным управлением — 1250.

В поместном хозяйстве того времени, кроме лиц, получавших ординарию и пенсию, были еще люди, выполнявшие функцию узких специалистов, такие, как мельники, винокуры, ковали и т. п., выделявшиеся из числа тяглых крестьян, сидящих на наделе. В ряде случаев в поместном хозяйстве можно встретить не столько служащих на ординарии, сколько крестьян-слуг на наделе. Их можно видеть даже на мануфактурах (радзивиловских). Это было не ново для поместного хозяйства. Оно знало крестьян-слуг почти с момента своего возникновения. Категория бояр-землян существовала до конца XVIII в., но слуги-ремесленники под нажимом развития товарно-денежных отношений исчезали на протяжении XVI—XVII вв. Теперь эта категория крестьян-слуг возрождается вновь, но уже в несколько ином виде. Ранее был крестьянин-слуга, а теперь — рабочий, посаженный на надел. Прежний обычно выполнял свою службу эпизодически в своем хозяйстве и своими ресурсами, теперь же он служит в господском дворе (предприятии) ежедневно и работает господским инструментом и материалами.

Кроме земельного вознаграждения (у Радзивилов — 0,5 вол.) такой крестьянин-работник получает повременную или сдельную заработную плату. Иногда это часть произведенного продукта, а также «кормовые деньги». Феодал стремился и здесь внести феодальные формы отношений. Работник, сидящий на земле, крепче привязан к предприятию, к тому же часть работы засчитывается за барщину. Земля, не представлявшая особой ценности для феодала, уменьшает необходимость в наличных деньгах, а в то же время она представляет собой экономический базис семьи работающего крестьянина. На такого работника в полной мере распространяется вся сила внеэкономического принуждения, как и на любого крепостного крестьянина.

Из всех отраслей фольварочного хозяйства наибольшее развитие получил наемный труд в животноводстве. На основании довольно отрывочных и неполных данных в староствах он может быть представлен в следующем виде².

¹ ЛОГИА, д. 1085, св. 106, лл. 22—23.

² Материал взят у Жабко-Потоповича, стр. 151—160.

Название воеводства	Колич. фольвар.	Наемники в них			Колич. фольвар., где упо- минается наемная сила	Количе- ство фольвар., где на- емной силы нет
		хозяйка	девушка	пастух		
Тракайское	17	17	18	11	22	10
Жемайтйское	12	10	16	6	21	20
Виленское	13	12	—	5	13	4
Новогрудское	—	—	—	—	8	4
Брестское	—	—	—	—	5	3

В чем заключалась функция перечисленного персонала? Для многих из них она вытекает из их профессии, некоторые же нуждаются в характеристике. Дворник досматривал за внутренним состоянием дворового хозяйства, за зданиями, огородами, за работой дворовой челяди и крепостных в самом дворе. Хозяйка (господня) ведала дворовой кухней и животноводством (продуктивным). В ее распоряжении были кухарки и девушки. Тиун или гуманный ведал хлебом, начиная от его поступления с поля, скирдованием, молотьюбой, хранением в амбарах до выдачи его на реализацию. Он вел книги прихода и расхода зерна.

Мне кажется, что нельзя согласиться с Жабко-Потоповичем, который считает «хозяйку» и «девушек» работниками только животноводства, птицеводства. На хозяйке и в меньшей мере на ее помощницах-девушках лежали значительно более обширные функции: ведение домашнего хозяйства, заготовка продуктов на зиму, прядение льна, конопли, шерсти в зимнее время, беление полотен, приготовление пищи дворовой челяди и др. Много времени, конечно, занимал и уход за скотом и птицей, приготовление им пищи и переработка их продукции.

В мелких шляхетских держаниях функции «господыни» нередко выполняла сама жена владельца.

Хозяек, девушек и пастухов встречаем, как правило, в инвентарях крупных поместий магнатов: Сапег, Радзивиллов, Яблоновской, Тизенгауза и др. Кроме них, здесь же встречаем еще конюхов и воловников, но не на положении слуг-крестьян, а наемников. В крупных поместьях встречается и дифференцированная функция пастуха: старший и младший, пастух рогатого скота, пастух свиней, пастух овец. То же изредка видим и в отношении «хозяйки»: «хозяйка птичная» и «хозяйка

домашняя». Бывало и обратное явление — соединение этой службы с другой, например с аптекарской¹. Изредка на должности хозяек видим даже шляхтянок², а иногда жен дворовой администрации. В некоторых староствах³ и имениях хозяйку, девушек и пастуха содержал не двор, а крестьянская община вместо «недельной стражи». При дворе на положении наемных бывали еще кузнецы, лесники, винокуры, а изредка даже войты и подвойские.

Функции хозяек, девушек, пастухов и других наемных рабочих довольно полно, иногда даже скрупулезно, изложены в «экономических инструкциях»⁴.

Материалы о быте наемников очень скупы и еще более пестры. Данные в нижеприведенной таблице показывают наиболее типичные размеры вознаграждений во второй половине XVIII в. (см. табл.).

Вознаграждение указанным в таблице наемникам очень часто отклонялось от приведенного здесь. В большинстве случаев это происходило в результате частичной замены одного вида вознаграждения другим то ли в области питания (ячмень заменялся гречихой, бобами, пшеницей), то ли одеждой и деньгами, а то и просто в силу того, что в одних поместьях оно было выше, в других ниже. Например, в некоторых поместьях денежное вознаграждение («юргельт») было выше для тиуна, хозяйки, девушки, паробка на 50—100% при том же пищевом довольствии («ординарии»). При таких условиях сравнивать вознаграждение разных наемников, а таким образом и устанавливать их значимость для поместного хозяйства трудно.

В тех случаях, когда выдавалась одежда и обувь, они были довольно стандартны — мужчинам: сермяга, шуба (полушубок), шапка, белье, сапоги; женщинам: сермяга, юбка, рубахи (2), платки (2), фартуки (2), ботинки. Иногда к этому добавлялись брюки, шерсть на чулки, пояс, полотно на белье. Содержание выдавалось 2 или 4 раза в год. Нанимали людей обычно на год.

В тех случаях, когда тиуны были местные крепостные, а это обычный порядок, то они никакого вознаграждения не получали, а лишь освобождались от барщины. Жили наемные работники в общих, обычно старых избах. Мебель: стол, скамьи. Пастухи иногда жили в «коборе» возле скота, где условия были еще хуже.

Время работы регулировалось потребностью двора. На поле обычно работали от восхода до захода солнца.

¹ Zabko-Potopowicz. Указ. соч., стр. 160.

² Там же, стр. 160.

³ Ретавское, Плотельское, Пропойское, Речицкое и др.

⁴ См. *Polskie instruktarze...*, t. I, t. II.

Служба	Рожь боч. ¹	Ячмень боч.	Греч., пшено или бобы боч.	Семени, масло гарнц	Мясо «кабанов»	Соль гарн.	Одежда и обувь ал.	Денежное вознагражд. ал.	Стоимость содерж. в боч. ржи
Тиун	1,5	1			0,5	24		30	4,1
Дворник	1,5	1			0,15	6		40	4,3
Конюший	1,1	0,5	0,6	3	12 ф.	24	+	20	3,3
Хозяйка	1,5	1			0,5	24		25	3,9
—	1,5	1			0,2	6		26	3,8
Паробок	1,5	1			0,5	24		30	4,1
„	1,5	1			0,2	6	16	23	4,3
Девушка	1,5	1			0,5	24		20	3,6
„	1,5	1			0,2	6	14	14	3,9
Пастух	1,5	1			0,2	6	16	12	3,9
„	1,5	1			0,15	6	16	8	3,6
Сторож	1,5	1			0,5	24		30	4,1

Условия найма в первой половине XVIII в. для пришедших и своих крепостных были несколько разные, лучше для первых. Во второй половине XVIII в. условия стали более единообразными.

Жизненный уровень челяди мало отличался от такого же бедного крестьянства, но двор нередко тяготился и этим и стремился его ухудшить. На это челядь отвечала тем же, что и крестьяне — бегством, ибо паны далеко не всегда соглашались на расчет, в особенности своих крепостных. Так, в инвентаре 1783 г. графства Каменка Тизенгауза читаем: «Игнат Роговский, гультай, женатый, убежал со двора, был пастухом»².

Подобные заметки о гультайстве встречаются не так уж редко. Бегство иногда сопровождалось порчей инвентаря или присвоением дворового имущества.

¹ Бочка везде большая, в 407 литров.

² А. Жабко-Потопович, Указ. соч., стр. 217.

Для увеличения послушания челяди ее усердно воспитывали религиозно: молитва утром и вечером, а в праздник — обедня.

Кроме постоянной штатной наемной рабочей силы, часто имела место вспомогательная наемная сила — загородники, халупники, коморники, получавшие известное довольствие и работавшие по несколько дней в неделю на протяжении всего года.

Резюмируя материал о наемном труде в поместном хозяйстве во второй половине XVIII в., мы должны сказать, что это явление выросло из самого процесса развития поместного хозяйства. Наем в поместном хозяйстве этого времени все более начинает приобретать черты, отличающие его от найма в период разорения и восстановления феодального поместья.

Прогрессирующий рост безземельного крестьянства резко ставил перед крепостником вопрос о формах его эксплуатации. Обычные феодальные методы здесь уже не годились. Безземельный крестьянин должен был иметь какой-то новый постоянный источник существования, ибо земли у него не было. Таковым стала продажа своей рабочей силы. Чтобы использовать труд своих безземельных крепостных, фольварк должен был завести свой живой и мертвый инвентарь. Применение даже принудительного, крайне низко оплачиваемого наемного труда заставляло помещика заботиться об улучшении орудий труда, приемов земледелия, пород скота, сортов семян и т. п., чтобы повысить производительность труда батраков — ведь им платили деньги!

Заработок в господском хозяйстве составлял, видно, для бедноты немало, и помещик не спешил предоставить его посторонним. Часто можно встретить постановления (Хрептович, Сапега, Тизенгауз и др.), согласно которым нанимали на работу в первую очередь своих подданных, а уж потом чужих. Правда, для таких постановлений иногда были и фискальные соображения.

Проблему рабочей силы выдвигали также промышленные предприятия, которые стали густо покрывать поместья. Применение в них обычной барщины плохо приживалось. Приходилось из крестьян формировать рабочих специалистов. Традиционные формы вознаграждения были мало подходящими. Владелец, как мы это видели, вынужден был искать новые. Он комбинирует обычные феодальные с элементами капиталистических. Что же касается купеческих предприятий и крестьянского хозяйства, то здесь превалировал вольный наем с денежной оплатой.

Так постепенно стала возникать устойчивая и все возрастающая прослойка крестьян, свободная от средств производ-

ства, хотя и не свободная лично. Последнее положение служило препятствием на пути формирования класса рабочих. Однако, принимая во внимание, что фольварк далеко не всегда нуждался даже в дешевом наемном труде, безземельный крестьянин часто фактически получал известную свободу в распоряжении своей рабочей силой, которую он мог по рыночным ценам продать в городе и деревне. Нередко безземельные крестьяне, уплатив своему пану специальный чинш, получали от него разрешение на год и более свободно наниматься, где захотят. Свободно нанимались, где хотели, и многочисленные «гуляющие люди». Их можно было встретить и на сезонных работах в сельском хозяйстве, и на промышленных предприятиях поместья. В виде работников нередко оседали и беглые крестьяне. Так, среди «рудников» и «будников» двух уездов Минской губернии в 1804 г. беглые составляли 80,8%¹.

Широко распространенное очиншивание создавало, наконец, обширную и устойчивую категорию крестьян, которые имели право свободно наниматься дома или отходить на заработки в города или другие помещичьи имения. Само развитие денежной ренты предполагало возможность как нанимать, так и наниматься.

Оплата батраков была неодинакова в отдельных областях страны, и батраки шли туда, где плата была выше. На массовый уход крестьян на заработки жаловались комиссии, которые занимались «унификацией» оплат сельскохозяйственным наемным рабочим, а также установлением расценок на различного рода работы. Уже самый факт наличия таких комиссий весьма примечателен. Он говорит о широком распространении этого явления. Оплата свободных людей была, как правило, выше, чем оплата крепостных. Регулированием найма и заработной платы нередко занимались сеймики. Добиться общегосударственного закона в этом вопросе не удалось. Очень велики были противоречия между отдельными слоями феодалов и отдельными воеводствами. В литературе известны постановления вального сейма лишь в вопросе запрещения отхода с Польши на заработки за границу в летнюю пору. Сеймики устанавливали максимум оплаты разным категориям наемников. Кто давал больше — платил штраф. Интересно постановление по этому делу для воеводств Великопольши (1779—1781). Оно установило ставки заработной платы не только для дворовой челяди, но и для крестьянской. При этом для последней они были ниже, чем для фольварочной. Таким образом шляхта хотела устранить или хотя бы ослабить конкуренцию со стороны крестьян в деле найма.

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 276—280.

В фольварках работало обычно около 6 человек¹. Редко — 10². Но дело было в том, что эти 6—7 наймитов давали фольварку около 2000 рабочих дней в год относительно высокого по своей производительности труда. Это столько же, сколько давали 20 крестьянских хозяйств при двухдневной барщине (без дополнительных работ), к тому же низкого по своей производительности труда.

Довольно ходким является утверждение, что капиталистическое развитие поместного хозяйства задерживалось отсутствием необходимой рабочей силы. Это может быть признано правильным лишь отчасти и далеко не везде. Практика найма рабочей силы и в первой половине XVIII в. и в его второй половине как в фольварочном, так и в крестьянском хозяйстве свидетельствует, что основным препятствием к развитию отношений найма и продажи рабочей силы было не столько отсутствие ее, сколько крепостное право и барщина. И это не только прямо, но и косвенно. Крепостное право тормозило миграцию рабочей силы с мест, где она была в избытке, в места, где ее недоставало. Больше того, крепостное право и барщина тормозили развитие денежной ренты и дифференциации крестьянства — этих двух могучих факторов содействия формированию армии наемников и развитию капитализма. Крепостное право давало возможность помещику держаться за устаревшие формы хозяйства и избегать эффективных орудий труда. Крепостное право и барщина тормозили дальнейшее развитие производительных сил общества.

¹ См. J. Rutkowski, *Historia gospodarcza...* s. 209.

² *Historia Polski*, t. II, cz. I, s. 131.

Глава VI

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПРОТИВ НОВОГО УСИЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Как видно из всего предыдущего изложения, вторая половина XVIII в. в истории литовских и белорусских крестьян, в особенности государственных, отмечена рядом крупных изменений, главнейшим из которых является перевод крестьян столовых экономий, а в ряде случаев старост и частных владений, с ренты преимущественно деньгами на ренту работой и усиление последней там, где она существовала раньше.

Крестьяне боролись против этого нового наступления всеми возможными средствами, начиная с низкой производительности труда на господских работах. Однако этот метод борьбы, применяемый на протяжении многих и многих лет, часто сильно снижал все расчеты угнетателей, рождая сомнения в совершенстве и целесообразности существующего режима. Другим распространенным видом борьбы крестьян были жалобы государственных крестьян королю.

Жалобы и просьбы («суплики»), как это не раз было показано выше, представляют собой важный корректив к тем сведениям о положении крестьян, которые историк черпает из хозяйственных документов (инвентари, люстрации и т. п.). Однако здесь важно отметить их большую роль в борьбе крестьян и мещан против усиления феодального гнета. Как увидим дальше, суплики подавались от имени целых сельских общин, а иногда даже войтовств и волостей. Это способствовало организованности и сплоченности крестьян, росту их сознательности, выявлению руководителей, а также упорству их борьбы.

Как ни покажется странным, но вынужденное отношение короля к крестьянским просьбам стимулировало эту форму борьбы. Король и его скарб («камера») не мог отказать государственным крестьянам в их праве обращаться к нему с просьбами-жалобами, ибо это были его подданные, он был их сеньором. Но к этому понуждали его и экономические мотивы. Крестьянские жалобы были сигналами о том, что овцу не только стригут, но уже и режут хищные державцы-арендаторы

или нечистые на руку администраторы-официалисты. А это угрожало убытками на долгие годы. К этому король (камера) не мог относиться безразлично.

Просьб королю подавалось очень много. Чарторыйский, стоявший с полком в Брестской экономии, писал королю, что он за одно лето отнял у крестьянских общин несколько больших сундуков суплик. В них они, пишет Чарторыйский, жаловались главным образом на переобременение повинностями и захват их лучших земель под фольварки. В заключение он сообщал, что войска досматривают за крестьянами, чтобы они не разбежались¹.

Администрация столовых экономий стремилась доказать крестьянам законность произведенной реформы и что никакие их права при этом не были попраны: «Вольно было светлой памяти королю Яну (Собесскому) освободить людей от барщинных работ; тоже вольно сейчас счастливо нами правящему, независимо от той ustawy, возвратит их к тому положению, в котором они были перед правлением короля Яна (разр. моя — Д. П.), ибо ustawy и распоряжения в экономиях относительно доходов одного короля не могут быть для другого правом, которое не может быть нарушено»². Крестьяне с этим были не согласны. Был нарушен старый порядок, следовательно, было нарушено их право, было ухудшено их положение, вот почему их делегации заполняли королевские приемные, а их «суплики», жалобы — канцелярии.

Администрация экономий относилась к крестьянским жалобам королю враждебно. Она требовала у крестьян, чтобы такие жалобы подавались через нее. Тизенгауз шутил, говоря, что было бы странно, если бы не было жалоб, ведь он наводит порядок в имениях, где многие десятилетия был беспорядок. Но это явная натяжка. Дело не в жалобах отдельных лиц, которых лишили некоторых благ: изъяли или обложили неучтенную землю, привели в норму заниженную аренду корчмы и т. п., а в том, что введенная Тизенгаузом система чрезвычайного обременила все крестьянство. Чтобы заставить крестьян не жаловаться королю, зачинщиков таких жалоб Тизенгауз годами держал под арестом в Гродно. Однако, когда в 1777 г. король приехал в Гродно, то крестьяне засыпали его жалобами на отягощения и разорение их хозяйств.

Жалобы крестьян на Тизенгауза в руках его политических врагов, как это ни кажется парадоксальным для крепостнического общества, превратились в один из крупных козырей про-

¹ W. Kuła, *Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w.*, s. 353.

² Цит. по St. Koscialkowski, *Указ. соч.*, стр. 139.

тив него. Тизенгауза, а значит и короля, обвиняли в тирании крестьян, а это в век энциклопедистов и «Просвещения» даже в салонах Польши считалось неудобным.

Из переписки администрации и жалоб крестьян довольно ясно видно, в чем заключалось противоречие между двором и крестьянами. Борьба шла вокруг форм феодальной ренты. Крестьяне многих экономий, староств и частных имений, прожив в предшествующий восстановительный период иногда на протяжении двух—трех поколений на умеренной денежной, или с превалированием денег, ренте, не хотели переходить на барщину.

Сама королевская администрация склонна смотреть на состояние крестьян на «голом чинше» как на «вольность», как на проявление королевской «добродетели». По сравнению с барщинным режимом, в который теперь многих из них загоняли, это, пожалуй, было близко к истине.

Денежная рента, на которой сидели крестьяне до реформы, была сравнительно невелика, она предоставляла крестьянам значительную свободу при ведении ими своего хозяйства, давала простор их предприимчивости, инициативе, энергии, способствовала повышению производительности труда, предоставляла им фактически довольно значительную личную свободу и возможности для некоторых из них к обогащению. Уставы Шавельской экономии сообщают о двух формах таких обогащений, а именно: 1. Сельские войты, обычно люди зажиточные, иногда вносили за целое село или за некоторых односельчан подать, а потом ее с излишком выбирали с них. 2. Те же войты ссуживали общинам на экстренные нужды деньги, а потом эту сумму с излишком раскладывали на односельчан. Они же использовали собранные с крестьян деньги в своих интересах. Современники (Л. Крейтц¹) сообщают, что в Шавельской экономии, в частности, широкое распространение получило производство льна и конопли, разведение скота и торговля им. Крейтц же пишет, что многие крестьяне сами возят свои товары в порты и предпочитают не сеять хлеб, а за деньги, вырученные от продажи льна, конопли или скота, покупать его на базаре. По его сведениям, крестьяне (видимо, богатые) переселялись в города, делались мещанами, учили своих детей на клириков.

Денежная рента создавала благоприятные условия для имущественной и даже классовой дифференциации крестьян. И это можно видеть на примере Шавельской экономии. Ни

¹ См. его «Описание экономии Шавельской в 1769 г.», опубликованное в «Teki archiwalne» № 5, документ № 17 (стр. 267—278), W., 1957.

в какой другой королевской экономии не было у крестьян столько наемной рабочей силы, как здесь.

При слагавшихся обстоятельствах денежная рента становилась важным фактором дальнейшей товаризации крестьянского хозяйства. Естественно, что хозяйственная активизация крестьян способствовала росту и их социальной активности.

При таких обстоятельствах вводимая барщина резко сокращала материальные, а тем более товарные ресурсы крестьянского хозяйства, подрывала его производительные силы, обращала крестьян в состояние крепостного рабства. Естественно, что она болезненно ударяла по всем слоям крестьян и, в частности, по зажиточным крестьянам. Именно они поставляли тяглую силу и ходили в подводы, на них непропорционально больше ложились государственные повинности и всякие сборы и т. п.

Не могла прийти по вкусу тизенгаузовская реформа средним и даже бедным крестьянам. Ведь она и у них сокращала материальные ресурсы и увеличивала их бесплатные повинности, в т. ч. работой. Если раньше беднота, халупники и кутники могли свободно передвигаться по стране и даже уходить за границу (Пруссию, Курляндию) в поисках заработков или для занятия ремеслом, то после реформы это стало значительно труднее и обременительней.

Все это, к слову, заводило в тупик и помещичье хозяйство, поскольку крестьянское хозяйство все еще оставалось его базой, и в то же время расширявшаяся барщина обостряла противоречия между помещиком и крестьянином.

Однако борьба не ограничивалась лишь вопросами ренты, она затрагивала и вопросы владения землей. Когда не было фольварков и крестьяне сами распоряжались всем земельным фондом села, в который входило немало пустошей и зарослей, создавались возможности фактической мобилизации земли путем покупки или аренды экономически крепкими торгующими крестьянами, примеров чего можно привести по экономиям немало.

Свободные земли села были не только общим фондом, создававшим дополнительные возможности хозяйственной деятельности для каждого крестьянина (выпасы, выгоны и т. п.), но и средством расширения хозяйства и обогащения для отдельных зажиточных крестьян, которые расширяли свое держание за счет пустых земель. Возвращение к фольварочно-барщинной системе, ее усиление все эти возможности сводило на нет или сильно урезало.

Новые фольварки захватывали не только пустые общинные земли, но и личные крестьянские, значительно сокращая тем самым их хозяйственные возможности, барщина делала зна-

чительно более суровой и саму крепостную зависимость. Таковы были те условия, в которых развернулся новый этап борьбы крестьян против феодального строя, против крепостничества, против феодально-барщинной системы.

Не удивительно, что в этой борьбе, как можно видеть на примере Шавельского восстания, приняли участие все слои крестьян от кутников и угнанных принудительно для работы на мануфактурах до зажиточных крестьян, часто игравших даже руководящую роль.

В. И. Ленин, объясняя закономерность объединения разных кругов общества в их борьбе против крепостничества, писал: «...крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок»¹. Крестьянский протест не ограничивался одними жалобами и просьбами. К тому же частновладельческим крестьянам и жаловаться было некому. Обращаться к королю им было строго запрещено. Исключение, в известной степени, составляли крестьяне магнатов. Они могли жаловаться своим землевладельцам на помещичью администрацию или на арендаторов имений. В таких случаях жалобы крестьян служили своеобразным контролем со стороны магната за тем, насколько не убыточно для него ведет себя администрация или арендатор в его имениях, т. е., по существу, принимались жалобы лишь на злоупотребления, на эксплуатацию, превышавшую установленные им самим нормы. Не удивительно, что жалобы крестьян из мелкошляхетских имений почти отсутствуют. Как и следовало ожидать, администрация и арендаторы преследовали крестьян за подачу жалоб. Так, крестьяне имения Вижунки за свою жалобу на арендатора, что он грабит их, заплатились одним убитым и 7 ранеными². Крестьян церковного имения Годуцишки, жаловавшихся на переобременение их подводами и барщинами, эконом пригрозил выпороть³.

Причины жалоб частновладельческих крестьян были, в основном, те же, что и экономических, те же, что и по всей Речи Посполитой, — увеличение барщины, платежей, жестокое обращение и т. д. На это же жаловались Сапеге и крестьяне

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 276—277.

² Lietuvos valstiečių ir miestėlių ginčai su dvarų valdytojais, psl. 114—118.

³ Там же, s. 124—131.

Шкудского графства и Меречского староства¹. Из жалобы шкудян, в частности, выясняется, что администрация для выколачивания из крестьян повинностей в 1795 г. приглашала царских казаков. Сапега запрещал «недозволенные» отягощения крестьян (это грозило разорением), но дело в том, что «дозволенные» им были весьма тяжелы и повышены по сравнению с прошлым.

Государственные крестьяне староств имели право жаловаться на держателей в референдарский или ассесорский суд. Хотя это было трудно и сопряжено с большими расходами, а главное, риском имуществом и даже жизнью, крестьяне довольно широко и упорно пользовались этим средством в своей борьбе. Судились иногда десятками лет, отношения между спорящими обострялись до крайности и нередко выливались в кровавые схватки. Суды сплачивали крестьян еще больше, чем просьбы и в широком масштабе — волость, староство.

В этой борьбе часто объединялись крестьяне с мещанами против общего феодального эксплуататора.

Судя по обнаруженным материалам, в Литве во второй половине XVIII в. судились следующие староства²: 1. Симнас (1751 г.), 2. Лаздияй (1752 г.), 3. Паланга (с 1754 г. по 1782 г. с Мирбахом, а с 1791 г. по 1793 г. с епископом Массальским), 4. Пуня (1766 г., 1770—1793—1798 гг.), 5. Виштитис (1776—1790 гг.), 6. Велюона и Байсогала (совместно, 1775—1778: 1788—1791—1795 гг.), 7. Макнюнай (1784—1785 гг.); 8. Стаклишкес (1785—1793 гг.), 9. Гитанское (1786 г.), 10. Лайчяй (1787—1793 гг.), 11. Борцяньское (1788—1799 гг.), 12. Метеляй и Симнас (1789—1790 гг.), 13. Нямунайтис (1792—1794 гг.), 14. Опесское (1792—1793 гг.), 15. Расейняй (1792 г.), 16. Скирснямуне (1792 г.), 17. Пильвишкис (1793 г.), 18. Дарсунишкис (1793 г.), 19. Бальнинкай (1793 г.), 20. Пярвалка (1793 г.), 21. Плателяй (1793 г.), 22. Вижайньское (1793 г.), 23. Перлая (1794 г.), 24. Арёгала (1794 г.), 25. Кведарна (1794 г.), 26. Иосвайняй (1794 г.) и др.

Одно наименование староств говорит само за себя, говорит о широте крестьянского движения протеста. Если помнить, что положение крестьян в шляхетских имениях было не лучше, чем в староствах, то их настроения можно вполне представить, хотя они и не оставили после себя судебных актов. Наибольшую активность, несомненно, проявляло население Жемай-

¹ Lietuvos valstiečių ir miestėlių ginčai su dvarų valdytojais, psl. 65, 175, 121—123.

² Материалы по этим делам опубликованы в единственном такого рода издании, уже упоминавшемся выше — в двух частях. Там приведены жалобы и объяснения сторон, а также постановления суда.

тии. И это не случайно. В силу исторических обстоятельств население ее с XV в. жило в сравнительно более благоприятных условиях (в т. ч. оно дольше других жило на денежной ренте), чем в других местах Литвы.

Бросается также в глаза нарастание крестьянского протеста с каждым десятилетием, достигая своего апогея в период работы четырехлетнего сейма и восстания под руководством Костюшко.

О чем шли споры у старостинских крестьян с их держателями? В первую очередь, борьба шла против введения державцами отработочной ренты (барщина, гвалты, толоки, подводы и т. п.) там, где ее раньше не было, и увеличения ее там, где она была не слишком обременительной.

Во-вторых, острая борьба шла по поводу права крестьян свободно распоряжаться продукцией своего хозяйства после уплаты податей и выполнения повинностей. Крестьян, в особенности жемайтских, имевших благоприятные условия даже для торговли в портах, весьма раздражали всякого характера ограничения и отягощения в торговле, в т. ч. дворовые монополии. Это особенно затрагивало зажиточных торгующих крестьян.

В-третьих, борьба шла против явных злоупотреблений державцев при сборе государственных и дворовых повинностей. Наконец, против диких жестокостей.

Чего требовали крестьяне? Отмены «новин», «неслыханных тяжкостей», устранения «бессердечных», жестоких держателей.

Чаще всего крестьяне свои тяжбы проигрывали¹. Суды все же в какой-то мере сдерживали напор державцев на старостинских крестьян. Отчасти этим можно объяснить тот факт, что ряд старост с-з Литвы даже до конца XVIII в. смог сбросить свое чиншевое положение. Судебный конфликт был своеобразным предупреждением, что за ним могут последовать другие, более острые формы борьбы.

В некоторых случаях, когда не помогали просьбы, или на них вовсе не надеялись, крестьяне оказывали непослушание. Так, например, было в 1768 г. в ключах Кневецком и Милейчицком Брестской экономии². Прибывший сюда уже известный нам Крейтц обнаружил у крестьян означенных ключей необ-

¹ В жалобе суду крестьяне Палангского староства так характеризуют роль права и суда в шляхетской Речи Посполитой: «Такова судьба слабых, что ни государственное право, ни право человека, ни постановления суда не в состоянии защитить их от насилия и произвола сильнейших» (там же, стр. 201).

² W. Kula, Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w., 349—52. Эти ключи временно держал Чарторыйский.

ложенные земли. Крестьяне объясняли, что эти земли они выработали из-под леса (такие земли, обычно, ряд лет не облагались повинностями). Но Крейтц все же присоединил их к фольварку, который их и засеял. Однако же крестьяне самовольно пересеяли вновь. Все же урожай собрал двор. Та же картина повторилась и на следующий год.

В поддержку своих притязаний на землю крестьяне этих войтовств прекратили выполнение всяких повинностей и обратились к русским войскам (они здесь тогда стояли) за «протекцией». На место были высланы экзекуционная комиссия и войска. При аресте зачинщиков крестьяне пытались оказать сопротивление. Обстановка в войтовствах оставалась напряженной еще и в 1772 г., хотя королевская камера и пошла на уступки. Крестьянам была предоставлена возможность получить под оседлость со льготой на три года земли столько, сколько они захотят. То же самое было сделано и в отношении приемных земель.

Распространенной формой протеста, правда в меньшей степени, чем это имело место в первой половине XVIII в., было бегство. Бежали крестьяне из имений шляхетских, церковных и государственных. Бежали в города, к другим помещикам, предоставлявшим новоселам льготы. Наконец, бежали за границу в Россию, Пруссию, Австрию и др. страны.

Конкретные причины бегства были самые разнообразные. Познакомимся с ними ближе. Каждая королевская экономия вела специальную книгу прибывших и выбывших хозяев. Вот наиболее массовые и часто встречающиеся мотивы бегства и поселения, как они выглядят по книге Брестско-Кобринской экономии за 1765—80 гг., т. е. за время правления Тизенгауза¹. За 15 лет из экономии ушло 340 семейств, а осело новых — 160. Посторонних приходило очень мало. Чаще всего встречаем возле новых поселенцев заметку: «по случаю расселения сел на хозяйство»². Т. е. это местные молодые семьи, рискнувшие обзавестись собственным хозяйством, для чего к тому же в наличии оказалась и свободная земля.

Убегали крестьяне чаще всего из-за тяжелых, непосильных податей, особенно барщины и подымного. Так, в 1768 г. из с. Малая Дубровица убежало 22 семьи по причине: «когда со свободы были привлечены к барщине без облегчения в податях, с имуществом и детьми... ушли на сторону и неизвестно где обитают»³. По тем же мотивам 18 семейств из с. Пужичи «с волами, лошадьми и домочадцами» ушли на Волюнь.

¹ ЛОГИА, Фонд 181, оп. 2, связка 69, дело 711.

² Там же, лл. 3, 4, 5 и мн. др.

³ Там же, л. 2.

Это был протест против перевода их с чинша («свободы») на баршину. По той же причине бежали в 1770 г. 4 семьи из с. Добрыня, а в 1776 г. 5 семейств из с. Прахова, 2 семьи из с. Малая Рита, 12 семейств из с. Столбы и др.¹

Массовое бегство зарегистрировано в 1775—76 гг. по случаю люстрации экономии для обложения подымным. Так, из того же с. Малая Дубровица в этот год ушло 10 семейств убогих, «разрушив хаты ввиду люстрации для подымного»². Разрушая хату — «дым», крестьяне таким образом хотели избежать обложения подымным. Подобным образом в том же году поступили 4 семьи в с. Добрыне, 5 — в с. Полоски, 5 — в с. Великая Дубравица, 7 — в с. Деревична, 9 — в с. Остров, 9 — в с. Саки и в ряде других деревень³.

В некоторых случаях администрация экономии даже знала, куда ушли беглецы. Так, возле беглых из с. Деревична имеется приписка: «пошли к евреям в службу»⁴. Это, видимо, как и в с. Дубровице, были убогие хозяева.

Часто крестьяне уходили потому, что на своем хозяйстве не могли прокормиться. В таких случаях уходили на заработки или садились там, где оказывали помощь, давали льготы. Иногда в книге так и мотивируется: «По причине убожества на Волынь ушло 3 семьи»⁵. По таким же мотивам ушли из с. Полоски 5 семейств, из с. Олтуши — 5 семейств, из с. Михальцы — 2 семьи и т. д.⁶ Реже возле беглых, обычно одиночек, встречается пометка: «ушел ради гультайства» и тут же сообщается, что убежавший был пьяница и бросил жену. Обращает на себя внимание частое бегство в результате того, что у крестьянина «отобрали надел на двор, хотя и дали замену». Почему же все-таки крестьяне уходили, даже получив замену? В некоторых случаях администрация не скрывает причины. Так, возле беглых 9 семейств из с. Валинцы читаем: «дали замену, но не отвечающую по своим качествам обложению»⁷, т. е. землю дали худшую, а повинности, видимо, оставили прежние. По этим же причинам из с. Деревична ушло 6 семейств, с. Киевец — 6 семейств, а из с. Омелянцы — целых 16 семейств⁸.

Скудные сведения о выбывших иногда дают возможность представить себе лицо беглецов. Так, данные по Яновской

¹ ЛОГИА, лл. 2, 5, 7, 8 и др.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 2—6 и др.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Там же, лл. 3, 5, 7.

⁷ Там же, л. 4.

⁸ Там же, л. 9.

губернии¹ (Гродненская экономия) за 1770—80 гг. дают возможность установить, что из бежавших 65 хозяйств (семей) 38 было оседлых и 27 кутников, всего 169 человек. Сведения по Кринской губернии², той же экономии и за то же время несколько более богаты деталями и дают возможность установить следующее. За 10 лет отсюда бежало население со 135 хозяйств, а всего с семьями — 312 человек. Большинство беглецов были хозяевами убогими. Из 101 хозяина, о котором имеются сведения, только 3 имели по 1 лошади и 12 — по 1 волу.

Беглецы были преимущественно людьми малосемейными. Так, 18 хозяев (из 101) бежали одиночками, 39 — вдвоем и только в одном случае бежала семья в составе 6 человек. Среди одиноких значится немало овдовевших. Чаще всего это люди, уходившие на заработки. Об одном из таких беглецов из с. Поречье говорится, что он ушел в г. Кринки и там работает по найму на винокурне, а о двух других — что они занимаются извозом в Городнице.

Обращает на себя внимание тот факт, что крестьяне редко убегали из села в одиночку, обычно — партией. Бросается в глаза и другое — массовое и упорное бегство из одних и тех же сел: М. Дубровица (32 семьи), Добрыня (8 семей), Полоски (10 сем.), Деревична (13 сем.) и др. Видимо, эти села особенно болезненно почувствовали режим Тизенгауза. Возможно также, что бежавшие раньше проторили пути для бегства последующих.

Бегство крестьян из столовых экономий, его массовость было выражением не столько обиды и несправедливостей, учиненных отдельным лицам или хозяйствам, сколько массовым протестом против системы, установленной Тизенгаузом в экономиях. Это были не столько индивидуальные, сколько общественные акты борьбы, которые могли совершиться не только с ведома, но и при активной помощи соседей, а то и всей сельской общины, симпатизировавшей и содействовавшей этой форме протеста. Об этом говорит хотя бы тот факт, что бегство часто имело место именно в тех селах, которые приносили жалобы королю. Беглецы были активными выразителями пассивного протеста, сопротивления своих односельчан. В таких случаях бегство становится общественным явлением. Если бегство и было выражением непонимания классовой структуры феодального строя, ибо беглый уходил от «плохого» пана и искал «хорошего», то все же, принимая массовый характер, оно часто срывало хозяйственные планы угнетателей, наносило им вместо ожидаемых увеличенных доходов огромный

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 1035, связка 101, лл. 85—88.

² Там же, д. 1034, св. 101, лл. 2—4.

материальный ущерб и тем сдерживало нажим на крестьянство. Об этом красноречиво свидетельствуют инструкции короля и магнатов своей поместной администрации, договоры об аренде имений, переписка и т. п.

Не осталось бегство экономических крестьян безрезультатным и для Тизенгауза. Во всех экономах в 1765 г. были введены книги «прибывших и выбывших» хозяев. Когда слухи о жестокой эксплуатации крестьян в экономах, об их разорении и бегстве поползли по стране, Тизенгауз, желая лишить своих ревизоров материалов, распорядился изъять эти книги. Как уже сообщалось выше, за 15 лет хозяйничания Тизенгауза в экономах Гродненской, Брестской и Шяуляйской убыло 1875 хозяев, а всего 5272 человека, или 7,7% населения.

Весьма яркой, широкой и прямой реакцией на реформу Тизенгауза было массовое крестьянское восстание в огромной (361 село) Шяуляйской экомии, вспыхнувшее в июле 1769 г.¹ Оно развернулось под лозунгом возврата к отношениям, имевшим место здесь до Станислава-Августа. Это признали как председатель «комиссии по успокоению бунтов» Ш. Забелло, так и вице-администратор шяуляйский Ягмин. Последний по этому поводу писал: «... самой главной причиной бунта является замена чиншов на панцину... ибо люд, издавна привыкший к вольности, этой неволи переносить не хочет»². Этот мотив приглушенно признается и правительством в его инструкции комиссарам, направленным в Шяуляй «для разбора обид и отягощений местных крестьян и для подавления и наказания бунтовщиков»³. Об этом не раз до бунта просили шяуляйцы короля⁴.

¹ Наиболее ранняя, хотя и небольшая по объему, но относительно полная публикация по этому вопросу принадлежит перу проф. А. Янулайтиса: „Valstecziu sukilimas XVIII amžiuje Lietuvoje“ Wilno, 1910. Оттиск из журнала „Visuomene“.

А. Янулайтис, располагая следственным материалом по этому вопросу (не обнаруженным уже после первой мировой войны), выдвинул в основном правильную версию причин восстания, затемненную позже работами С. Косцялковского и особенно В. Конопчинского. Слабым местом работы А. Янулайтиса было недостаточное знание историко-экономической подосновы Шяуляйского восстания. Автор книги уделил внимание этому вопросу в 1951 г. в связи со своим исследованием по истории экономических крестьян Белоруссии и Литвы. В 1956 г. вышла капитальная работа В. Кули: „Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w.“, в которой автор в планах выяснения источника инвестиций для тизенгаузовских мануфактур сообщил ряд интересных материалов и соображений по поводу Шачельского восстания. В 1957 г. В. Куля и Я. Лескевичева в „Teki archiwalne“ № 5 опубликовали по этому вопросу подборку материалов и небольшую вступительную статью.

² Цит. по St. Kościalkowski, Указ. сочин., стр. 140 и сноска 77.

³ См. „Teki archiwalne“ № 5, 1957, дд. № 5 и 6.

⁴ Там же, s. 285.

Причины создания комиссии достойны внимания. Король в своем письме к Тизенгаузу от 23/VIII 1769 г.¹ пишет, что он вынужден был создать эту комиссию для того, чтобы немедленно приостановить дальнейшее развитие событий в Шяуляй и чтобы создать в обществе впечатление объективного отношения короля к данному вопросу, ибо в Варшаве создается мнение, что Шяуляйское «восстание является актом отчаяния угнетенного населения» и что он, король, терпит притеснение тысяч людей, не желая наказать своего любимца (Тизенгауза). Король выражает в письме уверенность, что комиссия, подобранная из надежных людей, сделает свое дело.

Интересно, что неизвестный автор из Шяуляй в своем письме сообщает, что, как выясняет комиссия, причиной восстания крестьян были «не чья-либо агитация или подговаривание, а только угнетение привело население в отчаяние...»².

Современники, кроме перевода на барщину, допускают и другие причины, а именно: а) уменьшение земельных держаний крестьян во время перемеривания, б) недовольство богатых крестьян реформой вообще, а новой налоговой политикой, при которой с них взимали больше, чем с бедных при равенстве надела, в особенности. Именно у них больше всего изымали земли, их облагали упряжными повинностями, больше других им мешали заниматься торгово-промышленной деятельностью. При всем этом нужно помнить, что реформа Тизенгауза вообще повлекла за собой сильное увеличение крестьянского отягощения. Ведь неспроста доходы Шавельской экономики уже в 1765—1769 гг. выросли, примерно, втрое. Из них 82,5% поступало от поземельных податей и 16% — от аренды мельниц и корчем³. Доходы выколачивались из населения иногда весьма жестоко. В этом отношении очень интересны собственноручные заметки короля, сделанные, можно думать, на основании жалоб. Здесь можно прочесть: «о новых податях и избиениях», о конфискации скота за неуплату чинша, о недопущении жалоб до администратора, об отягощениях, вызванных «подвозом дерева на фабрики», «о 12 гвалтах на жнива так, что лишь один человек оставался в доме», «о запрещении пользоваться лесом», «о гибели лошадей при поездках дворовых до Либавы», о том, что «люди тяжести вместо животных таскали», «о принудительном забираии детей и дочерей у крестьян для службы», «что торговать им не дают до Риги, Митавы и Клайпеды» и т. д.⁴ И это все при тяжелых

¹ См. „Teki archiwalne“, № 10.

² Там же, д. № 12.

³ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 713, св. 69, лл. 40, 41.

⁴ См. „Teki archiwalne“ д. № 21.

«нормальных» повинностях вместо векового и, что очень важно, не тяжелого «голового чинша»!¹ Неудивительно, что при таком положении вещей деревня выступала солидарно, имея во главе богатые элементы.

Развитию движения и его остроте, без сомнения, способствовало наличие здесь у богатых крестьян многочисленных паробков, кутников преимущественно панских беглых, озлобленных разными ограничениями при поисках работы, увеличившимися податями и отработками в пользу фольварков.

Население эконоини начало выражать свое недовольство реформой жалобами королю уже в 1766 г., когда м. Ионишкис (Янишки) отправил к нему специальную делегацию по этому поводу². В этом же году и местная шляхта выразила свое беспокойство по поводу проводимых Тизенгаузом мероприятий и порождаемых ими настроений³. Когда выяснилось, что жалобы королю бесполезны, из эконоини началось бегство крестьян. Администрация признает, что в первые два года убежало около 100 хозяев⁴.

Необходимо отметить, что фольварочно-барщинная система, вводимая Тизенгаузом, развернулась в Шяуляйской эконоини не сразу. Как видно из книги доходов столовых эконоиний⁵, первый доход и то в небольшой сумме — 6,3 тыс. зл. от продажи фольварочного урожая, относится к 1768—69 хозяйственному году⁶. В этом же году шло строительство фольварочных зданий в Янишской губернии. Видимо, шяуляйские крестьяне вполне вкусили от барщинной системы лишь в 1769 г. Думаю, что именно это в значительной мере отвечает на встречающийся в литературе вопрос: почему восстание не вспыхнуло раньше, скажем, в 1765—66 гг., а лишь на четвертом году, т. е. в 1769 г.⁷

Попытки найти иной ответ на этот вопрос заводят их авторов в еще более необъяснимые дебри или приводят их на позиции короля — Тизенгауза, что восстание — дело рук барских конфедератов⁸. Однако на такой ответ нас не уполномочивают ни ранее, ни недавно опубликованные докумен-

¹ В жалобе королю крестьяне сообщают, что до реформы они платили с волоки от 15 до 40 тынфов, а теперь, судя по справке администрации королю (она занизила платежи), платят (видимо, чиншевики) от 30 до 110 зл. („Teki archiwalne“ д. № 21, § 10). Тынф=1 зл. 2—8 гр.

² „Teki archiwalne“ д. № 3.

³ Там же, д. № 2.

⁴ Там же, д. № 21, стр. 284.

⁵ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 713, связка 69, л. 42.

⁶ Хозяйственный год начинался 1 июля.

⁷ W. Kula, Указан. соч., стр. 320, 323.

⁸ Там же, стр. 324, 325.

ты. Что же касается королевского лагеря, то по политическим соображениям «конфедератская» версия для него была весьма выгодна и широко им распространялась. В XX столетии этой версии придерживались польские буржуазные историки — Косцялковский и Конопчинский. Косцялковский считает, что толчком для выступления шляуляйцев были «вести об успехах конфедерации, которой содействовали местные ксендзы, и что восставшие присоединились к конфедерации»¹. Косцялковский не сообщает, какие именно «успехи» конфедератов толкнули крестьян выступить 13/VII 1769 г., как не указывает и источник своего утверждения о «присоединении» восставших к конфедерации.

Конопчинский утверждает, что шляуляйское восстание было просто диверсией конфедератов².

Это вовсе не значит, что конфедерация здесь ни при чем. Борьба внутри господствующего класса была благоприятным для крестьянского выступления фактором. Слабость государственной власти, военные затруднения короля — сулили успех. Созвать же против восставших шляхетское, «посполитое рушение» король в обстановке враждебной ему конфедерации не мог.

Барская конфедерация, остро выступавшая против особы короля Станислава-Августа и его политики, с личностью которого крестьяне связывали резкое ухудшение своего положения, не могла не прийтись им по вкусу. Религиозные лозунги конфедерации поддерживались местным духовенством, а лозунги о неприкосновенности «старины» не могли не импонировать крестьянам, видевшим в барщине станиславовскую новину. Небезынтересно в этом плане отметить, что король и его администрация доказывали крестьянам, что «стариной» именно и является барщина, что на этой повинности и была Шяуляйская экономия до 40 гг. XVII в. и теперешняя барщина — простое продолжение «старины».

Много сторонников конфедерации было и среди местной шляхты. Некоторые из современников, преувеличивая значение конфедерации для крестьянского движения, думали, что движение в Шяуляйской экономике является непосредственным результатом агитации конфедератов, «обманчиво обещавших (крестьянам) за это свободы». Должен сказать, что среди опубликованных материалов, документов, прямо подтверждающих эту версию, нет. В процессе судебного следствия прямых улик против конфедератов не было предъявлено. Как будет сообщено далее, крестьянские вожаки принимали меры

¹ С. Косцялковский, Указан. соч., стр. 140.

² W. Kończyszki, Konfederacja barska, t. II, W., 1938, s. 403—4.

для установления связей с конфедератами, но безрезультатно. Да и вообще маловероятно, чтобы шляхта несерьезно отнеслась к крестьянскому восстанию. Очень уж рискованно!

Все же приведенное выше заявление достойно внимания в том смысле, что оно говорит о том, что политические и религиозные идеи конфедератов были для крестьян малоинтересны. Требовалось обещание социальных улучшений. Мне кажется, что это движение происходило не без влияния широко нараставшего в это время крестьянского недовольства. Наиболее активно оно выражалось на Правобережной Украине, где сильны были свободолюбивые традиции и где возвратившаяся польская шляхта после многих лет «слобод» занималась реставрацией в полной мере старых барщинно-крепостнических феодально-колониальных отношений.

Развернувшаяся здесь Гайдаматчина, то вспыхивая, то угасая, достигла своего зенита в 1768 г. в виде Коливщины с ее уманской резней. Искры ее разлетались очень далеко.

Напуганная шляхта воспринимала ее как новую освободительную войну украинского народа, удирала в Литву и даже на Вислу. Очаги крестьянских движений были и ближе — на Волыни, Полесье и в Слонимском старостве. Неудивительно, что сообщение о восстании в Шавлях (Шяуляй) при таких обстоятельствах вызвало в Варшаве огромный переполох.

Такова была обстановка в стране и в деревне накануне восстания в Шяуляйской экономии. Началось оно 13 июля 1769 г. Толчком к выступлению крестьян послужили довольно «будничные» события, которые в другое время прошли бы незаметно. Разруха в стране, вызванная борьбой в лагере господствующего класса, способствовала разорению крестьян. 1768 год был неурожайный, не хватало хлеба, начинался голод. Однако двор требовал исправного выполнения работ (началась уборка хлебов) и других повинностей. За недоимки у одних брали скот, других били и сажали в тюрьму¹. Так, в частности, было сделано в двух селах Жагаряйской губернии — Дониляй и Рамошкяй. Однако уже в третьем селе — Ланкайчяй крестьяне, под влиянием жителя местечка Жагаряй — Томаша Левицкого, воспротивились репрессиям и избили двух подстаростьев, приехавших выколачивать повинности². Собравшийся из окрестных сел народ, под руководством Левицкого, Рочки и войта Дяментовича, захватил губернское управление в Жагаряй, разобрал его имущество и кассу и арестовал спрятавшегося было в костеле губернатора Ягмина!

¹ См. Teki archiwalne, дд. № 12 и 17 (стр. 271).

² Там же, д. № 21, § 2.

Последнему, однако, воспользовавшись излишней доверчивостью восставших, удалось бежать.

Весть о восстании облетела всю экономию. Уже 14 июля поднялась соседняя «губерния» — Ионишкская под руководством своего войта Павги (Павгевич) и лавника Язовского¹. Павга обратился к крестьянам, строившим новый фольварк, со словами: «Теперь не время это делать, это обождет! Хватайте урядников, губернаторов и иных и собирайтесь в Янишках»². И народ массами повалил туда. Очевидцы определяют количество собравшихся в Янишках сверх 4 тысяч человек³.

Богатые мещане, за исключением нескольких торговцев, напуганные движением, настроенные против него и связанные с администрацией экономики, скрылись. Кроме крестьян, широкое участие в движении приняли батраки, домашние слуги, сторожа и особенно крепостные работники дворовых мастерских и мануфактур. Здесь их было немало как из Шяуляйской и Ионишкской мануфактур, так и бежавших, воспользовавшись конфедератскими разругами в 1768 г., из Гродненских мануфактур. Здесь они скрывались от разыскивавшей их администрации⁴. Эта категория восставших достойна особого внимания. Это была молодежь, насильно взятая у родителей и жившая при мануфактурах на полурабском положении. Она успела хлебнуть и барщинно-крепостнической эксплуатации и мануфактурной. Для нее тизенгаузовская система была вдвойне ненавистна.

Восставшие захватили и опустошили губернаторский двор в Янишках, вылавливали разбежавшуюся администрацию, укомплектованную из шляхтичей. Костел, в котором они спрятались, был взят штурмом. Избитых урядников в кандалах заперли в городской ратуше. Туда же посадили привезенных из деревень других урядников экономики. Были посланы отряды для ареста некоторых корчмарей, державших от экономики откупа и особенно ретиво обдиравших крестьян. После, надо сказать, мягкого суда над арестованными на базарной площади было избрано новое управление «губернии» в составе Павги, Радвила⁵ и Маргелиса⁶.

¹ Михаил Павга, 40 лет, закончил школу в Янишках. Имел свое хозяйство в деревне Буйвиджай, а в Ионишкисе как войт имел дом. Язовский — лавник в Жиунонах.

² A. Janulajtis, Powstanie włościan szawelskich w r. 1769, Wilno, 1921, s. 17.

³ См. Teki archiwalne, д. № 4.

⁴ Там же, д. № 16.

⁵ Ян Радвила, 45 лет, грамотный, войт, жил в с. Янишки.

⁶ Войцех Маргелис, 40 лет, войт в Иодзях.

По предложению нового управления восставшие избрали учителя Янишской школы, шляхтича Шимона Александровича¹, главой управления.

В тот же день на кладбище было собрание всех восставших губернии. Янулайтис сообщает, что на этом собрании читались письма барских конфедератов, призывавших крестьян к совместным действиям в борьбе за «вольности», в частности за «вольности», которые крестьяне имели, когда экономию держал кн. Радзивилл², т. е. когда они были на голом чинше. Крестьянам предлагалось ликвидировать барщину. Янулайтис не указывает свой источник по этому вопросу. Но одно не подлежит сомнению, что письма не могли поступить к крестьянам в тот же день, когда они восстали, да и Радзивилл в 1769 г. уже отошел от конфедератов. Можно допустить, что письма были 1768 г., когда конфедераты в этом краю вели себя очень активно.

Руководители и все присутствующие на кладбище на коленях поклялись бороться до конца «за веру и вольность, которая была раньше»³.

Формула присяги напоминает присягу конфедератов, но смысл ее у восставших был совсем другой. Политические цели конфедератов были для них довольно темны и чужды, а свою бывшую «волю», т. е. чиншевое положение, они представляли себе совершенно ясно и хотели к ней вернуться.

Требования крестьян в развернутом виде можно представить на основании упоминавшихся собственноручных заметок короля. Здесь находим «Семь просьб»:

1. Чтобы им была дана другая администрация. 2. Чтобы они были освобождены от работы на фабриках, а ключи и фольварки были ликвидированы. 3. Чтобы были упразднены двухдневная барщина, страж и гвалты. 4. О ликвидации введенного порядка предоставлять двору подводы. 5. О более мягких наказаниях крестьян даже в случае их виновности. 6. Чтобы платежи были пропорциональны. 7. Чтобы к давним уставам и обычаям вернулись»⁴.

Это, по существу, полная ликвидация системы Тизенгауза. Этой крестьянской программе нельзя отказать в известной зрелости и внутреннем единстве. Возвращение к давним уставам означало возвращение к умеренной денежной ренте с ее

¹ Ш. Александрович, 24 лет, шляхтич, учился в Крожах, в Ионишкисе учительствовал 1 год.

² Радзивилл держал Шяуляйскую экономию от 1740 до 1764 гг. В 1768 г. он присоединился к конфедератам.

³ A. Janulajtis, Powstanie włościan szawelskich w r. 1769, s. 22.

⁴ См. Teki archiwalne, стр. 284.

преимуществами для крестьян. В этом вопросе ни на какие компромиссы, видно, крестьяне не шли.

Примечательно, что крестьяне свое неповиновение стремятся узаконить, легализовать под видом борьбы за соблюдение традиции, обычая, закона. С этой целью они посылают жалобы и депутации королю с просьбой отменить незаконные действия экономической администрации. Когда же это не дало результатов, они, в условиях борьбы барских конфедератов против «новшеств» и даже самого короля, предприняли попытку отказаться от одних законов — «плохих», чтобы поддержать другие — «хорошие», больше того — отказаться от плохого короля, чтобы поддержать другого, как им кажется, лучшего.

В этом отношении Шяуляйское восстание весьма примечательно. Оно не страдало иллюзиями о «добром короле», так свойственными многим крестьянским движениям. Естественно, ведь их помещиком был сам король, они к нему лично ездили с жалобами и получали отказы. Вековая традиция в Польше далеко не с такой силой, как, скажем, в России, окружала особу короля ореолом божественной благодати. Свирепствовавшая в то время в Речи Посполитой борьба группировок и конфедераций, направленная против короля, еще больше подрывала его авторитет.

Вновь выбранная администрация развила горячую деятельность. Во все концы рассылались гонцы с письмами к селам с призывом всем мужчинам вооруженными собраться в Янишках 19 июля.

17 июля поднялась Шяуляйская губерния. Здесь повторилась та же картина, что и в Ионишкисе и Жагарай. В Шяуляй особенно досталось шляхтичу урядовцу Грушасу за его издевательства, а, главным образом, за насильственный набор людей для работы в янишских мануфактурах. Досталось также шиклянскому войту Орловскому, корчмарям и другим пособникам экономической администрации.

Быстрое развитие событий говорит о том, что горючего материала набралось очень много, не хватало лишь искры. Не исключается возможность наличия и конспиративной организации.

В Шяуляй, как и в других местечках, весьма активно выступали мелкие и средние мещане, а также евреи, снабжавшие восставших порохом. К восставшим примкнули или сочувствовали им привилегированные крестьяне — земяне, бояре, слуги и т. п. Сочувствовала даже чиншевая шляхта и служилые татары, познавшие тяжелую руку Тизенгауза, что создало вначале широкий фронт восставших, источник их силы. Поскольку все же интересы борющихся были не вполне одинаковы, то

с течением времени это стало источником их слабости, непоследовательности, нерешительности и ограниченности движения, а то и привнесения в него чуждых крестьянству политических устремлений и ориентаций. Руководителем восстания в Шяуляй был избран войт Давид Кадата¹. Он стремился удерживать восставших от «крайних действий» по отношению к своим врагам и их имуществу, стремился действовать в рамках законности и порядка. Руководители восстания были против перенесения восстания на частновладельческие поместья.

Шяуляйское управление распорядилось, чтобы все крестьяне, чьи земли были забраны под фольварки, вернулись на них, обрабатывали их по-старому и на барщину не ходили. Экономической программой восставшим² служила давняя устава Шяуляйской экономии, в которой ни фольварков, ни барщины не было³. Возможно, это была устава 1640 г., или ее подтверждение 1649 г. Точно известно, что оригинал их, присланный из канцелярии короля для населения, по желанию последнего был отдан на хранение Шяуляйскому войту.

Нужно отметить, что если среди восставших были расхождения по вопросам тактики, то в вопросах программы они были значительно дружнее. Все они были заинтересованы в сохранении старых «вольностей».

Управление восставших черпало необходимые деньги из сумм, забранных при аресте администрации, а также составившихся путем складок⁴. Вооружение восставших состояло, главным образом, из холодного оружия. Ружья имели лишь первые восставшие. Их они захватили в складах экономий, куда те попали в порядке изъятия у населения, как только началась реформа Тизенгауза. Очевидцы определяют, думаю с преувеличением, количество вооруженных ружьями до 500 человек. Используя захваченных в экономиях лошадей, восставшие создали кавалерию, вооруженную саблями⁴.

Руководству восстанием, состоящему из богатого и влиятельного населения, удалось вскоре взять движение в свои руки и направить его в спокойное русло. Были прекращены избиения и разгромы домов урядовцев, арендаторов корчем, богатых мещан и т. п. элементов. С лицами, разжигавшими движение, требовавшими расправы с угнетателями, велась борьба. Арестованные урядовцы, за исключением трех главнейших, были отпущены. Для обеспечения тех из них, которые

¹ Кадата — войт в Юргайцах.

² A. Janulajtis. Powstanie włościan szawelskich w r. 1769, s. 27.

³ В расходах Шяуляйской экономии за 1768—69 год значится: «2986 зл. взяли бунтовщики наличными». ЛОГИА. Фонд. 181, оп. 2, д. 713, св. 69.

⁴ См. Teki archiwalne, д. № 4, л. 42.

выезжали, были выданы паспорта, в которых предлагалось населению не чинить им обид.

Руководство восстанием вместо того, чтобы подымать движение, развивать его, устанавливать связь с крестьянами других поместий, готовиться к вооруженной борьбе, начало энергично искать посредников из местной шляхты, через которых хотело связаться с конфедератами. Однако большинство шляхтичей отклонило такое предложение, а некоторые, взяв деньги «на дорожные расходы», благополучно сидели дома. Собственные гонцы восставших, как и личные поиски их руководителей, не найдя команд конфедератов, возвращались обратно ни с чем. Да и что могло объединять конфедератов с восставшими крестьянами? Лишь ненависть к королю, а в остальном они были противники.

Руководство восставших, считая задачей движения ликвидацию реформы Тизенгауза и возвращение к давним «вольностям», т. е. голому чиншу, думало, что это уже достигнуто путем изгнания экономической администрации, а закрепление принесет победа конфедератов над королем.

Неудивительно, что неудача с установлением связи с конфедератами способствовала упадку настроения среди восставших. Успех движения становился сомнительным. Развивать же движение с целью опереться на свои крестьянские силы руководство и не думало. Это влекло за собой локализацию движения, его замкнутость. Наступила известная растерянность. Началось бегство из лагеря восставших, даже некоторых членов руководства. Сидевшим под арестом трем администраторам, не без помощи стражи, удалось бежать.

16 августа руководство восставших обратилось с просьбой к виленскому епископу Массальскому и в созданную королем комиссию по умиротворению восстания с жалобой, в которой изложило причины, толкнувшие их на выступление. Восставшие искали примирения с королем, не теряя все же надежды добиться уступок у скарба, а также амнистии.

Епископ Массальский обещал «по христианскому милосердию» просить короля о смягчении наказания для них, а пока что категорически предложил им прекратить восстание.

Комиссия для успокоения крестьян, имея на то прямое указание от скарба¹, начала широко принимать заявления и жалобы от крестьян и выдавать обещания уложения нового инвентаря с учетом пожеланий крестьян и в котором, как они говорили, им не будет отягощений. Епископ жемайтский дал директиву духовенству действовать на крестьян

¹ См. Teki archiwalne, дл. № 6 и 7.

в том же направлении, а именно — положиться на милость короля.

В то же время правительство принимало меры к локализации и ликвидации движения. Литовский канцлер в письме воеводе Жемайтии писал: «Это восстание крестьян своими последствиями может сделаться очень опасным для всего жемайтского княжества, если оно не будет в самом начале подавлено; поэтому шляхта этого княжества должна помочь комиссарам усмирить повстанцев»¹.

Еще при первых же известиях о восстании король дал указание жемайтскому каштеляну и гетману Великого Княжества Литовского ввести войска на территорию экономии². Однако, по независящим от них причинам, они этого немедленно сделать не могли, и полк королевских войск прибыл в экономию лишь в октябре.

И в Варшаве, и в Комиссии понимали, что причиной крестьянского движения были перевод с давней «вольности чиншевой» в «неволю паншизную» и нарушение крестьянского землевладения. Однако и в Варшаве, и в Комиссии считали, что при всех обстоятельствах движение должно быть подавлено, а зачинщики примерно наказаны, чтобы впредь и другим не повадно было. Принципиальных уступок крестьянам король и Тизенгауз не собирались делать³. Все же, даже в кругах, солидарных с Тизенгаузом, считали необходимым после подавления восстания сделать шяуляйцам, а отчасти и всем крестьянам, такие облегчения: а) уточнить и улучшить наделение крестьян землей; б) установить выполнение повинностей работами пропорционально качеству почвы наделов; если же это прямо сделать невозможно, то учинить соответствующие коррективы в денежных платежах; в) улучшить систему оплат, связанных с пропинацией и крестьянской торговлей, исходя из принципиального положения, чтобы крестьянин свободно и без всяких платежей торговал с заграницей продукцией своего хозяйства и покупал заграничные товары для своих нужд; г) пересмотреть количество заложенных фольварков и оставить пропорционально крестьянским наделам и идущей с них барщины⁴. Что из этих предложений и в какой степени было проведено в жизнь, сказать трудно.

Когда Комиссия, считая, что она уже в силах подавить движение, начала аресты руководителей, то на это население ответило вооруженным выступлением. Комиссия не решилась на его вооруженное подавление, ибо на проверку оказалось,

¹ История Литовской ССР, Вильнюс, 1953, стр. 318.

² Teki archiwalne, д. № 5 и 6.

³ Там же, № 11.

⁴ Там же, д. № 22.

что она все еще располагает недостаточными военными силами, главным образом, отрядом курляндского герцога, приславшего в порядке «соседской» помощи 100 гусар и 50 пехотинцев. Военные силы короля были заняты борьбой с конфедератами. Посланный Комиссией прелат уговорил крестьян разойтись, пообещав, что арестованные будут отпущены, что Комиссии и пришлось сделать. Позже, подтянув войска, Комиссия приступила к расправе. Руководители были арестованы. Началось «умиротворение» — террор и грабеж населения.

Попытка оставшихся еще на свободе руководителей восстания (Александрович, Юргелис и др.) поднять снова народ на вооруженное выступление в защиту арестованных руководителей окончилась неудачей. Охотников нашлось очень немного. Они сами были схвачены желавшими выслужить себе помилование и переданы Комиссии.

Суд происходил в декабре того же года в г. Каунас. Подсудимые не признали себя виновными в грабежах, убийствах и оскорблении святынь, в совершении которых им было предъявлено обвинение. Скарб хотел рассматривать движение как бунт с целью грабежа и убийств, а не как борьбу за социально-экономические реформы. На пытках они тоже не признали себя виновными в этих преступлениях. Наказание суд вынес согласно просьбе экономии. Виновные были приговорены к мучительной смерти: на колу, четвертование и т. д.

Епископ виленский Массальский не сдержал своего слова, он даже не пытался побеспокоиться о смягчении наказания восставшим. Правительство боялось, что во время казни может вспыхнуть новое восстание и потому подтянуло сюда войска¹. Король, дабы показать свою гуманность, смягчил чрезмерную жестокость казней. Как видно из отчета комиссаров от 18 января 1770 г.², экзекуция над осужденными была произведена публично 12 января 1770 г. в Янишках. Павга и Радвил были четвертованы после отсечения головы, Язовский, Мартинайтис и Маргелис, получив по 100 ударов розгами, были заточены пожизненно в гродненской тюрьме. Кадата, Чепулис и Юргелис получали по 200 ударов и были освобождены. Учитель Александрович, как шляхтич, был передан шляхетскому суду, приговорившему его к отсечению головы. Левицкому, т. е. зачинщику бунта, удалось бежать из-под стражи. 11 человек были публично наказаны ударами от 20 до 200 каждому.

¹ См. Teki archiwalne, д. № 18.

² Там же, д. № 25. Янулайтис на основании лишь судебного постановления писал, что наказание было приведено в исполнение согласно судебного приговора. Куля склонен думать, что королевская милость запоздала. Отчет комиссаров, присутствовавших при выполнении наказания, вносит в этот вопрос ясность.

3 человека были оштрафованы от 20 до 50 талеров. Остальные были освобождены за чистосердечное покаяние.

Восстание, а еще в большей степени его подавление, по мнению Янулайтиса, обошлось Шяуляйской экономии в 227 тыс. злотых. Упомянутая выше книга приходов и расходов экономий дает основание считать, что одни непосредственные убытки, не считая содержания комиссий и войск, были значительно больше. Так, в 1768—69 г. (год начинался 1 июля) скарб не получил с крестьян за разные повинности 193,3 тыс. зл. В 1769—70 г. он снова не добрал 86,5 тыс. зл., не считая снижения в приходе от поземельных податей, от реализации фольварочного урожая и т. п. Недоимки в 1770—71 г. составили 125,9 тыс. зл. С 1768—69 г. крестьянские недоимки сделались нормальным явлением и за 9 лет, т. е. к 1776—77 г., составили почтенную цифру — 952,7 тыс. зл.¹ Правда, у скарба появилась новая приходная статья — за проданное имущество, оставшееся после бегства крестьян. Она ему каждый год приносила от 1 до 2 тыс. злотых. Думается, однако, что это его мало утешило!²

Политические противники Тизенгауза использовали восстание для обвинений его в плохом управлении королевскими поместьями и требовали его отставки.

Стабилизация барщины, обман Комиссии вызывали глухое недовольство и сопротивление крестьян еще долго после восстания. Так, в 1770 г. администрация экономии не могла даже от самых богатых добиться выполнения повинностей и податей, хотя на территории экономии для устрашения населения продолжали оставаться войска. К упорству крестьян прибавлялось, по ее мнению, и убожество населения. Торговля оставилась, никто ничего не покупал.

Тизенгауз был хорошо осведомлен об озлобленности шяуляйцев после подавления восстания. Об этом свидетельствует фрагмент его письма королю от 14/VII 1771 г.³ В нем он просит Станислава-Августа принять самые энергичные меры к подавлению конфедерации в Литве. Он высказывает боязнь, что к ним могут присоединиться крестьяне, а, главным образом, масса паробков, служащих у богатых крестьян, а это пагубно отразится на уборке урожая и посеве озимых.

При таком положении дел изучавшие причины восстания скарбовые комиссии пришли к выводу о необходимости уменьшения ряда повинностей. Скарб согласился с ними. Была ликвидирована «даремщизна», стража уменьшена наполовину, а

¹ ЛОГИА, ф. 181, оп. 2, д. 713, св. 69, лл. 42—51.

² Там же.

³ См. Teki archiwalne, д. № 26.

толоки — на треть. Уменьшено или ликвидировано несколько мелких податей. Отпускные цены на соль и сельди, на которые была установлена монополия во дворе, были снижены¹.

Всем крестьянам были выданы специальные книжки, куда должны были заноситься уплаченные ими чинши и выполненные повинности². Это должно было привести к уменьшению злоупотреблений со стороны экономической администрации, а отчасти и собственных войтов, которые нередко взыскивали с крестьян завышенные повинности, а иногда и дважды. Таким образом, хотя крестьянское восстание и было подавлено, король все же вынужден был сделать некоторые облегчения крестьянам, улучшавшие их положение.

Восстание в Шяуляйской экономии вызывает совершенно естественный вопрос: почему в других экономиях, переживших реформу Тизенгауза, не было восстаний? Действительно, восстаний не было, однако сопротивление в какой-то форме наблюдалось и в некоторых других экономиях. Так, в Алитусской экономии высеив на фольварках в 1769—70 г. уменьшился вдвое. То же произошло и со всеми доходами от крестьян. Подорожные и чинша в этом году было собрано 40596 зл. вместо 89425 зл. предшествующего года, а прибыль за соль и сельди составила 2 тыс. зл. против 4 тыс. зл. предшествующего года³.

В отношении других экономий нужно помнить, что ни одна из них не жила так долго и на таком полном очиншевании, как Шяуляйская. Это привело к тому, что местное население на протяжении нескольких поколений успело привыкнуть к известной свободе, самостоятельности, свободному распоряжению собой, землей и своим хозяйством. Близость портов способствовала вовлечению местного населения в торгово-промышленную деятельность. Население Жемайтии издревле славилось своим свободолюбием и не раз с оружием в руках выступало на защиту своих прав. В такой экономике, как Брестско-Кобринская, фольварки, а с ними и барщина, никогда не переводились. Правда, и здесь после разорений Северной войны были ликвидированы многие фольварки и снижены все повинности, а большинство сел было переведено на денежную ренту. Однако инвентарь 1742 г. уже показывает быстрый рост, продолжавшийся и позже, фольварков, барщины и иных повинностей. Подобную картину, правда в более мягкой степени, можно было наблюдать и в других экономиях. В силу этого, реформа Тизенгауза для большинства сел других экономий, за исключением Шяуляйской и отчасти Алитусской, не была

¹ A. Janulajtis, Powstanie włościan szawelskich w r. 1769, s. 48.

² ЛОГИА, Фонд. 181, оп. 2, д. 713, св. 69, л. 44.

³ Там же, лл. 31, 35.

какой-то неожиданностью и не взбудоражила население так, как в Шяуляйской экономии.

Тот факт, что нигде в белорусско-литовских экономиях, за исключением Шяуляйской, не было восстаний, еще раз говорит о том, что прямая роль барских конфедератов в шяуляйском восстании была ничтожной. Ведь конфедераты были везде, а в Брестском воеводстве они были даже влиятельней, чем в Жемайтии, и все же восстания там не возникло.

То же необходимо сказать о Гродненской экономии, на территории которой непосредственно в 1768 г. происходили выступления конфедератов, а все же восстания крестьян здесь не произошло. Лишь много крепостных рабочих сбежало с мануфактур домой (в т. ч. в Шяуляй).

Конфедерация способствовала созданию общей напряженной обстановки в государстве, но она смогла способствовать взрыву лишь там, где социальные противоречия оказались наиболее острыми.

Весьма упорное и длительное сопротивление крестьян имело место и в Слонимском старостве.

Сопротивление основных разрядов крестьян развитию барщины здесь было сломлено еще в прошлый период. Однако оставались на чинше и в несколько облегченном положении многочисленные здесь слуги. За них-то и принялись Слонимские старосты во второй половине XVIII в.

Если раньше в Речи Посполитой удельный вес феодала определялся количеством «хоругвей», которые он мог выставить на войну, особенно «домовую», что заставляло его дорожить военными слугами, то теперь и внешняя политика, и успехи отдельных «домов» определялись в значительной мере послами Петербургского, Венского или Берлинского дворов.

В таких условиях военные слуги, бояре, конюхи и т. п. стали ненужны не только частным владельцам, но и в государственных поместьях. В Слонимском старостве они по инвентарю 1765 г. числились в количестве 247 дымов, что составляло около 28% всех полевых дымов. Куда выгоднее было заставить их ходить на панщину, давать дякла, ездить в подводы и т. д., т. е. перевести их в тяглые, что и было сделано уже к середине XVIII в. большинством частных владельцев. Голый чинш бояр — 5 зл. с волокна «за все» выглядел очень мизерно, когда за бочку жита платилось по 50 зл. Как видно из письма Августа III от 1753 г. в ответ на жалобу бояр, наступление начал еще Михаил Сапега. Король писал ему, чтобы он не притеснял бояр и «содержал их согласно давних прав»¹. Но что значит лист короля для магната Речи Посполитой?

¹ «Рукопись», № А1021. Библиотека Вильнюсского университета.

В 60 гг. Слонимское староство держит крупнейший и влиятельнейший магнат гетман М. Огинский.

Началось наступление с обложения бояр хотя и денежными, но незаконными или увеличенными повинностями. Так в 50 гг. Переволоцкие бояре жалуются на разорение податями. Они за один год заплатили гиберны (постояное) 1619 зл. и еще с них взяли подушное, которое они никогда раньше не платили¹. Огинский, сдавая села в аренду и желая получить высокую цену, писал в условиях, что бояр можно привлекать к тяглым повинностям. Однако бояре упорно отказывались давать натуры и ходить на работу. Дело приобрело серьезный характер и дошло даже до сейма, который в 1766 г. создал специальную комиссию для разбора дела на месте. Комиссия признала, что боярские села, за исключением с. Переволок, не имеют достаточных данных и аутентичных привилеев для обоснования своих претензий², а потому должны нести обычные крестьянские повинности, хотя 200 лет ни скарб, ни даже алчные старосты не ставили под сомнение их боярство. Мотивом для такого решения для сел Крокотки, Лопухово и Шляпандки, видимо, был тот факт, что Ян-Казимир в 1661 г. подтвердил их боярские повинности не на основании оригиналов, которые сгорели, а их присяги. Но это не было исключением. Таким образом, и шляхтичам массами подтверждали их сгоревшие привилеи. С другой стороны, в инвентаре 1587 г. или в реестре того же года они значатся как бояре. Тот факт, что они были в составе Переволоцкого «боярского» войтовства, говорит о том, что такими они бесспорно были и по Уставе «на волоки» 1557 г.

Села Пасеница и Селевичи были не боярскими, а конюшскими, такими они и были по Уставе 1557 г. и ревизии 1634 г., акт которой был вписан в волковыские городские книги и оригинальность которого не вызывала никакого сомнения, и входили они в состав Коневского войтовства, сидели на конюшской службе или на голом чинше без барщины и дякол.

Сейм утвердил постановление комиссии, добавив, что если означенные села и дальше не будут выполнять своих крестьянских тяглых повинностей, то следует послать военные части и произвести реквизиции. Решение сейма было проведено в жизнь в 1768 г.³ Это было вопиющим нарушением принципа феодального права — старины, а также королевских грамот.

Единственное село, в принципе отстаивавшее свои права, было Переволоки. Когда Огинский начал наступление на бояр, они подняли перед сеймом вопрос о признании их боярами-земяна-

¹ Сигизмунд-Август освободил бояр от подушного.

² «Рукопись», № А1021.

³ Там же.

ми, т. е. шляхтой. В середине XVIII в., когда боярство было пережитком, к тому же весьма стеснявшим шляхту, это было безнадежно. Правда, подобные им боярские села: Тучная, Гоща, сумели добиться шляхетства, но это было почти 200 лет тому назад при Батории, который в них очень нуждался для своих экспансионистских планов. После этого история Великого Княжества Литовского таких случаев не знает.

Сеймовая комиссия 1768 г. признала их претензию «за нестоящую и неважную», согласившись считать их «слонимскими боярами экономически». Их права и повинности были установлены в следующем виде: а) свобода от работ, дякла и других натуральных плат «на вечные часы»; б) чинш с волоки по 20 зл. (вместо 5 зл. по привилегии); в) выполнение боярской службы конной к замку Слонимскому не далее 10 миль. Это было еще новое обременение, ибо по Уставе 1557 г. они были обязаны нести или службу, или чинш, а не то и другое вместе.

На основании сеймового постановления 1768 г. гетман Огинский заключил с 5 селами (Пасеница, Селевичи, Крокотки, Лопухово, Шляпандки) «добровольный, непринужденный» договор, по которому они освобождались от барщины, но платили с волоки чинш в размере 40 зл. и давали еще по 1 бочке овса, 4 курицы, 2 гуся, 40 яиц, 10 возов дров¹. Это вместо 5 зл. по привилеям. Неудивительно, что на «непринужденный» договор они пошли в действительности под жестоким принуждением. Вот как об этом они излагают в судебной жалобе. В село Крокотки и Лопухово Огинский «прислал полк татар (литовских) в 500 коней, которые не только батоженем жизнь и здоровье нищили, но несколько человек замучили, имущество наше уничтожили, скота 123 шт. забрали, кони тоже... людей по 2 человека связали и под конвоем доставили во двор Грибов, где... шнуром дратованым (просмоленным) голых на столб таскали и мучили, чтобы на чинш больший подписались»².

На муках крестьяне подписались — поставили кресты, но оправившись, продолжали сопротивление новому порядку. Тогда Огинский послал снова в с. Крокотки отряд солдат, «которые собрали всех до одного гумна, обнажили палаши, привезли воз лозы, чтобы сечь, требуя подписать согласие платить чинш по 40 зл. с волоки... Видя последние минуты жизни... принуждены были подписаться на чинш в 40 зл. с волоки, ломая наше право»³.

¹ Lustracja, 1789 г., ВЦГАДА, № 11619.

² «Рукопись», № А1021.

³ Там же.

На с. Селевичи в 1768 г. в жнива был послан полк в 10 хоругвей. «Всех из домов выгнали, забрали движимость, коровы, кони, волы, овцы, свини...»¹.

Так был подписан «добровольный» договор.

Как отнеслась масса тяглых сел к этому наступлению на их соседей бояре? Так же, как отнеслись в свое время бояре к наступлению на тяглых — пассивно. Отсутствие сплоченности, единства имело место и теперь. Вскоре Огинский решил, что и этот договор для него невыгоден. В условиях хорошего спроса и цен на хлеб он считал, что выгоднее эксплуатировать бывших бояр путем барщины. Крестьяне снова начали борьбу, но сейм в 1776 г. разъяснил им, что договор с Огинским — дело его доброй воли, а законом является сеймовое постановление об их тяглом характере. Сейм снова разрешал Огинскому употребить военную силу, если крестьяне не согласятся, что он и делал не раз. Бояре искали защиты и у суда, но, как и нужно было ожидать, их мотивы были признаны необоснованными. Они жаловались в 1784 г. и королю. Последний даже дал указ Огинскому о нечинении притеснения боярам и ликвидации «лишних налогов, побоев, мучений, содержания в неволе»². Как видно, бояре и в 80 гг. не прекратили сопротивления. Но все осталось по-старому.

Крестьянские движения в 60 гг. XVIII ст. не ограничиваются Шяуляйской экономией и Слонимским староством.

Насколько можно судить на основании инструкций послан на сейм 1761 г. от Стародубского повета³, то в добрах Виленской капитулы под названием Каменщина, Мозырского повета, уже несколько лет тянутся «крестьянские бунты, угрожающие всему Белорусскому краю», на усмирение которых были двинуты войска⁴.

В южных частях Белоруссии в 1768—69 гг. было неспокойно. Огромное движение на Украине докатывалось и сюда, рождая надежды у местного угнетенного крестьянства.

В эти же годы развернулись крестьянские выступления и в других местах Речи Посполитой, в т. ч. в коренной Польше.

Достойна внимания упорная борьба крестьян в имении Водзицких Поремба Великая. Начавшись в 1751 г., она затянулась на ряд десятилетий.

¹ „Manifest szlachty zdawa osiadłej w okolicy Pasiniskiej i Selewiczach“. «Книги земск. Слоним. «в ВЦГАДА, № 7702», а также «Рукопись» № А1021.

² «Рукопись», № А1021.

³ Т. е. от шляхты — беженцев из Стародубского повета, живших на территории Мозырщины.

⁴ Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах, т. 1, 636, Мінск, 1936.

В 60-ые же годы имели место разрозненные движения крестьян и в других местах Польши: в районе Люблина, в д. Мостники, в Мазовии, в окрестностях Пшетбожа.

Такая активизация крестьян в это время является совершенно понятной. Ведь именно в это время, как было показано выше, широко развернулось наступление господствующего класса на крестьян.

Знаменательно, что в 60-х годах крестьянский вопрос принял широкие размеры как один из актуальнейших вопросов бытия целого феодального общества Речи Посполитой.

По просьбе польских феодалов по этому вопросу высказывались крупнейшие просветители того времени — Мабли и Руссо. По этому вопросу стали появляться статьи в «Мониторе» и, наконец, он сделался одним из наиболее острых вопросов польской публицистики. Ему уделяли свое внимание лучшие люди того времени.

Нельзя пройти мимо одной характерной черты — если защитники крестьян выступали с открытым забралом, то их противники считали лучшим отмалчиваться перед широким кругом общества. А если и выступали в публицистике, то скрывали свое имя. Это не говорит, конечно, о том, что господствующий класс соглашался с идеями прогрессивных публицистов.

На своих сборищах, вершивших дела в государстве (сеймах и сеймиках), они грубо отбрасывали всякие предложения о каком-либо улучшении положения крестьян.

Не безынтересны мотивы, которые при этом выдвигались: 1. Что какие-либо уступки крестьянам, сделанные шляхтой, вызовут с их стороны новые и новые требования, а потому, мол, лучше ничего не уступать. 2. Что уступки крестьянам разорят шляхту и чуть ли не пустят ее по миру.

Исключение составляет лишь законоположение, принятое сеймом в 1768 г., которое запрещало помещикам казнить крестьян. Это было первое юридическое ограничение помещичьего произвола в Речи Посполитой за последние триста лет.

О широком размахе крестьянского движения, о той глубине, с которой оно захватывало все общественные круги тогдашнего феодального общества, может свидетельствовать получивший тогда широкую известность и распространение документ под названием: «Проект хлопской конфедерации (в других случаях — «Проект положения крестьян»), найденный на рынке в Торчине после окончания ярмарки св. троицы в 1767 г.»¹

¹ „Projekt znaleziony w Torczynie w r. 1767, na jarmarku św. Trójcy“. Последняя публикация «Проекта» помещена с комментариями И. Миллера в «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. 1, М. 1956 г.

Оставляя в стороне спор об авторе этого «Проекта»¹, которым, по моему мнению, скорее всего был школьный учитель типа Александровича или низший клирик, мы должны признать, что лицо, написавшее этот документ, хорошо знало настроения крестьян и попыталось теоретически обосновать их. «Проект» — документ крестьянской идеологии.

Достоин внимания, что этот «Проект» появился во время созыва сейма 1768 г., рассматривавшего крестьянский вопрос. «Проект» был распространен по всей Польше в рукописных копиях. Он весьма встревожил шляхту.

В ответ на него появилось немало писем, то ли разделявших его, то ли осуждавших².

«Проект» или, как его часто именуют в польской литературе, «Торчинский манифест» или «суплика» — просьба, требует отмены крепостничества как насилия над природным правом равенства людей в правах и обязанностях. Он отбрасывает теорию иностранного происхождения шляхты как основание для угнетения крестьян. «Проект» утверждает, что крестьяне ничем не ниже шляхты, живущей их трудом, ибо многие короли суть «кость от кости нашей». Шляхта присвоила себе господство и плоды кровавого пота крестьян, вознаграждая последних за это цепями, дыбой, палками и надсмотрщиками. Все живут с крестьян: шляхта, духовенство, купечество и ростовщики. Все их состояние — дело рук крестьян.

В ряде стран (Голландия, Швейцария), говорится в «Проекте», сам народ правит без королей и вельмож, а в итальянских государствах: Венеция, Лукка, С-Марино благородные не имеют права жизни и смерти над простым народом. «Проект» соглашается на несколько привилегированное положение для низшего духовенства и учителей.

Он требует дедичного права для крестьян на их землю, права пользования лесом, права перехода при наличии заместителя, ликвидации службы во дворе, подвод сверх 12 миль, сторож кроме двора, даремщины, уменьшения барщины до трех дней (с волоки). Проект требует «добрых прав» и справедливого демократического управления, в которое должны быть допущены 4 представителя крестьян, требует участия последних в органах местного самоуправления и в войске. В случае неудовлетворения просьб крестьян «Проект» угрожает смертельной борьбой и повторением времен Хмельницкого и восстания в Краковском воеводстве (под руководством Костки Наперского).

¹ E. Rostworowski, *Domysły wokół tzw. supliki Torczyńskiej* („Kwartalnik historyczny” N 3, 1960).

² Рукописный отдел Библиотеки Академии наук УССР во Львове, № 562, стр. 165—168.

Автор «Проекта» обращается к крестьянам Польши и Великого Княжества Литовского и их провинций на польском и греческом (украинском) языках с призывом объединяться. Восстание украинских крестьян под руководством Хмельницкого делается символом единства в борьбе польских, украинских, литовских и белорусских крестьян. «Пришло время освобождения из неволи... какое село не присоединится к нам, то первое узнает нашу суровость... Будьте же милосердны к нам,— обращается автор «Проекта» от имени крестьян к шляхте,— ибо если мы не почувствуем облегчения, то вам придется ощутить, на что способны мы, угнетенные».

Требования крестьян, судя по «Проекту», выглядят довольно умеренно и, как типично средневековые, непоследовательно. Они не требуют прямо ликвидации феодального строя, крестьяне даже согласны на умеренную барщину. Они требуют устранения крайностей крепостнического строя. Однако нетрудно убедиться, что отрицание ими сословных привилегий и требование положить в основу общественных отношений естественное право, что их требования превратить крестьянские наделы в наследственную собственность, как и предоставление им права перехода и политических прав,— в условиях того времени объективно могли привести к постепенной ликвидации феодального строя.

Вторая волна крестьянских движений поднялась в 80-х годах. Она примыкает к деятельности четырехлетнего сейма, то предвзято, то прямо реагируя на нее.

Из движений в королевских экономиях можно указать на убийство в 1778 г. урядовца Брестской экономии. Для пресечения восстания в зародыше туда немедленно были брошены войска.

Выше уже упоминалось о крестьянском движении в 1788 г. в Шяуляйской экономии.

Упорные и затяжные (1775—1794 гг.) крестьянские движения имели место в Палангском старостве, а также в Стаклишской волости. Для подавления его были введены войска.

В 1791—1793 гг. крепостнических повинностей не выполняло местечко Пуня и крестьяне Пунской волости. Население, вооруженное топорами, косами и дубинами, напало на имение и избило администрацию¹.

В это же время происходили волнения в Велюонском старостве и в Байсогальском войтовстве. Снова были волнения крестьян в Подлясье и в Великой Польше.

Конституция 3-го мая 1791 г. была воспринята крестьянами в плане их ожиданий. Так, в Шяуляйской экономии нача-

¹ История Литовской ССР, часть 1, стр. 386—387.

лась агитация за прекращение барщины и дани. Король вынужден был издать специальный указ, призывавший крестьян к послушанию¹.

Подобная реакция на конституцию 3-го мая имела место и в ряде староств Короны. Крестьяне мотивировали свое поведение ссылками на положение крестьян в других странах, в частности, в Австрии, Пруссии и Франции. Они отказывались даже ходить на толоки и нести стражу, мотивируя, что настали уже «лучшие времена, и король работать им не велел»².

Несколько подробнее стоит остановиться на настроениях крестьян Гродненской экономии. В архивах сохранились 23 просьбы ее населения королю³. Просьбы 1791—1792 гг. значительно отличаются от просьб тизенгаузовского периода не только по содержанию, но и по форме. Половина всех просьб подана не одним, а двумя и больше селами и даже несколькими ключами.

Крестьяне ставят перед королем большие требования — перевод на чинш и гарантированное землепользование. Так, крестьяне Долгопольского ключа просят короля, чтобы он с нового хозяйственного года передал ключ в их держание за ту же сумму, которую уплачивает за него сегодняшний держатель⁴. Эта суплика интересна еще и тем, что она проливает свет на вопрос: какие крестьяне больше всего добивались перевода ключей на чинш? Когда крестьяне вручили администратору экономии принципиальное решение камеры о переводе ключа на чинш, он бросил злобную реплику, что не все села могут быть переведены на чинш, а потому занимающиеся торговлей пусть будут готовы выполнять барщину и впредь⁵. Те же элементы выступали в Шяуляйской и, наверняка, и в других экономиях. К такому же выводу можно прийти и на основании теоретических соображений.

О передаче ключа в держание просили и получили принципиальное согласие крестьяне Островецкого ключа. Однако, когда дело дошло до реализации, то с них запросили 30000 зл., в то время как предшественник держал ключ за 22000 зл.⁶

Перевода на чинш добились крестьяне Гродненского ключа, а еще раньше, в 1789 г., крестьяне Черлоевского ключа.

¹ T. Korzon, *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, t. I, s. 365.

² Там же.

³ W. Kula, *Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w.*, s. 367.

⁴ Там же, стр. 370.

⁵ Там же, стр. 371.

⁶ Там же.

В 1792 г. они вновь просят короля передать им ключ в держание «без барщины»¹.

Суплики девяностых годов свидетельствуют и о росте политической сознательности крестьян. Крестьяне пишут, что они «дожили до времен, о которых лишь мечтали», они приветствуют короля и сейм (случай исключительный) и надеются, что и «люди нашего сословия» не будут забыты².

Крестьяне с. Добринки (Брестская экономия) по поводу своего перевода с барщины на чинш пишут, что теперь «народ познал отчизну и ее вольность, потому что с его шеи снято ярмо неволи»³. Как видим, у крестьян барщина сделалась синонимом «неволи»!

Исследователь крестьянских просьб в королевских экономиях Великого Княжества Литовского В. Куля пишет, что подобные требования и мотивы свойственны просьбам крестьян и других экономий⁴.

Станислав-Август в своем письме от 25/IV 1792 г. к польскому послу в Лондоне — Букатому упоминает: «четыре искры, показавшиеся среди крестьян, не желавших уже ни подачей платить, ни повинностей нести, были ликвидированы то ли универсалами, то ли военной силой»⁵.

Конституция 3-го мая, устранив некоторые пороки государственного строя, сохранила нерушимым феодальный способ производства. Крепостное крестьянство от новой конституции фактически ничего не получило.

Шляхетские реформаторы, стремясь вывести страну из политического тупика и несколько приспособить ее строй к капиталистическим отношениям, в то же время прилагали все усилия, чтобы не допустить слияния в одно мощное движение разрозненных выступлений крепостного крестьянства и движения, начавшегося в городах⁶.

Выходом для Польши из создавшегося положения могла быть революция. К. Маркс указывал, что: «Великие земельдельческие страны между Балтийским и Черным морями могут спасти себя от патриархально-феодального варварства лишь путем аграрной революции, которая превратила бы крепостных или тяглых крестьян в свободных землевладельцев, — революции, совершенно подобной той, что произошла в 1789 г. во французской деревне»⁷. Город Польши, однако, не способен был возглавить такую революцию.

¹ W. Kuła, Szkice o manufakturach w Polsce XVIII w., s. 367.

² Там же, стр. 371—372.

³ Там же, стр. 372.

⁴ Там же, стр. 373.

⁵ Там же, стр. 365.

⁶ История Польши, т. 1, М., 1956, стр. 400.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VI, стр. 383.

Конституция 3 мая по существу представляла собой акт, который остался почти нереализованным. Магнаты для борьбы с сеймом создали конфедерацию в Торговице, поддержанную царским правительством. Русские войска заняли летом 1792 г. территорию Великого Княжества Литовского. Постановления четырехлетнего сейма были отменены. Произошел второй раздел Речи Посполитой. «Раздел Польши,— писал Маркс,— осуществился благодаря союзу крупной феодальной аристократии Польши с тремя державами, принявшими участие в разделе. Он... был последним средством для высшей аристократии спасти себя от революции»¹.

По второму разделу к России вернулись земли, представлявшие собой часть территории бывшей Киевской Руси — Правобережная Украина и центральная Белоруссия с Минском.

Основная масса шляхты и духовенства поспешила принести присягу верности русской царице. Аристократия не скрывала своих симпатий к русскому правительству. Землевладельцы предпочитали эксплуатировать своих крестьян под могучей сенью императорского орла, чем с освобожденным крестьянством бороться против него.

Оставшаяся после второго раздела территория Речи Посполитой по существу уже не способна была к самостоятельной экономической и политической жизни. Сам факт разделов, экономический кризис, военные посты оккупантов, правление конфедератов создавали благоприятную почву для волнений в стране, особенно среди горожан. В Варшаве продолжали действовать тайные революционные клубы. Не было спокойствия и в рядах средней и мелкой шляхты присоединенных к России белорусских территорий, где царизм ущемлял порой их интересы. Положение в деревне тоже было напряженное. Крестьянство, ожидавшее улучшения своего положения в связи с присоединением к России, волновалось. Рекрутские наборы и подушная подать, собиравшиеся русским правительством, были ненавистны крестьянам.

Радикально настроенные шляхтичи и буржуазия стремились захватить руководство движением в свои руки и использовать его для восстания против интервентов. Вождем восстания был избран мелкий шляхтич из Белоруссии — Тадеуш Костюшко, военный инженер, принимавший деятельное участие в освободительной борьбе северо-американских штатов. Идеологом был Г. Коллонтай. Вспыхнувшее в Кракове 24/III 1794 г. и бурно поддержанное в Варшаве восстание быстро охватило почти все воеводства, в т. ч. литовские и западно-белорусские и стало перебрасываться на русскую зону.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VI, стр. 383.

23 апреля местные польско-литовские войска при поддержке мещан и шляхты под руководством полковника Я. Ясинского — человека радикальных взглядов, взбунтовавшись против управления конфедератов, захватили г. Вильно, разбив здесь царские войска. Восставшие создали правительственный орган для Великого Княжества Литовского — «Народный Совет Провинций» и возобновили действие Конституции 3 мая. В обращении к населению восставшие говорили о связи Польши с дружественным французским народом.

Литовский гетман С. Коссаковский, один из руководителей торговицких конфедератов, был восставшими судим и публично повешен. Средняя и особенно безземельная мелкая шляхта Западной Белоруссии повсеместно приняла участие в восстании, объявляя с этой целью конфедерации, как это имело место в Браславе. Восставшие в ряде поватов захватили власть в свои руки, в т. ч. в Гродно, Бресте, Пинске, Слониме, Новогрудке.

Костюшко хорошо понимал необходимость привлечения к борьбе наряду с мещанами крестьян. С этой целью 7 мая под Поланцем им был издан универсал, который объявил крестьян наследственными держателями наделов и лично свободными. Они имели право уйти от помещика, выполнив все повинности и уплатив долги. Участники восстания получили временное освобождение от барщины, а остальным она была уменьшена на треть.

Однако шляхта всячески саботировала поставки на армию, отпуск туда крестьян и требовала барщины от семейств солдат.

Руководство «Народного Совета», желая привлечь крестьян к поддержке восстания, давало им туманные обещания о ликвидации крепостничества. Вначале крестьяне Западной Белоруссии в ряде мест действительно поддерживали восстание. Каждые 5 дворов выставляли одного пешего, а каждые 50 — одного конного. На их содержание они же высылали сначала по 100, а позже — 15 злотых¹.

«Народный Совет» обратился к крестьянам с воззванием на литовском языке, в котором он призывал их забыть свою вражду к панам и выступить ради спасения своей родины.

Крестьяне Литвы, особенно Жемайтии, сначала довольно охотно откликнулись на эти призывы, надеясь, что борьба принесет им свободу. Нередко крестьяне, вступая в ряды повстанцев, требовали от помещиков клятвы, что в случае победы они будут свободны от крепостной зависимости.

¹ L. Żytkowicz, Stosunki skarbowe W. Ks. Litewskiego w dobie insurekcji kościuszkowskiej (Ateneum Wileński, rocz. X, s. 120).

Начальный период восстания знаменуется активными выступлениями крестьян. Так, недалеко от Шяуляй действовал крестьянский отряд, упорно боровшийся против царских войск на протяжении 4-х месяцев. Он был разбит царскими войсками, а его предводитель и семеро других крестьян, попавшие в плен, были четвертованы¹.

Крестьянские отряды действовали также возле Алитуса, Расейний и в ряде других мест. Особенно прославился действовавший в Жемайтин отряд Вайткавичюса. Он произвел смелое нападение на порт Либаву, где захватил большое количество оружия. Повстанцы удерживали Либаву около месяца².

Крестьяне с. Павлово, вооруженные Бжостовским, обстреляли казаков, за что были изгнаны из деревни³.

Командиры русских отрядов (Деев, Цицианов и др.) сообщают о нападавших на них крестьянских отрядах в несколько тысяч человек. Генерал Тутолмин просил прислать ему 10000 башкиров, дабы они кнутах отбили у крестьян охоту воевать. Такое положение весьма обеспокоило царское правительство. Оно поставило себе целью оторвать крестьян от помещиков, используя для этого недоверие и ненависть крестьян к последним. В ряде случаев крестьянским общинам были переданы в распоряжение даже секвестрированные имения повстанцев — помещиков. Особенно боялся за крестьян кн. Репнин, назначенный командующим русскими войсками в Великом Княжестве Литовском. Он даже обратился к крестьянам со специальным воззванием, в котором советовал им оставаться спокойными, не верить обещаниям бунтовщиков⁴. За доставленных шляхтичей-бунтовщиков крестьянам выдавали награды.

Зная прекрасно о недавних волнениях крестьян в Шяуляйской экономике, Репнин советовал генералу Голицыну, дабы привлечь их на свою сторону, разрешить им выбрать себе администрацию и вернуться к старым повинностям⁵.

С той же целью вбить клин между панам и их подданными воинским частям было приказано располагаться и довольствоваться не у крестьян, а на фольварках.

В то время как русское правительство своими мероприятиями сеяло недоверие и вражду к восстанию, руководство последним своим двойственным поведением отталкивало крестьян от себя. «Народный Совет», с одной стороны, признавал

¹ История Литовской ССР, т. I, стр. 405.

² Там же.

³ L. Zytkowicz, Rządy Repnina na Litwie, s. 314.

⁴ Де-Пуле, Станислав Август Понятовский в Гродне, стр. 34, 219, СПб, 1871.

⁵ L. Zytkowicz, Rządy Repnina na Litwie, s. 316.

необходимость коренных уступок крестьянам и их вооружения, а, с другой стороны, он не хотел поступиться основными шляхетскими интересами и боялся дать крестьянам оружие в руки. Шляхта боялась, что восстание с широким участием крестьян перерастет в аграрную революцию, которая сметет вообще феодальный строй в Речи Посполитой. Крестьянам во многих местах побоялись даже объявить Полонецкий универсал. Крестьяне, увидев, что шляхта им в действительности ничего не собирается дать, стали отходить. Началось бегство рекрутов с оружием. Крестьяне отказывались давать рекрутов даже в таких селах, как Вишнево и Щорсы, где в свое время Хрептович провел реформу. Набор рекрутов силой лишь обострял отношения, толкал крестьян на враждебные действия.

Уже с июля 1794 г. по всему Великому Княжеству Литовскому чувствовалось растущее враждебное отношение крестьян к восстанию. Об этом широко сообщают с мест «Комиссии порядка» (Кобрин, Расейняй, Пренай и т. д.)¹. Восстание выдыхалось, захлебываясь в своих противоречиях.

Попытки поднять восстание в Минской и других белорусских губерниях, для чего восставшие двинулись в их пределы со стороны Слонима, Вильно и Браслава, потерпели неудачу. Лишь часть мелкой и немного средней шляхты присоединилась к повстанцам. Средняя шляхта, боясь конфискации имений русским правительством и возможных движений крестьян, вела себя смирно.

10 октября Костюшко был разбит под Мацейовицами и раненый взят в плен. Восстание было подавлено. Вместе с ним закончилось и заигрывание царизма с крестьянами. Генерал Цицианов приказал крестьянам на Гродненщине выполнять распоряжения их панов, не оглядываясь на универсалы Костюшко под страхом сурового наказания. Речь Посполитая была поделена окончательно. Дворянство Западной Белоруссии толпами бросилось присягать на верность царице Екатерине, прося разрешения «повергнуться лично к стопам е. и. в. . . дабы принести всеподданнейшее благодарение за избавление сей земли от ига вероломных мятежников»².

Дворянская крепостническая Российская империя, жестоко подавлявшая малейшие крестьянские неповиновения, рисовалась шляхте и особенно магнатам как выход из неустойчивого положения, создавшегося в Речи Посполитой в последние годы ее существования. Польские магнаты и шляхта в деле предательства национальных интересов не одиноки и не представляют собой исключения. В. И. Ленин, обобщая уроки

¹ L. Zytkowicz, Rządy Repnina na Litwie, s. 316—317.

² Сборник императорского исторического русского общества, т. XVI, стр. 87, СПб., 1875.

истории, писал: «История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов»¹.

В результате военных действий крестьяне Белоруссии и Литвы попали в очень тяжелое положение — свирепствовал голод. Чтобы как-то облегчить положение, Репнин вынужден был распорядиться, чтобы крестьянам королевских экономий заимообразно был отдан хлеб, причитавшийся державцам. Так, в частности, по Брестской экономии крестьянам было роздано 3418 бочек хлеба, а по Шяуляйской — разрешено использовать средства коммунальных магазинов и касс².

По третьему разделу (1795 г.) Речи Посполитой Литва и Западная Белоруссия с городами Гродно, Слоним и Брест отошли к России, что создало возможность объединения всех белорусских земель и воссоединения белорусского народа с великим своим братом — русским народом. Был ликвидирован религиозный и смягчен национальный гнет. Белорусский и литовский народы были спасены от денационализации. Дальнейшая история литовского и белорусского народов протекала в обществе, хотя и крепостническом, но все же более прогрессивном, чем в Польше. Русские революционно-демократические идеи способствовали росту самосознания литовского и белорусского народов, вовлекали их в русло общероссийского революционного движения.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 87.

² L. Żytkowicz, Rządy Repnina na Litwie, s. 146.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическое и политическое развитие Речи Посполитой во второй половине XVIII в. сопровождалось определенными изменениями в поместье как в области хозяйства, так и социальных отношений.

Характерной чертой в развитии положения всего крестьянства является тенденция к унификации различных его категорий и групп (государственные и частновладельческие; барщинные, оброчные, слуги).

Развитие производительных сил как в области промышленности, так и сельского хозяйства, рост разделения труда, начинавшаяся специализация районов, как и рост внутреннего и внешнего рынка, способствовали дальнейшему вовлечению поместного, т. е. господского и крестьянского, хозяйства в товарно-денежные отношения. Это, в основном, определило направления экономического развития и социальных отношений в поместье:

1. Способствовало разрушению натурального характера поместного хозяйства. Однако, как мы видели, протекал этот процесс весьма пестро и противоречиво как в господском, так и крестьянском секторах.

2. Послужило причиной увеличения повинностей всех видов и категорий крестьян, а также роста, а в ряде случаев возникновения фольварочной пашни.

3. Содействовало обострению противоречий между деревней и двором. Рост фольварочного хозяйства вызвал наступление феодала на землю, бывшую в распоряжении крестьян, и на их труд.

Наступление на труд крестьян шло по линии увеличения барщины до 4—8 дней с волоки для тяглых и увеличения повинностей работой для чиншевых и слуг. Еще в большей степени, чем барщина, выросли дополнительные работы: толоки, гвалты, шарварки и, особенно, тяжелые для крестьян подводы.

Как никогда раньше умножились шляхетские предприятия, в т. ч. мануфактуры, а также торговые монополии и банали-теты двора.

Усиление эксплуатации крестьян, хотя и отрицательно отражалось на состоянии их хозяйства, но еще оставляло из-

вестные возможности для его развития (рост населения, рабочий и продуктивный скот, рост урожаев, закультивирование пустых земель и т. д.).

Дальнейшее вовлечение крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения усилило процесс экономического расслоения крестьянства, который протекал более успешно у чиншевых и служебных крестьян. Барщинно-крепостнические отношения тормозили этот процесс, но не могли остановить. Рост бедноты, в т. ч. безземельных, происходил все же преимущественно в результате общего обеднения и разорения крестьянства. Можно наблюдать случаи перерастания экономического неравенства в социальное.

Известным выражением развития товарно-денежных отношений растущего экономического неравенства и обеднения некоторой группы крестьян был наем (постоянный, сезонный, поденный) как в фольварочном, так и крестьянском хозяйстве. Однако во многих случаях он все еще носит феодальный характер.

Во второй половине XVIII в. как в фольварочном, так и крестьянском хозяйстве создавались условия для возникновения и в дальнейшем развития капиталистических отношений (наличие товарного крупного производства и торгующего крестьянского хозяйства, наличие наемной рабочей силы, дифференциация крестьянства и т. д.).

Общее наступление на крестьян не могло не вызвать с их стороны отпора. Хотя дифференциация крестьянства и рождала внутри деревни противоречия между зажиточными и беднотой, но в отношении фольварочно-барщинной системы деревня оставалась единой. В борьбе против нее зажиточные крестьяне часто играли ведущую роль.

Конкретная борьба происходила в основном по вопросу о форме и норме эксплуатации, за наибольшую свободу личности и хозяйства крестьянина, т. е., в конечном счете, за ликвидацию фольварочно-барщинной системы.

Противоречия внутри господствующего класса и борьба за сохранение независимости создавали благоприятные условия для подъема крестьянского движения. Однако в Речи Посполитой того времени не оказалось в наличии политической силы, которая могла бы возглавить борьбу народа за национальное и социальное освобождение.

Экономическое развитие страны, классовая борьба, направление в развитии передовой общественной мысли и государственные и частные реформы свидетельствовали о начавшемся разложении феодального строя.
